

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

КОМИССИИ по ИЗУЧЕНИЮ ПАМЯТНИКОВ
ЦИВИЛИЗАЦИЙ ДРЕВНЕГО и СРЕДНЕВЕКОВОГО
Востока

ВСЕСОЮЗНОЙ АССОЦИАЦИИ ВОСТОКОВЕДОВ

археологические источники

Москва
1989

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ВСЕСОЮЗНАЯ АССОЦИАЦИЯ ВОСТОКОВЕДОВ
КОМИССИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ ПАМЯТНИКОВ ЦИВИЛИЗАЦИИ
ДРЕВНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА

ИНСТИТУТ ИСКУССТВОВЗНАНИЯ им. ХАМЗЫ
МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ Уз.ССР

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

Комиссии по изучению памятников цивилизаций
древнего и средневекового Востока

(Археологические источники)

Дорогому Эдуарду Василе
от одного из читателей
с пожеланием выискивать

Кальверштедтене 1989

Визунов

Москва
"НАУКА"

Главная редакция восточной литературы
1989

Ответственные редакторы

Г.А. Кошеленко

С.А. Узянов

© ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АН СССР , 1989

СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ В РАННЕ-СРЕДНЕБРОНЗОВОМ ВЕКЕ (Модель выделения археологической культуры)

Изучение памятников пост-майкопского и докатакомбного периода в центральной части Южного Предкавказья (конца III-середины II тыс. до н.э.), длящегося более 100 лет, не имеет пока естественного завершения в форме выделения археологической культуры на базе этих памятников. Вместе с тем от обоснованного ее выделения зависит решение вопросов происхождения и контактов культур бронзового века не только в Предкавказье, но и в пограничных с ним районах, а также проблем этнической истории такого региона, как Кавказ.

Актуальность проблемы обоснованного выделения археологической культуры ранне-среднебронзового века центральной части Предкавказья возросла особенно в последнее время с формированием новой источниковой базы (более 500 погребальных комплексов), в десятки раз превосходящей число достоверных комплексов, известных к 1960 году, на базе которых была "выделена" северокавказская культура (10). Различия старой и новой источниковой базы носят и качественный характер: только керамический фонд превысил в 9-10 раз коллекцию сосудов из сводки В.И.Марковина (10, рис.40), а по числу типов - в 8 раз. Изменившиеся качество и количество новой источниковой базы потребовали новой интерпретации материала.

Первые критические пересмотры основ "концепции" единой археологической культуры в бронзовом веке Северного Кавказа (все II тыс. до н.э.) в границах от моря до моря и от северных границ Предкавказья до Главного Кавказского хребта были предприняты В.А.Сафроновым в 1968-1974 гг. (21, 22, 23) Из массива объектов северокавказской культуры были вычленины памятники древнейшей, катакомбной, гинчинской и дигор-

ской культур. Оставшийся массив памятников был распределен в схеме 4-х ступенчатой эволюции в рамках от I9-I8 до I5 вв. до н.э. на основании данных стратиграфического распределения северокавказских импортов на сопредельных территориях. Последовательность периодов и стадий подкреплялась и абсолютными датами из ближневосточных памятников для ряда существенных категорий инвентаря северокавказских памятников. Впервые в связи с северокавказским материалом среднебронзовой эпохи были привлечены для датировки такие памятники Древнего Востока, как Тепе Диамшиди, Тепе Гийян, Нузи и др., которые позже прочно, хотя и безымянно, вошли в арсенал ряда исследователей (А.Л.Нечитайло -I2, с.68; С.Н.Кореневский, 5, с.276).

Концепция В.А.Сафронова, опирающаяся на ту же источниковую базу, что и концепция "северокавказской культуры", представляла альтернативу последней, однако не произвела желательного следствия (кроме того, что В.И.Марковин сделал некоторые терминологические коррективы: вместо слова "культура" он употребил новый термин "культурно-историческая общность/область", а варианты северокавказской культуры предложил со временем называть культурами - об этом см. I7, с.35). Хотя существует мнение, что старая теория опровергается не фактами, а новой теорией, в данном случае эта аксиома не имеет силы, и потребовались новые полевые исследования и новые факты, подтверждающие ту или иную концепцию.

Сложение новой источниковой базы на основе раскопок памятников пост-майкопского и докатакомбного периода в Кабардино-Балкарии (I,2), Западном Предкавказье (3,I4 и др.) Северной Осетии (I5-20,24-28) ознаменовало новый этап в интерпретации этих памятников. В.А.Сафроновым были созданы хронологическая I6-ступенчатая схема бронзового века Северного Кавказа, а также система энеолита-бронзового века Восточной Европы (24-27), в которых было показано место северокавказских памятников. В работах В.А.Сафронова преобладал хронологический аспект; вопросы выделения культур играли второстепенную роль, поэтому культура среднебронзового века Центрального Предкавказья не была выделена как археологи-

ческая культура. Обоснованием выделения памятников пост-майкопского и докатакомбного времени в археологическую культуру мы стали заниматься с 1978 года, причем в первых работах (16) мы акцентировали внимание не на основаниях выделения культуры, а в вопросах ее происхождения, полагая, что массив памятников среднебронзового века Центрального Предкавказья, выделенный В.А.Сафроновым в 1974 году (23), соответствует археологической культуре. Однако вопросы выделения археологической культуры и ее терминологии в связи с массовыми раскопками приобрели первостепенное значение, поскольку практика включения новых памятников с новым содержанием в рамки несостоятельной и бесплодной концепции "северокавказской культуры" (СКК) или культурно-исторической общности (СК. КИО) сохранялась.

Мы предложили ряд терминов для нового массива памятников пост-майкопского и докатакомбного периода Центрального Предкавказья (16,19,20), однако эти термины не сопровождались собственно выделением археологической культуры, что было отмечено нашим оппонентом (В.И.Марковин писал, что наша кубано-терская культура представляет эквивалент центрального варианта СКК -)

Для того, чтобы методически показать отличие содержания кубано-терской культуры (КТК) от центрального варианта СКК и от СКК в целом необходимо было выбрать такой регион, который не был исследован при создании концепции СКК в 1960 году. На новой источниковой базе и в новом регионе следовало отработать "модель культуры" (т.е. применить весь комплекс операций, составляющих выделение культуры), а затем распространить ее на весь ареал культуры, причем сделать это объективными методами, не пользуясь старыми представлениями об единстве некоего массива памятников. Таким образом, возникла задача выбора и создания эталонного памятника и неисследованного региона, который надлежало исследовать практически и теоретически. Таким регионом являлась Северная Осетия, которая на археологической карте 1960 года оставалась "белым пятном". Этот регион был нами исследован в предгорной и степной части в течение четырех лет.

Эталонный памятник, на котором была создана модель культуры, - могильник Дзуарикау (18), в котором находились погребения трех культур: майкопской, куро-аракской и кубано-терской.

Хронологическая позиция памятника определялась нами по хронологической схеме памятников Северной Осетии, разработанной совместно с В.А.Сафроновым (16,16а, 24,25), а также соответствующим этапом кубано-терской культуры (нами в 1981 году было выделено пять этапов КТК: I-Y -20, с.77-100). Понятие "горизонт" - вспомогательное, обусловленное стратиграфией памятников; понятие "период" - хронологическое, это элемент периодизации, хронологической схемы (Раннебронзовый I-III, Среднебронзовый Ia-с, Па,ь); понятие "этап культуры" - историческое и может включать один-два периода хронологических. Позже (34) был выделен VI этап КТК.

Соответствие между горизонтами
и этапами КТК

Таблица I

Стратиграфические горизонты и хронологические периоды по Сафронову-Николаевой		Этапы КТК, культуры (по Николаевой - 20)
Раннебронзовый I	РБ I	Майкопская культура
Раннебронзовый Па	РБ II	Новосвободненская культура
Раннебронзовый Пь	РБ Пь	Кубано-терская культура, I этап
Раннебронзовый III (куро-аракский период)	РБ III	Кубано-терская культура, II этап
Среднебронзовый IaI-а3	СБ IaI-3	Кубано-терская культура, III этап
Среднебронзовый Iь-с	СБ Iь-с	Кубано-терская культура, IV этап
Среднебронзовый II	СБ II	Кубано-терская культура, V этап
Среднебронзовый III	СБ III	Кубано-терская культура, VI этап

1. Обоснование выбора курганного могильника Дзуарикау и микрорегиона Северная Осетия в качестве эталонных для выделения кубано-терской культуры.

Объект исследования – памятники пост-майкопского и докатакомбного времени Северной Осетии – получен как результат вычитания из массива памятников бронзового века Северной Осетии памятников майкопской и катакомбной культур, имеющих высокоизбирательные культурно-дифференцирующие признаки. (керамика для майкопской культуры; катакомба – для катакомбной культуры).

В качестве эталонных Северная Осетия и Дзуарикау удовлетворяют ряду условий.

Исследованность региона, памятника. В Северной Осетии исследованы четыре района, пять курганных групп; имеется несколько достоверных комплексов из раскопок В.Х.Тменова, Д.Газдапустаи, Н.И.Гиджрати в Моздокском, Кировском, Правобережном районах СО АССР.

Обеспеченность всех этапов эволюции КТК. В отличие от других регионов Кубано-Терского междуречья в СО АССР раскопаны наиболее ранние памятники КТК (Дзуарикау I/I9), I этапа. Столь раннее начало КТК в других регионах проблематично, хотя недавно появилось сообщение (I3) о находке литевой формы проушного топора типа Дзуарикау I/I9 в окрестностях Пятигорска (Скачки к/п), однако отсутствие данных стратиграфии и меньшая информативность пятигорских памятников не позволяет даже сейчас выдвинуть Пятигорье в качестве эталонного региона для КТК. Обеспеченность финального (VI) этапа КТК также неодинакова по регионам Кубано-Терского междуречья. Этот этап не представлен в Верхнем Прикубанье, Пятигорье, но представлен в высокогорье Кабардино-Балкарии и Северной Осетии, однако только в последнем этот этап обеспечен стратиграфическими данными. (Хазнидон I/I)

Количество культур, синхронных с КТК, в эталонном регионе должно соответствовать представленным в целом по междуречью. Только в СО АССР и в КБ АССР зафиксированы памятники куро-аракской культуры. В Верхнем Прикубанье и в Пятигорье, как и в степях, прилегающих к этим регионам, таких

памятников нет. Однако только в СО АССР куро-аракские памятники связаны стратиграфическими соотношениями с КТК. (И8, с.20-29) Северная Осетия является единственным регионом Кубано-Терского междуречья, где выявлены куро-аракские погребальные памятники как в равнинной части, так и в среднегорье. Существование чисто куро-аракских комплексов в среднегорье (Загли-Барзонд у с.Кобан, Шау-Лагат) позволяет безошибочно отделить чисто куро-аракские памятники от памятников со смешанной куро-аракско-кубано-терской традицией.

Достоверность комплексов. Обеспеченность стратиграфическими данными. Субъективно Северная Осетия является наиболее достоверным изученным регионом, поскольку был доступен для нас в непосредственном наблюдении в поле. Объективно в настоящее время Северная Осетия обеспечена в большей степени стратиграфическими наблюдениями на памятниках среднебронзового века, чем любой другой регион междуречья.

Коэффициент заполнения комплекса в эталонном регионе и памятнике должен соответствовать максимальному значению коэффициента в целом по междуречью. Комплексы КТК в Северной Осетии содержат от I до IO сосудов, от I до IO типов металлокомплекса, все основные типы могильных конструкций КТК, причем эти комплексы связаны между собой стратиграфическими соотношениями, что позволяет провести корреляционный анализ и расставить хронологические реперы на корреляционном поле.

Из североосетинских памятников КТК происходит коллекция керамики (более 200 сосудов), составляющая около половины целых форм керамики КТК (И8, с.99 и сл.)

Курганный могильник Дзуарикау - эталонный для разработки классификационных схем керамики КТК, поскольку из его погребений происходит более 100 сосудов КТК, в которых представлены все типы сосудов, характерных для КТК всего междуречья (И8). Все 25 погребений связаны стратиграфическими соотношениями. Следует подчеркнуть, что керамическая коллекция только по Дзуарикау в 3 раза превышает коллекцию сосудов по СКК в ее центральном варианте, а типологически в 4 раза, что значительно повышает надежность классифика-

ционных построений.

Из вышесказанного следует, что только в Северной Осетии существуют реальные возможности (стратиграфия) разделения памятников КТК и куро-аракской культуры; только в Северной Осетии существует непрерывность развития КТК от I до VI этапа, что позволяет воссоединить массив памятников КТК на основании культурно-интегрирующих признаков, а не только обособить этот массив от майкопской и катакомбной культур на основании культурно-дифференцирующих признаков последних. Только в Северной Осетии представляется возможным рассмотреть культурно-исторический процесс в пост-майкопский период на коротких хронологических отрезках (приблизительно говоря, длительностью до 100 лет). Возможность подробного исследования обогащает понимание содержания культурно-исторического процесса в конце III-первой половине II тыс. до н.э.

2. Курганный могильник Дзуарикау и его место в реконструкции культурно-исторического процесса в Кубано-Терском междуречье в конце III-начале II тыс. до н.э.

Памятник обнаружен на Северо-Осетинской равнине, у входа в Куртатинское ущелье (р.Фиагдон), на западной окраине с.Дзуарикау, в 22 км к западу от г.Орджоникидзе. Включал 12 курганных насыпей, размещенных на отрезке в 500 м. Раскопан в 1976 г., опубликован в 1980 г. (18, рис.1)

В курганах было выявлено 56 погребений, из которых 25 комплексов относилось к кубано-терской культуре, остальные принадлежали к майкопской и куро-аракской культурам.

В Дзуарикау обнаружены комплексы, которые являются связующими между погребениями среднебронзовой эпохи Дзуарикау и других курганных памятников Северной Осетии -Хазнидона, Чикола, Ногира, Дигоры и др.

Особое значение могильника Дзуарикау состоит в том, что в его курганах найдены чисто куро-аракские памятники, а также комплексы, соединившие в себе куро-аракскую и кубано-терскую традиции ранне- и среднебронзового века. Хорошая стратифицированность курганных погребений Дзуарикау позволила определить хронологическое место куро-аракских памятников в Дзуарикау и реконструировать механизм взаимодейст-

вия и смены культур в раннебронзовом веке Северной Осетии. В этом выдающееся значение открытия этого могильника, открывшего завесу над наименее исследованным периодом древнейшей истории Северного Кавказа.

Инвентарь могил Дзуарикау – в основном, керамика. Металла немного, правда, все бронзовые предметы выразительны и проблемны. Отреставрировано 143 сосуда майкопской, куро-аракской и кубано-терской культур. В II курганах получены данные стратиграфии. В кургане 10 находилось только одно погребение. Стратиграфические данные о положении каждого погребения в кургане позволили выстроить последовательность погребений во времени. Древнейшими в курганах Дзуарикау (и в Северной Осетии являлись погребения майкопской культуры, причем они известны для двух хронологических ступеней. Стратиграфически куро-аракские могилы следуют в курганах за майкопскими, но обнаружение в горных куро-аракских погребениях около Верхнего Кобана майкопского проушного топора позволяет думать о частичном сосуществовании равнинных майкопских поселенцев с горными куро-аракскими племенами. Между куро-аракскими и майкопскими погребениями вклинивается горизонт культуры, отличной как от майкопских, так и от куро-аракских погребений. Эта культура была выделена нами и названа КТК (19, с.97-99). Горизонт "чистых" куро-аракских погребений-кенотафов, следующий за древнейшими погребениями I этапа КТК, сменяется синкретичными памятниками, соединяющими в себе куро-аракскую и кубано-терскую традицию. Куро-аракские элементы включаются в новую культуру КТК и постепенно перерабатываются в новой среде. Этот процесс продолжается вплоть до катакомбной эпохи (СБ Ы-с, IУ этап – 18, с. 18-80). В катакомбную эпоху памятники КТК находятся в зоне среднегорья, т.е. там же, где размещались памятники куро-аракской культуры на I этапе КТК.

3. Стратиграфия курганов Дзуарикау

Стратиграфия майкопских и куро-аракских погребений была прослежена в курганах 1 и 2. В кургане 1, кроме основного майкопского погребения 1/20, под древнейшей насыпью находилось еще два майкопских. Центральная могила была ограблена.

Выкид от грабительской ямы наслои́лся на северную полу древнейшего кургана, причем на выкиде находился целый майкопский сосуд. С вершины древнейшей насыпи было впущено погребение КТК в яме, обложенной булыжником (или конструкции из булыжника типа ящика), I/I9 с топором пост-новосвободненского облика (более развита лезвийная часть, приплюснута обушная часть, см. I8, рис.3-6). Последним впускным в курган было погребение I/I5. Это кенотаф. По форме могилы, по расположению сосудов вдоль длинной стороны могилы, по набору керамики, по серебряным кольцам с несомкнутыми концами, по местоположению в могиле колец и топора это погребение-кенотаф находится в тесной связи с погребением 2/2 в соседнем кургане. Половина инвентаря в обоих погребениях связана с куро-аракской традицией, половина - с кубано-терской. (I8, с.25,30) Если металлокомплекс I/I5 (топор и серебряные подвески с несомкнутыми концами - I8, рис.4:I:4-6) куро-аракский по атрибуции, то кабардино-пятигорский гладкий змеевиковый топор из 2/2 (I8, рис.7:III:IO) - типично кубано-терский атрибут. И наоборот, двуручные сосуд из I/I5 - орнаментированы и технологически выдержаны в традиции КТК, тогда как двуручные сосуды из 2/2 - чернолощены, на "желтой" подкладке и выдержаны в куро-аракской традиции. Корчага из I/I5 представляет собой вариант корчаги из 2/2, но без характерных куро-аракских технологических особенностей (выступа, ручек, подкладки), более приближена к кубано-терским традициям. Учитывая, что атрибуция определяется прежде всего по керамике, следует все-таки керамику I/I5 признать в большей мере кубано-терской, хотя общие формы из КТК и КАК в обеих могилах - I/I5 и 2/2 - имеются. Погребения 2/2 и I/I5 занимают место в РБ III после "чисто" куро-аракских комплексов, какие представлены в 7/I,2,3 (I8, рис.I7).

В кургане 2 основным и первым впускным были погребения майкопской культуры -2/8 и 2/5. С поверхности древнейшей насыпи было впущено погребение 2/2, которое, как говорилось выше, определено нами периодом РБ III и как принадлежащее к куро-аракской традиции (I8, рис.7, с.30). В кромлехе была найдена корчага куро-аракского типа - 2/3, аналогичная кор-

чаге из 2/2.

Стратиграфия кубано-терских и куро-аракских погребений прослежена в курганах 1,2,4,7. В кургане 1 стратиграфия погребения 1/19 (I этап КТК, РБ Пь), как более древнего, и 1/15 (КТК/КАК,) как более позднего, устанавливается по выкиду от могилы 1/15 на древнейшем курганном слое (майкопском), законсервированному курганном слое (18, с.20) кубано-терской культуры. В кургане 7 центральным и древнейшим погребением было 7/4, относящееся к I этапу КТК, (18, рис.16). В полу кургана над 7/4 было впущено два каменных ящика с "чисто куро-аракскими комплексами керамики (18, рис.17) - 7/1 и 7/3. В кургане 2 куро-аракское погребение с чертами КТК - 2/2 - перекрывалось погребениями 2/3, 2/6-7, 2/1 (18, с.31,32), которые относились практически к одному промежутку времени (СБ IaI, III этап КТК). В кургане 4 (18, с.40, рис.11) древнейшим являлся склеповидный ящик, сложенный из песчаниковых блоков, перекрытый плитой, - 4/5. Содержал остатки двух человеческих скелетов и фрагменты куро-аракской керамики, что подтверждает его атрибуцию (РБ III, КАК). Это "чистый" комплекс КАК, перекрывался погребением (ограбленным) в каменном ящике 4/6 с фрагментами керамики КАК. Кубано-терские погребения 4/1-2, 4/3, 4/4 относятся к более позднему времени, чем погребения КТК в кургане 2, а именно - к СБ Iь-с (IV этап КТК).

Таким образом, часть кубано-терских погребений Дзуарикау стратиграфически оказывается древнее "чисто" куро-аракских могил. Это - 7/4, синхронное 1/19, характеризующие I этап КТК (РБ Па). Следующий стратиграфический горизонт и хронологический период РБ III связан как с "чисто" куро-аракскими комплексами - 7/1, 7/3, 4/5, 4/6, 12/1, 12/2, так и с комплексами, сочетающих черты традиции КАК и КТК. Совершенно ясно, что подобные синкретичные комплексы занимают в периоде РБ III место после "чистых" комплексов КАК (образуют второй ярус в этом стратиграфическом горизонте), причем в конце периода помещаются нами комплексы типа 1/15, в котором при сочетании традиции КАК и КТК, последняя доминирует. Хронологический период РБ III представлен, следовательно, па-

мятниковыми двух культур — кубано-терской и куро-аракской, а также синкретичными комплексами, указывающими на взаимодействие двух культур.

Кубано-терские погребения поздних периодов (III, IV этапы КТК) — I/5, I/6, I/9-10, I/I3-I4, I/18, 2/3, 2/6-7, 2/I, 4/I, 4/3, 4/4) в одиннадцати случаях перекрывают куро-аракские погребения в курганах I, 2, 4, так что куро-аракские погребения занимают стратиграфически промежуточное положение между ранними (I этап КТК) и поздними кубано-терскими погребениями

4. Стратиграфия кургана у с. Ногир

В кургане у с. Ногир (20, 28), находящегося на самой южной границе Северо-Осетинской равнины, у подножья Лесистого хребта, в 20 км от г. Орджоникидзе (28, с. 62), было обнаружено 10 погребений в хронологическом промежутке от конца III до середины II тыс. до н.э. (РБ Пь-СБ Пь), относящихся к КТК и катакомбной культурам.

Все погребения в кургане связаны стратиграфическими соотношениями, поскольку в кургане каждый элемент насыпи сооружался в связи с новым подзахоронением. Послойная стратиграфия представляется следующей. Первоначально был возведен каменный курганчик диаметром 10 м, высотой 1.5 м. Он был разрушен при ограблении основной могилы №6. На курган была насыпана земляная насыпь (Шб), которую укрепили камнем (прослойка Ша). На этот панцирь наслоился выкид от погребения №13, законсервированный вторым курганным слоем. Последний курганный слой законсервировал выкид от погребения I4. В соответствии со стратиграфией слоев выстроилась последовательность сооружения погребений: №6 — №13 — I4. Дополнительные стратиграфические наблюдения усложняют и корректируют последовательность захоронений. Так, могила №12 впущена в полу с поверхности II курганного слоя, что отмечается трапецией булыжника в разрезе бровки. Следовательно, за могилой I3 следовала могила I2. Погребение 8 было впущено в III курганный слой и разрушило его, а следовательно, оно древнее могилы I3. Погребение II находилось за пределами III курганного слоя в плане и могло быть впущено только до могилы I3, последней впусковой в III курганный слой. Последни-

ми впускными в курган были катакомбы №2,6,4, которые относились к двум хронологическим периодам (28, рис.2, с.63,64) Окончательно последовательность захоронений в ногирском кургане выглядит следующим образом: №6,15—№8, №11—№13, №12—№14—№2,6,4.

Курган в Ногире связывается с курганами у Дзуарикау по двум синхронным однокультурным захоронениям — Дзуарикау I/18 и Ногир I/8, а с другой стороны, с курганным могильником у с.Хазнидон, по аналогии между погребениями Ногир I/II Ногир I/8 и Хазнидон I/2 и I/4,2/3.

Катакомбы Ногира связываются с катакомбами из чиколинских курганов (28, с.63 и сл.). Курганный могильник Чикола находился в 5 км к северо-западу от с.Хазнидон.

Таким образом, хронологические периоды существования курганов у Дзуарикау, Ногира, Чикола, Хазнидона на определенном отрезке времени перекрываются и образуют хронологические перекрестные связи, охватывающие несколько синхронных погребений из разных могильников, разбросанных по Северо-Осетинской равнине на расстоянии более 100 км. Следовательно, эти материалы могут рассматриваться как основа для периодизации бронзового века северо-осетинского региона Центрального Предкавказья.

5. Курганный стратиграфия в могильнике Хазнидон

Курганы у с.Хазнидон (в 5 км от с.Чикола, в 90 км к западу от с.Ногир, в 70 км от с.Дзуарикау) содержали погребения только кубано-терской культуры. Исследовано 7 курганов, 23 закрытых комплекса, 17 непогребенных могил.

В кургане I содержалось четыре могилы, относящиеся к двум хронологическим периодам. В кургане 2 содержалось 6 погребений, которые хорошо увязаны между собой стратиграфически. В кургане 5 находилось 5 могил. В курганах 3,6,7 содержалось по одной могиле. Хронологический отрезок, на котором существовал могильник: СБ Iъ/Iс — СБ Па (IУ,У этапы КТК). Могильник дал 33 сосуда и несколько десятков украшений из бронзы. Керамический инвентарь Хазнидона и Дзуарикау позволил создать рабочую классификацию керамики, на основе чего разработать принципы систематизации керамики КТК (34). Ме-

талл Хазнидона позволил создать полную номенклатуру бронзовых предметов КТК и перейти к решению задач классификации и систематизации инвентаря кубано-терской культуры. Наиболее важным итогом исследования Хазнидона явилось выделение на его материалах "катакомбного периода" существования КТК, т.е. чересполосное ее существование с памятниками катакомбной культуры (У этап КТК, СБ Па; это период, в котором существуют катакомбные памятники степного Предкавказья ДІ, по В.А. Сафронову - 23). Кроме того, на основании стратиграфии кургана I в Хазнидоне и характера инвентаря погребения I/I удалось выделить последний, УІ этап КТК, синхронный хронологическому горизонту Сеймы-Бородина-культуры многоваликовой керамики (его началу), т.е. XIV в. до н.э. по Сафронову (2I). Об этом этапе мы уже писали (20, с.90)

В кургане I стратиграфия устанавливается по 4 разрезам трех бровок, в которых прослежено три курганных слоя. Древнейший (Ш) слой имеет в длину 19 м и высоту по центру 1 м (при общем диаметре кургана 23-28 м и высоте 1.92-1.38 м). Он был сооружен над погребением №2, выкид от которого наслоиился на древнюю дневную поверхность (прослежен в бровке 0). Последним впускным погребением в кургане было погребение №I, которое "пробило" все три курганных слоя. Оно хорошо прослеживалось в бровке и в плане благодаря заполнению, состоящему из булыжника, образующего в разрезе трапецию. Погребение №3 было впущено в полу древнейшего кургана (Ш) и выкид от него законсервирован слоем П. В полу второго курганного слоя впущено погребение 4, над которым был возведен I курганный слой. Таким образом, погребения в кургане I сооружались в следующей последовательности: I/2, I/3, I/4, I/I. Погребение I/2 связывается с погребением Ногир I/8 по форме четырехушковой амфоры куявского типа (рис.), по кабардино-пятигорскому топору (связь гладких и граненых топоров кабардино-пятигорского типа устанавливается по классификации В.А.Сафронова - 2I, табл.3,4; в Ногире I/8 - гладкий топор - рис. , а в Хазнидоне I/2 - граненый топор -рис.), по бронзовым украшениям (20, рис. I,3)

В кургане 2 выявлена стратиграфическая связь между

всеми шестью погребениями, впущенными в курган. Древнейшим в кургане было погребение 2/2 (выкид от могилы 2/2 наклоняется с севера от центра и прослежен в западном разрезе центральной бровки). Это погребение связано с сооружением древнейшего курганного слоя (IУ). В полу IУ слоя впущено погребение 2/5 и перекрыто III курганным слоем. Погребение 2/6 впущено в полу III курганного слоя и перекрыто II слоем, укрепленным каменным панцирем. Над могилой 2/6 прослеживается еще и прослойка Ша и, таким образом, II курганный слой связывается с последующим по времени 2/3. I курганный слой сооружен над погребением 2/4, относящимся к катакомбной эпохе (СБ Па). Близко к нему по времени и погребение 2/1, содержащее почти идентичный металлический инвентарь, но совершенное по иному обряду, чем 2/4: скорченно на боку (вытянутое в 2/4). Стратиграфия кургана 2 является основой для периодизации культуры среднебронзовой эпохи на ее финальных стадиях и позволяет констатировать появление двуобрядности на этапе СБ Па.

В кургане 5 обнаружено четыре могилы, из которых одна могила — кенотаф. В разрезах кургана выявлено три курганного слоя: устанавливается послойная стратиграфия благодаря фиксации выкидов от погребений 5/1, 5/2. Основное погребение было выявлено по выкиду на древней дневной поверхности в плане. Это — кенотаф 5/3. Выкид от могилы 5/3 был законсервирован древнейшим (III) слоем, на который наклонился в бровке 2 выкид от погребения 5/1. Этот выкид законсервирован II курганным слоем и каменным панцирем. На этот курганный слой с востока наклонился выкид от 5/2. Последним впускным в курган было погребение 5/4, близкое по времени к 5/2. Таким образом, последовательность погребений такова: древнейшее — 5/3, следующее по времени — 5/1, близкие по времени 5/2 и 5/4. Сопоставление стратиграфической ситуации в курганах Хазнидона привело к выделению стратиграфических горизонтов. Древнейшим горизонтом является составленный из погребений I/2, I/4, I/3, 2/2, 2/3, 2/6, 5/3, 5/1. Более поздним стратиграфически является горизонт погребений 2/4, 2/1, 5/4, 5/2. Самым поздним является погребение I/1. Погребения 4/4 и 4/6 относятся ко II стратиграфическому горизонту. Второй стратиграфический горизонт могильника Хазнидон может быть сопоставлен по инвентарю 5/4 с могилой Но-

гир I/13 (по амфоре с ручками на линии наибольшего диаметра), которое, как указывалось выше, занимает положение между погребениями с коваными, сильно выпуклыми бляхами с пунсонным орнаментом (Ногир I/11) и погребениями с украшениями ранних катакомб (Ногир I/12)

6. Курганный могильник у с. Чикола

В 5 км от с. Хазнидон нами был исследован катакомбный могильник на Чиколинских пастбищах у подножья Лесистого хребта (28). В курганах у с. Чикола были обнаружены катакомбные погребения, относящиеся к нескольким хронологическим периодам, в том числе к древнейшему катакомбному периоду в предгорных районах Северного Кавказа — СБ Пь. Чиколинский курганный могильник приобретает особое значение в связи с тем, что содержал погребения, в инвентаре которых прослеживались предметы, характерные для кубано-терской культуры. Таково катакомбное погребение 25/II (28, с. 64), содержавшее змеевиковый топор и бронзовые фигурки животных (28). Хотя в Чиколинских курганах нет погребения КТК, а в Хазнидоне нет катакомб, вместе оба могильника представляют отражение непрерывного культурно-исторического процесса в регионе, являя собой две археологические культуры сменяющие одна другую. Это доказывается и переживанием некоторых элементов культуры предшествующего периода КТК в культуре последующего периода — катакомбной, а также закономерностью, в соответствии с которой на одной территории не могут существовать одновременно две разные культуры. Этот вывод подтверждается и вертикальной стратиграфией в Ногирском кургане.

7. Курганная группа у ст. Терская

В 1980 году нами была исследована группа курганов у ст. Терская Моздокского р-на СО АССР, в количестве 3-х курганов бронзового века и 4-х сармато-аланских курганов. Основными погребениями в курганах были погребения КТК, периода СБ Iь (Iу этап КТК). Впускными были погребения КТК Iу этапа. Самыми поздними впускными в курганы бронзового века были катакомбные могилы СБ Па, которые определяли верхнюю хронологическую границу для памятников КТК степной части Северной Осетии.

Таким образом, с привлечением всех исследованных нами (совместно с В.А.Сафроновым) памятников КТК можно считать, что регион Северная Осетия, не известный В.И.Марковину в 1960 году (в отношении закрытых подкурганых комплексов) и не рассматриваемый им в схеме северокавказской культуры как отдельный регион, изучен впервые нами на всем протяжении от восточной до западной границы (Ногир-Хазнидон) и от северной до южной границы (Терская-Хазнидон, Терская-Ногир) в хронологических рамках от 22 до I4 вв. до н.э., впервые установленных нами (I6-20, 24). Между вышеназванными памятниками Северной Осетии нет никаких ландшафтно-географических преград при движении с востока на запад, но есть хребет, отделяющий степную зону от Северо-Осетинской наклонной равнины, при движении с севера к Главному Кавказскому хребту. Северо-Осетинская равнина представляет собой наиболее замкнутую со стороны степей Предкавказья территорию из всех регионов Кубано-Терского междуречья. Все это не может не сказаться на развитии региона: естественные преграды обуславливали локальные особенности развития кубано-терской культуры, что мы покажем ниже при обосновании выделения степного варианта КТК.

Связь курганных могильников Северной Осетии между собой позволяет объединить стратиграфические горизонты каждого могильника в региональный и составив стратиграфическую колонку для региона Северная Осетия в целом, воссоздать этапы развития региона и смены культур в конце III-первой половине II тыс. до н.э.

1. Майкопская культура (РБ Iъ, с)

2. Кубано-терская культура I этапа (РБ Пъ)

3. Куро-аракская культура. На Северном Кавказе она появляется в период РБ Iс-РБ II в среднегорье (Кобан), на равнину памятники КАК спускаются в период РБ III. В Закавказье аналогичные памятники представляют финальную стадию III этапа КАК (9, рис.44: I00, I0I, I08), а в Имеретии это самый поздний комплекс КАК - подкурганые памятники типа Сачхере (9, с. I82)

4. Кубано-терская культура, существующая параллельно с куро-аракской. II этап КТК (РБ III).

5. Комплексы КТК/КАК, соединившие две культурные традиции

Их хронологическая позиция - РБ Ш, РБ Ш/СБ Ia)

6. Кубано-терская культура, Ш этап, СБ Ia. Сохраняются элементы куро-аракской традиции.

7. Кубано-терская культура, IV этап, СБ Iъ-с. Исчезает механическое включение элементов КАК в КТК. Соответствует началу катакомбной эпохи в Предкавказье и Западном Прикубанье.

8. Кубано-терская культура, У этап, СБ Pa. Параллельное сосуществование на пограничных территориях с катакомбной культурой Северного Кавказа.

9. Кубано-терская культура, VI этап СБ П-СБ Ш. Смещение КТК к предгорьям под давлением катакомбной культуры, испытывающей давление срубных племен на севере Предкавказья.

Стратиграфия северо-осетинских курганов и типология инвентаря, подкреплённая стратиграфическими наблюдениями, служит основой для выделения единой археологической культуры на базе памятников пост-майкопского и докатакомбного периода в регионе.

8. Распределение погребальных комплексов в курганах Северной Осетии по этапам КТК

В 1987 году в своей диссертационной работе "Кубано-Терское междуречье в эпоху ранней и средней бронзы" (34) мы составили каталог погребальных памятников КТК Кубано-Терского междуречья (504 комплекса), пятую часть которого образовывал каталог погребальных памятников КТК Северной Осетии (91 комплекс). Нумерация в Каталоге была сквозная, так что памятники Северной Осетии получили номера с 336 по 479. Предполагая издать работу по частям, при том сохраняя связь текста и с рукописью диссертации, и с рефератом, мы считаем целесообразным дать другие порядковые номера комплексам Осетии и сохраняем номера диссертационного Каталога в данной статье. При составлении таблиц эти номера заменяют буквенный и цифровой индексы для обозначения памятника: например, вместо Дзуарикау I/19 везде будет фигурировать цифра №336 Каталога. Это позволит провести исчерпывающие ссылки по каждому пункту таблиц и позволит сделать таблицы компактными.

Приводимые ниже таблицы представляют Каталог памятников КТК Северной Осетии, использованный для выделения КТК.

Таблица 2

Распределение погребальных комплексов в курганах Северной Осетии по этапам КТК

п/№	Номер по Каталогу (35)	Могильник курган погребение о-основное	Стратиграфический горизонт; период (по Сафронову- Николаевой)	Хронологический этап (по Николае- вой - 20)
I	2	3	4	5
I.	336	Дзуарикау I/I9	РБ Пъ	I
2.	337	Дзуарикау I/2,4	РБ Пъ	I
3.	344	Дзуарикау I/I5	РБ Ш/СБ IaI	II/III
4.	348	Дзуарикау I/I3, I4	СБ Ia2/a3	III
5.	363	Дзуарикау I/I8	СБ Ic	IУ
6.	349	Дзуарикау I/6	СБ Ia2-3	III
7.	350	Дзуарикау I/9	СБ IaI-a2	III
8.	35I	Дзуарикау I/I0	СБ IaI-a3	III
9.	345	Дзуарикау 2/6,7	РБ Ш/СБ IaI	II/III
10.	358	Дзуарикау 2/3	СБ Iъ-с	III/IУ
II.	352	Дзуарикау 2/I	СБ Ia	III/IУ
12.	353	Дзуарикау 3/2 (о)	СБ Ia2-a3	III
13.	354	Дзуарикау 3/I	СБ Ia3	III
14.	364	Дзуарикау 4/I-2	СБ Iъ-с	IУ
15.	359	Дзуарикау 4/4	СБ I-П	III-У
16.	342	Дзуарикау 5/2(о)	РБ Ш	II
17.	342а	Дзуарикау 5/I	СБ IaI	III
18.	338	Дзуарикау 6/I	РБ Пъ	I
19.	339	Дзуарикау 7/4(о)	РБ Пъ	I
20.	340	Дзуарикау 8/4	РБ Пъ	I-III?
21.	346	Дзуарикау 8/6	РБ Ш-СБ Ia3	II-III/IУ
22.	360	Дзуарикау 8/5,8	СБ Ia3-ъ	III-IУ
23.	355	Дзуарикау 9/I(о)	СБ IaI	III
24.	356	Дзуарикау 9/2	СБ Ia2	III
25.	357	Дзуарикау 9/3	СБ IaI	III
26.	393	Дзуарикау IO/I	СБ П-Ш	У-УI
27.	365	Дзуарикау II/4	СБ Iъ-с	IУ
28.	366	Дзуарикау II/3	СБ Iъ	IУ
29.	343	Ногир I/6	РБ Пъ-III	II
30.	34I	Ногир I/I5	РБ Ш-РБ Пъ	I-П
31.	367	Ногир I/8	СБ Iъ-с	IУ
32.	368	Ногир I/II	СБ Ic	IУ

1	2	3	4	5	
33.	369	Ногир	I/I3	СБ Ic	IУ, IУ/3
34.	379	Ногир	I/I2	СБ Ic-СБ П	IУ/3
35.	394	Ногир	I/I4	СБ П	У-УI
36.	395	Хазнидон	I/I	СБ Ш	УI
37.	370	Хазнидон	I/2(о)	СБ Iь-с	IУ
38.	37I	Хазнидон	I/3	СБ Ic	IУ
39.	372	Хазнидон	I/4	СБ Ic	IУ
40.	380	Хазнидон	2/I	СБ Па	У
4I.	373	Хазнидон	2/2	СБ Ic	IУ
42.	374	Хазнидон	2/3(о)	СБ Ic	IУ
43.	38I	Хазнидон	2/4	СБ П	Уа
44.	396	Хазнидон	3/I (о)	СБ П-Ш	У-УI
45.	382	Хазнидон	2/5	СБ Па	Уа
46.	39I	Хазнидон	2/6	СБ I-П	IУ-У
47.	383	Хазнидон	4/4	СБ Пь	Уь
48.	384	Хазнидон	4/6	СБ П	Уа
49.	385	Хазнидон	5/I	СБ Па	Уа
50.	386	Хазнидон	5/2	СБ Па	Уа
5I.	386а	Хазнидон	5/3 (о)	СБ Ic-Па	IУ-У
52.	387	Хазнидон	5/4	СБ Па	Уа
53.	388	Дигора	к/п	СБ П	У
		1920 г.			
54.	389	Дигора	к/I		
		1966 г.		СБ П	У
55.	390	Дигора	к/2		
		1966 г.		СБ П	У
56.	392	Николаевская	к/п	СБ П	У
57.	375	Заманкул		СБ Ic	IУ
58.	376	Чикола	1970 г.	СБ Ic	IУ
59.	378	Орджоникидзе		СБ Ic	IУ
60.	377	Орджоникидзе	1976 г.	СБ Ic-СБ П	IУ-У
		Архонская дорога			
6I.	347	Новоосетинская	I/2	РБ Ш-СБ Ia	П-Ш
62.	379	Новоосетинская	I/3	СБ Ic	IУ
63.	36I	Новоосетинская	I/5	СБ I-СБ П	Ш-У
64.	362	Новоосетинская	2/4	СБ I-СБ П	Ш-IУ
65.	475	Терская	I/I	СБ Ic-П	IУ-У
66.	456	Терская	I/2	СБ Ia	Ш
67.	467	Терская	I/5	СБ Ic	IУ

1	2	3	4	5
68.	468	Терская I/I2	СВ Ic	IУ
69.	469	Терская I/I4	СВ Ic	IУ
70.	459	Терская I/I6	СВ Iь-с	III-IУ
71.	457	Терская 2/I0	СВ Ia	III
72.	460	Терская 3/I0	СВ Iь-с	III-IУ
73.	470	Терская 3/9	СВ Ic	IУ
74.	461	Терская 3/II	СВ Iь-с	III-IУ
75.	476	Терская 3/3	СВ Ic-СВ II	IУ/У
76.	477	Терская 3/5	СВ Iь-с	III-IУ
77.	478	Терская IO/3	СВ Iь-с	IУ
78.	462	Терская IO/5	СВ Ia-с	III-IУ
79.	477	Терская IO/6	СВ Iь-с/СВ II	IУ/У
80.	471	Терская IO/I2	СВ Iь-с	IУ
81.	458	Терская IO/I3	СВ Ia	III
82.	463	Терская IO/I6	СВ I	III-IУ
83.	464	Терская IO/I7	СВ I	III-IУ
84.	465	Терская IO/I8	СВ I	III-IУ
85.	466	Терская IO/20	СВ I	III-IУ
86.	480	Терская IO/23	СВ I	III-IУ
87.	472	Терская IO/22	СВ Iь-с	IУ
88.	473	Терская IO/24	СВ Iь-с	IУ
89.	474	Терская IO/25	СВ Iь-с	IУ
90.	483	Моздок 3/2	СВ I-П	III-У
91.	484	Моздок IO/I7	СВ I-П	III-У
92.	485	Моздок IO/I	СВ I	III-IУ

Содержание этапов развития КТК
в Северной Осетии

Таблица 3

Этапы КТК	Порядковые номера погребений КТК по таблице 2	Общее число
I этап	1, 2, 18, 19, 20, 30	6
II этап	16, 29, 30	3
III этап	4, 6, 7, 8, 12, 13, 17, 23, 24, 25, 66, 71, 81	13
IV/V этап	3, 9, 61	3
III-IУ, III-У этапы	10, 15, 22, 63, 64, 70, 72, 74, 76, 78, 82, 83, 84, 85, 86, 90, 91, 92	18
IУ этап	5, 14, 27, 28, 31, 32, 33, 37, 38, 39, 41, 42, 57, 58, 59, 60, 67, 68, 69, 73, 77, 80, 87-89	24

Этапы КТК	Порядковые номера погребений КТК по таблице 2	Общее число
IV/У	33, 34, 46, 51, 60, 65, 75, 79	8
У	40, 43, 45, 48, 49, 50, 52, 53, 54, 55, 56;	II
У-VI	26, 35, 44, 47;	4
VI	36;	

Таким образом, процент погребений I и II этапа одинаков - 5.4%, но в среднем в три раза ниже процента погребений III, IV, У этапов; в то же время соответствует проценту погребений У-VI, VI этапов, т.е. 4.5%. Процент погребений III этапа - 11.7%. Процент погребений IV этапа - 21.6%. Процент погребений У этапа - 17.1%. Хронологические более неопределенные погребения составляют 16.2%. Эти данные соответствуют представлениям о начале и конце культуры, которые освещаются меньшим количеством памятников, и расцвете культуры, который занимает три этапа КТК - III, IV, У. Небольшой процент погребений с более размытой датировкой говорит о хороших данных стратиграфии, типологии, заложенных в памятниках КТК (сравнить с процентом таких погребений и случайных находок, попадающих в работе В.И.Марковина /10/ до 75%)

9. Обособление керамической традиции кубано-терской культуры от майкопской и куро-аракской культур

Вопрос о разделении кубано-терской и катакомбной керамики решается однозначно. Керамика, сопровождающая захоронения в катакомбах в Чиколинских и Ногирском кургане, относится к катакомбной культуре, хотя большое число форм керамики КТК в этих захоронениях указывает на механизм формирования катакомбных памятников северокавказских предгорий. Несмотря на большое типологическое сходство технология изготовления катакомбной керамики отличается от кубано-терской. Иной является и система орнаментации (28, рис. 5, 6). Таким образом, керамика кубано-терской культуры позволяет разделить памятники двух культур (а не только по форме могильного сооружения).

Керамика майкопской культуры отличается от кубано-терской и куро-аракской по типологии и технологии. Первая изготовлена с применением гончарного круга, печным обжигом, в определенном низкотемпературном режиме, требующем ангобирования (предполагается и особое исходное сырье, судя по серому цвету в изломе)

Керамика куро-аракской культуры отличается как от майкопской, так и кубано-терской по технологии и типологии. Для керамики КАК характерен восстановительный обжиг с ангобированием внутренней поверхности сосуда (так называемая "розовая" или "желтая подкладка"), высокотемпературный печной обжиг. Система орнаментации КАК отличается от орнаментации КТК; на майкопской керамике орнамента нет вообще.

Задача разделения керамики трех культур- майкопской, куро-аракской и кубано-терской - решалась бы легко, однако обнаружение синкретичных комплексов КТК/КАК потребовало более объективных критериев разделения двух культур КАК и КТК, чтобы определить и охарактеризовать кубано-терскую керамическую традицию. Для выделения куро-аракских сосудов в подкурганых захоронениях Дзуарикау эталонными памятниками послужили каменные ящики у с.Верхний Кобан, в которых наряду с сосудами, встреченными в курганах 2 и 7 в Дзуарикау, найдены браслеты и Т-образные булавки сачхерского типа.

Весь керамический фонд Дзуарикау был распределен по конечным типологическим разрядам. Общее число сосудов всех трех культур - 144. В табличной форме в публикации могильника (18) каждый сосуд был охарактеризован по 25 позициям; были рассчитаны формообразующие отношения основных параметров сосудов (18, с.64-73, "Каталог сосудов из курганов Дзуарикау"). Выделены по Дзуарикау с учетом Хазнидона 33 конечных типологических разряда. График совстречаемости типов (18, рис.24,25) выявил определенную закономерность в сочетаемости этих типов в рамках керамических комплексов трех культур. На корреляционном поле обозначились группировки керамических типов, причем часть из них никак не связывалась с другими группировками, а часть органично пронизывала друг друга. Группировки типов соответствовали либо комплексу, либо группе комплексов.

Первая группировка соответствовала комплексам Дз.1/7,1/8 и была составлена типами сосудов I,II,III,IV,V. Она не связана типами с последующей группировкой, соответствующей комплексам Дз.1/19,6/1, 7/4, составленной типами VI-XIII. Третья группировка состояла только из одного комплекса Дз.5/2 и включала типы XI_I, XIIIa2, XV, XVI, XVII. Четвертая группировка включала типы XIa, XIIIb, XIIIa1, XVb, XVI, XVIIa, XI₂, характерные для комплексов 7/1,7/3,5/5, 1/15,2/6. Пятая группировка составлена в основном комплексами Дз.9/1,2,3, но менее монолитна, чем предыдущие; смыкается с Дз.

3/2 по отдельным типам. Шестая группировка монолитна, составлена X, XI, XIII, XXI, XXIII, типами комплекса Дз.3/2. Эта группировка связана с группировкой УП, представленной типами комплекса Дз.4/1. Седьмая группировка более рыхлая: новые типы -XIII, XVI, XXVI, XXVII- образуют более плотное ядро, а типы -XXI- известные по предыдущим группировкам, являются связующим звеном с ними. Совершенно обособлена группировка типов XXIX, XXX, XXXI, соответствующая единственному погребению в Дзуарикау, относящемуся к У-VI этапам КТК, Дз.10/1. Стратиграфия погребений в курганах Северной Осетии позволила ввести хронологические реперы в группировки на корреляционном поле: последовательность I-УП соответствует периодам на хронологическом отрезке РБ I-СБ П,Ш.

Разделение всей керамической коллекции Дзуарикау на группы соответствует разделению погребений Дзуарикау на три культуры: майкопскую, куро-аракскую, кубано-терскую. Группировки, не смыкающиеся между собой одними и теми же типами либо принадлежат разным культурам, либо далеко отстоящим хронологическим периодам одной культуры.

Отсутствие общих типов I группировки с остальными соответствует выделению майкопских комплексов по форме керамики. Это отделение майкопской керамики от остальной коллекции подкрепляется и характеристикой уникальной технологической традиции Майкопа и согласуется со специфическими признаками погребального обряда майкопской культуры (большие могилы, погребения на гальке, южная ориентировка и др.). Майкопская культура ничего не передала из своих традиций в культуру среднебронзовой эпохи региона, хотя, вероятно, непосредственно с ней смыкается. Это очень важный штрих к культурно-исторической ситуации конца III тыс. до н.э. региона Северная Осетия. (До сих пор полагали, что северокавказская культура происходит от майкопской - Марковин, 10, глава "Происхождение СКК"). Атрибуция майкопских погребений однозначна: настолько монолитны культурно-интегрирующие признаки этой культуры. Эти же признаки являются и культурно-дифференцирующими в выделении майкопского памятника в ареале и диахронии.

Выделение куро-аракской керамической традиции в керамике Дзуарикау - тоже совершенно новый штрих в реконструкции культурно-исторического процесса в северо-осетинском регионе, поскольку хотя куро-аракские памятники в этом регионе были известны и ранее наших раскопок, должным образом они не были интерпретированы (Крупнов Е.И.: 8, с.203-217).

Чисто куро-аракские подкурганные памятники были впервые выявлены нами (Сафронов, Николаева - 15, 18) в 1976 году.

Атрибуция этих памятников как куро-аракская была установлена сначала прямым сравнением с закавказскими памятниками; особенно близкими оказались подкурганные погребения Имеретии, типа Сачхере. В качестве аналогий с поселений куро-аракской культуры нами были приведены материалы из Амиранис-Гора (18, с.27), из поселений конца II-III этапов КАК, по Кушнаревой-Чубинишвили (9, рис.44:60,75,101,108).

Эта атрибуция была подтверждена прямым сопоставлением подкурганных памятников с грунтовыми погребениями у с.Кобан и Загли-Барзанд, содержащими помимо керамики эндемики куро-аракской культуры, как Т-образные булавки. Форма могильных конструкций в подкурганных и грунтовых захоронениях - аналогична: это небольшие размеров ящики и склепы.

Подобная атрибуция иллюстрируется на графике корреляции керамических типов Дзуарикау отрывом четвертой группировки, представленной типами из комплексов 7/1,3, от майкопской - I - группировки, от кубано-терской (II, V группировки). Вхождение ряда типов в кубано-терские комплексы является материальным выражением исторических контактов двух культур - куро-аракской и кубано-терской, и единственным эквивалентом выявленных лингвистами картвело-индоевропейских взаимодействий (Сафронов, 1983: "Проблема индоевропейской прародины", с.82)

Нельзя обойти вниманием недавно вышедшую статью Р.М.Мунчаева (II, с.38), где высказаны возражения против нашей атрибуции погребений с сосудами на ножках. Это - Дз.1/15, 2/2. Напомним, что мы говорим, что в этих комплексах соединились две традиции КТК и КАК, только в разной степени, что находит отражение в обозначении КТК/КАК (и здесь Р.М.Мунчаев понял нас правильно - II, с.37). Поскольку нет четкой стратиграфии, позволяющей разграничить "чистые" комплексы КАК и синкретичные в соединении с традицией КТК, то хронологически и комплексы Дз.7/1, 7/3, и Дз.2/2 мы отнесли к РБ III (18, с.30,49), а Дз.1/15 ввиду доминирования керамического компонента КТК отнесли к рубежу этапов РБ III и СБ I (18, с.25). Не обращая внимания на эту дифференциацию и игнорируя наши параллели с Сачхере, Р.М.Мунчаев дает свою альтернативу: все погребения и кургана 7, и 2/2, и 1/15, и 6/1 относятся (поскольку содержат сосуды на ножках) к алазанско-беденской культуре. Об этой культуре, выделенной в 1980

году Гобеджишвили (II, с.39, сн.24), т.е. в год нашей публикации могильника Дзуарикау, (I8) Р.М.Мунчаев пишет дважды и называет ее "пост-куро-аракской" (II, с.36), а затем " как хронологически следующей за куро-аракской и вместе с некоторыми комплексами Сачхере характеризующей заключительный этап раннебронзового века Южного Кавказа" (II, с.37). Таким образом, спорный вопрос датировки наших погребений из Дзуарикау 2/2, I/I5 сводится к хронологической позиции алазано-беденской культуры. Генетическая связь алазано-беденской культуры с куро-аракской, видимо, не ставится под сомнение Р.М.Мунчаевым, так же, как и отнесение алазано-беденской культуры и некоторых памятников Сачхере к финальной поре раннебронзового века Закавказья, т.е. РБ Ш.

Погребения с сосудами на ножках в Дзуарикау относятся нами также к раннебронзовому веку, РБ Ш, параллелизируются с памятниками Сачхере по инвентарю (топор, нож в Дз. I/I5). Учитывая существование и "чистых" куро-аракских комплексов в Дзуарикау 7/I,3 и предшествующих им кубано-терских погребений с сосудами на ножках в Дз. I/I9 и Дз. 7/4, сосуды на ножках встречены, следовательно, и в "чистых" погребениях КТК и в смешанных КТК/КАК и датируются по северокавказской хронологии Сафронова-Николаевой в пределах РБ Пь-РБ Ш/СБ I (или I и II этапами КТК) Вопрос об атрибуции погребений с сосудами на ножках, таким образом, решается однозначно для Северного Кавказа, и говорить о "чисто куро-аракской" или "алазано-беденской" атрибуции таких памятников на Северном Кавказе говорить пока преждевременно.

Что касается синхронизации КТК и алазано-беденской культуры (II, с.38), предлагаемой Р.М.Мунчаевым (II, с.38), то вопрос этой синхронизации связан с хронологической позицией алазано-беденской культуры: если это заключительный этап КАК, то это не противоречит нашей дате I этапа КТК концом КАК. Это подкрепляется находкой в I2 км в каменном ящике куро-аракской культуры с керамикой типа Дз. 7/I,3 топора, близкого к Дз. I/I9. Таким образом, синхронизация I этапа КТК с частью куро-аракских комплексов не вызывает сомнений. Синхронизация I этапа КТК с алазано-беденской культурой, находящейся за хребтом, вообще не обосновывается Мунчаевым, тогда как вопрос синхронизации закавказских и северокавказских памятников зависит от формы движения культуры из-за хребта, исторической ситуации того времени. Мы удовлетворены тем, что раскопки в Дзуарикау способствовали атрибуции и хронологии погребений с сосудами на ножках из Чечено-Ингушетии из раскопок 1958-1965 гг.

Интеграция кубано-терской керамической традиции в ареале и диахронии

Методика воссоединения керамической традиции, казалось бы, должна основываться на расчете коэффициента сходства керамических комплексов из двух смежных стратиграфических горизонтов по формуле $K = \frac{z}{mn}$, где z - число общих типов, а

m, n - число типов в каждом из сравниваемых комплексов.

Однако эта формула не учитывает качественный фактор. Как и любой коэффициент, K сходства - это количественная характеристика. Допустим, если мы рассчитываем сходство половины яблока с целым яблоком, то сходство в соответствии со значением этого коэффициента присутствует только на 50%, но из этого не следует, одинакова ли природа объекта. В то же время если мы мысленно совмещаем половину яблока с целым яблоком, то ясно, что сравниваемая половина - есть яблоко.

Метод совмещения применяется в общественных науках (32) В развитие этого метода мы предлагаем включить и количественные характеристики, рассчитываемые следующим образом. Допустим, сравниваются два комплекса, неравноценные в количественном отношении (малый содержит 6 сосудов, большой комплекс содержит 12 сосудов). 1 случай: при совмещении все 6 сосудов малого комплекса находят эквиваленты в большом комплексе. Коэффициент совмещения равен 1.0. 2 случай: при совмещении только 3 сосуда малого комплекса находят аналогию в большом. Коэффициент совмещения равен 0.5. Правило расчета коэффициента совмещения может быть выведено из двух этих примеров: коэффициент "K" равен отношению числа объектов, находящих аналогии, к числу объектов в количественно меньшем из сравниваемых комплексов.

Сводный комплекс стратиграфического горизонта образуется суммированием керамических типов, если коэффициент совмещения больше 0.5, т.е. 1/2 керамики меньшего количественно из сравниваемых комплексов находит аналогии в большем количественно комплексе, то оба комплекса объединяются, 1/2 малого комплекса дополняет типовой состав большого комплекса. Если коэффициент совмещения меньше 0.5, то малый комплекс не включается в сводный. Такое же правило действует в отношении сводного комплекса хронологического периода, сводного комплекса региона. Как и для любого другого количественного критерия, выбранное ограничение - условно, а методика не претендует на абсолютную,

а является лишь конкретным способом перевода гипотезы из сферы интуиции в область сознания.

Стратиграфический горизонт РБ Пь в Дзуарикау образован погребениями Дз. I/I9, 6/I, 7/4. Общими керамическими типами для этого горизонта являются XI (двуручные сосуды), XII (сосуды на ножках) (рис. I и рис. 2)

Дзуарикау I/I9 включает типы УШ, IX, XI, XII

Дзуарикау I/2, 4 включает типы УI X XII (или XXI)

Дзуарикау 6/I включает типы УП X, XI, XII, XIII (возможно)

Дзуарикау 7/4 включает типы XI, XII XXXII

Комплексы Дз. I/I9 и I/2, 4 объединяются по стратиграфической ситуации: сосуды I/2, 4 находились на выбросе из грабительской ямы, разрушившей погребение I/I9, поэтому объединение этих комплексов дает типы -УI, УШ, IX, X (или XXI), XI, XII. С этим большим количественно комплексом мы сравниваем комплекс Дз. 6/I. Коэффициент совмещения равен 0.6, если считать, что XIII тип присутствует в комплексе 6/I, если это тип XI с отломанной ручкой, то коэффициент совмещения будет равен 0.75. Это позволяет присоединить комплекс Дз. 6/I к (Дз. I/I9+Дз. I/2, 4). Число типов объединенного комплекса дополняется типами УП и XIII. С этим комплексом - (Дз. 6/I+Дз. I/I9+Дз. I/2, 4) - мы сравниваем Дз. 7/4. Коэффициент совмещения - 0.66, поэтому мы присоединяем этот комплекс Дз. 7/4 к сумме трех других и получаем сводный керамический комплекс горизонта РБ Пь - УI, УП, УШ, IX, X, XI, XII, XIII, XXXII. (см. рис. I и 2).

Массовые керамические типы - XI, XII, X, XXXII, XIII

Хронологически-значимый тип - XII (сосуды на ножках), поскольку живет только в пределах РБ Пь-РБ Ш.

Культурно-значимые типы - X, XI, XIII, XXXII; X (безручковые амфоры), XXXII (куявские амфоры с 4-мя ушками/ручками), XI - двуручные сосуды, у которых диаметр тулова больше высоты и соизмерим, равен диаметру устья), XIII (кружки).

Структура сводного комплекса состоит из функциональных групп: амфор (X, XXXII), двуручных сосудов (XI), одноручных сосудов-кружек и кувшинов (XIII и УШ), безручковых сосудов (УП)

Стратиграфический горизонт РБ Ш состоит из погребений куро-аракской культуры 7/I, 3; погребений кубано-терской культуры Ногир I/I5, I/6 (в Дзуарикау нет чисто кубано-терских погребений этого горизонта), а также синкретичных комплексов со смешанной атрибуцией Дз. 2/2, I/I5 и 5/2.

Хронология горизонта РБ Ш определяется последовательностью памятников, выстроенной по степени нарастания кубано-терских и утраты куро-аракских традиций. Древнейшими в горизонте являлись куро-аракские памятники 7/1, 3, 4/5, 6. Самым поздним в горизонте было погребение 1/15, от которого нельзя отрывать по ряду признаков 2/2 (форма и ориентировка могилы, расположение в могиле предметов инвентаря, могила-кенстаф, сочетание подвесок с несомкнутыми концами с топором и 4-мя сосудами одних и тех же типов). Такое размещение в пределах горизонта погребений объясняется тем, что памятники со смешанной традицией могут быть только позже памятников, где зафиксирована в "чистом" виде одна и другая традиции. Кубано-терскую традицию характеризуют комплексы Дз.5/2, (18, с.43, рис.14:П) Дз.2/2 (18, с.33, рис.7) Дз.1/15 (18, с.26, рис.4).

Дзуарикау 1/15 включает типы XI, XII ХУП

Дзуарикау 2/2 включает типы XI, XII ХУП

Дзуарикау 5/2 включает типы X, XI, XIII, XIV, XVI, ХУП

Коэффициент совмещения комплексов 2/2 и 1/15 равен 1.0, а коэффициент совмещения комплексов Дз.2/2 и 1/15 с Дз.5/2 равен 0.66, следовательно, сводный комплекс керамики горизонта РБ Ш состоит из типов - X, XI, XII, XIII, XIV, XVI, XVII (рис.1 и 3)

Массовые керамические типы в сводном комплексе РБ Ш - X, XI, XII, XIII, XIV, XVI

Хронологически-значимые типы - XII, XVII.

Культурно-значимые типы, т.е. живущие в течение всего периода эволюции КТК, - X, XI, XIII, XIV, XVI.

Структура сводного комплекса состоит из функциональных групп: амфор (X, XVI), двуручных сосудов, (XI), одноручных сосудов (XIII, XIV).

Сопоставление сводных комплексов стратиграфических горизонтов РБ Пь и РБ Ш проводится также методом совмещения. Общие типы керамики для двух горизонтов - X, XI, XII, XIV. Значение коэффициента совмещения зависит от того, какой комплекс считать меньшим количественно. В РБ Пь сводном комплексе - 5 массовых и 4 единичных типа. Если пренебречь единичными типами, то коэффициент совмещения будет равен 0.8. В сводном комплексе РБ Ш массовых типов - 6, единичных - 1. Коэффициент равен 0.66. Таким образом, независимо от того, как рассчитывать коэффициент, сводные комплексы горизонтов суммируются, поскольку однокультурны. Сводный комплекс РБ Пь-РБ Ш включает VI-IX, X, XI, XII, XIII,

XIV, XVI, XVII, XVIII типы керамики. Структура комплексов обоих горизонтов подобна: амфоры, двуручные сосуды, одноручные сосуды, безручные сосуды.

Территориально границы КТК горизонтов РБ Пь и РБ Ш могут быть отодвинуты на восток к Ногиру, и ареал КТК может рассматриваться от Дзуарикау до Ногира и только на равнине, исключая среднегорья и степь. Основанием для этого является включение в стратиграфический горизонт погребения Ногир I/6 и I/15, разрушенные ящики из булыжника с сосудом - шаровидной амфорой, орнаментированной шнуром. Прямых аналогий в Дзуарикау этой амфоре нет, но технология выделки и орнаментации аналогична сосудам типа VI, VIII, IX в Дзуарикау (рис. 2:Ш). Аналогичная форма амфор встречена в Кабардино-Балкарии (4, табл. I), только с той разницей, что кабардинские амфоры имеют ленточные ручки, отходящие от венчика, представляют собой тип IX только в другом размере (рис. 3: I). Цилиндрические пастовые бусы, найденные с сосудом Ногир I/15, встречены в кабардинских курганах с сосудами типа IX (рис. 3: IV, V). Черешковый кинжал с удлинённой лезвийной частью аналогичен ножу из Константиновской (раскопки Коссович) и Уляпа к. 3 п. 5 (Закубанье, раскопки В. А. Сафронова, Н. А. Николаевой). По ножу погребение должно датироваться постновосвободненским временем, а по сосуду - временем, близким к Новосвободной и Дзуарикау I/19. Суммируя эти данные, можно обоснованно датировать памятник Ногир I/15 временем РБ Ш. Существование подобного памятника в период появления на равнине куро-аракских памятников лишний раз доказывает, что в период РБ Ш имело место сначала некоторое отступление к северу племен КТК, однако это был незначительный временной отрезок.

Таким образом, керамическая традиция КТК расширена нами не только в диахронии (РБ Пь-РБ Ш), но и в диахронии ареале. Стратиграфические горизонты и хронологические периоды соответствуют двум этапам развития КТК. I этап характеризуется единичными чистыми комплексами КТК. II этап характеризуется сосуществованием с куро-аракскими племенами, первыми контактами с КАК. Ввиду большого исторического значения этого события период РБ Ш соотносится нами со II этапом КТК.

Стратиграфический горизонт СБ Ia в Дзуарикау был выделен на основании стратиграфии в кургане I и 5, а также на основании типологического анализа керамики. В кургане 5 основное погребение 5/2 (РБ Ш, II этап КТК) перекрывалось впускным 5/1 с сосудами,

Коэффициент совмещения Дз.5/І с комплексом (9/І-3,+3/2+І/І3,І4+І/6) равен 0.6, а присоединение Дз.5/І к сравниваемому объединенному комплексу дополняет его типами ХХХІІ и ХХ.

Дзуарикау 8/6 включает типы ХІ и ХІУ.

Дзуарикау 3/І включает типы ХІ и ХІУ.

Коэффициент совмещения комплексов 8/6 и 3/І с объединенным комплексом равен 1.0

Сводный комплекс горизонта СБ Іа составлен типами керамики Ха, ХІ, ХШ, ХІУ, ХУШ, ХІХ, ХХ, ХХІ, ХХІІ, ХХШ, ХХХІІ.

Сопоставление сводного комплекса горизонта СБ Іа со сводным комплексом РБ Пь проводится методом совмещения.

Общие типы керамики РБ Пь и СБ Іа - Х, ХІ, ХІУ, ХХХІІ.

Массовые типы РБ Пь -Х, ХІ, ХІІ, ХІУ, ХХХІІ (всего 5 из 9).

Массовые типы СБ Іа -Х, ХІ, ХШ, ХІУ, ХХХІІ, ХІХ, ХХІ (7 из 11)

Коэффициент совмещения РБ Пь с СБ Іа - 0.8 (если пренебречь единичными типами) и 0.44 (с учетом единичных типов)

Коэффициент совмещения СБ Іа с РБ Пь -0.57. Поскольку сводный комплекс РБ Пь количественно меньше, то окончательно должен быть принят коэффициент 0.8.

Коэффициент совмещения комплекса СБ Іа с комплексом (РБ Пь+РБ Ш) равен 0.5, если число общих типов -4, а массовых - 8.

Таким образом, все три горизонта однокультурны. Структура сводного комплекса СБ Іа: амфоры (Ха, ХХІ, ХХХІІ), двуручные сосуды (ХІ), одноручные сосуды (кувшины- ХШ; кружки -ХІУ; кубки- ХХШ), безручные сосуды (ХІХ), - сохраняется неизменной с І этапа КТК. Этот горизонт отмечается дальнейшим развитием амфорных форм, более углубленным взаимодействием с куро-аракской традицией, обогатившей типологический состав комплекса КТК.

Расширение территориальных границ КТК горизонта СБ Іа, Ш этапа КТК имеет место от Дзуарикау до Архонской (в 30 км к северу от Дзуарикау, т.е. в степь от линии предгорий) и достигается аналогией амфор типа ХУІІ, как в Дз.9/2. К этому же периоду следует отнести проникновение в степь вдоль Терека элементов куро-аракской технологии (Терская І/2-4).

Историческое содержание Ш этапа КТК, который соответствует стратиграфическим горизонтам СБ Іа1, а2, а3, состоит в преобладании комплексов со смешанной атрибуцией КТК/КАК, которые отражают процесс органического переплетения двух культурных традиций. От последующего этапа Ш этап отличается отсутствием еще того качества, которое позволяет говорить об однородности

культуры.

Стратиграфический горизонт СБ Ы-с. IV этап КТК. (рис. Горизонт СБ Ы был выделен В.А.Сафроновым (23) на основании перенесения характеристик степного стратиграфического горизонта "В" в Калмыкии, представленного вытянутыми захоронениями в ямах с восточной ориентировкой, с каменными кабардино-пятигорскими топорами; плоскодонными сосудами, украшенными зубчатым штампом, с красноохристой поверхностью; с посоховидными булавками и стерженьками-подвесками.

В Северной Осетии горизонт СБ Ы слабо разграничивается с горизонтом СБ Ис, однако судя по материалам Кабардино-Балкарии (I,) этот горизонт реален для центральнопредкавказских предгорий, поскольку сопровождается сменой обряда (скорченного на боку с западной ориентировкой вытянутыми погребениями). До получения новых данных, естественно рассматривать их в рамках одного горизонта. Хронологический период СБ Ы-с выделяется на основании кургана №I у с.Дзуарикау, а затем расширен на основании типологического анализа присоединением комплексов из кургана Ногир и курганов у с.Хазнидон.

В кургане I могильника Дзуарикау основным было погребение майкопской культуры (I/20). Первым впускным в майкопский курган было погребение майкопской культуры I/7; вторым впускным было погребение I/8 майкопской же культуры; третьим впускным с поверхности выкида из грабительской ямы, лежащего на поверхности майкопского кургана, было I/15, относящееся к РБ Ш/СБ IaI. Выкид от I/15 был законсервирован I курганным слоем. Прямая стратиграфия I/I3-I4 с I/15 позволяет зафиксировать горизонт СБ Ia. Впускное погребение в I курганный слой, I/18, содержало датирующие категории и выразительные керамические фрагменты. Оно следовало за I/I3-I4, I/10, I/6, а следовательно, относилось к СБ Ы-с. (I8, с.20-29)

В кургане 2 могильника Дзуарикау погребение 2/3 с инвентарем, подобным I/18, (амфора с угловым орнаментальным штампом, браслеты - (I8, рис.5:I и 7) перекрывало погребение РБ Ш/СБ Ia.

Типичное погребение Дз.3/2 горизонта СБ Ia2-a3 (III этап КТК) содержало в инвентаре браслеты, аналогичные браслетам из I/18 и 2/3. Эти аналогии в инвентаре смежных стратиграфических горизонтов указывает на следование их друг за другом, т.е. I/18 за 3/2. (I8, рис.5:I и IO)

Дополнением к керамическому комплексу горизонта СБ Ы-с

в Дзуарикау служит керамика погребения 4/1-2, которое включается в этот горизонт на основании встреченной в погребении подвески в виде головки животного (I8, рис. I2:5). Близость Дз.4/1, 2 к Дз.3/2 (конец СБ Ia) доказывается наличием одинаковых амфор с выступами по линии наибольшего диаметра (I8, рис.9:П,2 и I2:I3). Таким образом, синхронизация этого горизонта в Дзуарикау безупречна и однозначна, а керамический комплекс, составленный инвентарем погребений I/I8,2/3, 4/1,2, II/4 в Дзуарикау, отражает керамическое своеобразие этого этапа КТК. Запись комплекса через типы такова:

Дзуарикау I/I8 включает типы	XI	XXXII (вероятно)
Дзуарикау 2/3 включает типы	XIX	XXXII
Дзуарикау 4/1,2 включает типы	XIII XIX XXI XXVI XXIV, XXV	
Дзуарикау II/4 включает типы	XIX	XXV XXI

Коэффициент совмещения Дз.2/3 с 4/1,2 равен 0.5, а объединенный комплекс (Дз.2/3+Дз.4/1,2/ включает типы XIII, XIX, XXI, XXVI XXIV, XXV, XXXII. С последним коэффициент совмещения Дз. I/I8 равен 0.5, что позволяет дополнить его типом XI (двуручный сосуд). Коэффициент совмещения с этим комплексом Дз. II/4 равен 1.0

Сводный комплекс горизонта СБ Iь-с в Дзуарикау включает типы: XI, XIII, XIX, XXI, XXIV, XXVI, XXV, XXXII (всего 8 типов)

Массовые типы - XI, XIII, XIX, XXI, XXXII.

Общие типы с горизонтом СБ Ia-XI, XIII, XIX, XXI, XXXII (5 типов)

Коэффициент совмещения СБ Ia с СБ Iь-с равен 0.62

Общие типы с горизонтом РБ III - XI, XIII, XV (XXI?) (всего 3)

Коэффициент совмещения с СБ Iь-с равен (если пренебречь единичными типами) 0.43. Как видно из условия, коэффициент меньше чем допускается при однокультурности. Это говорит о том, что через этап однородность культуры может быть поставлена под сомнение, тем более, что в этом горизонте много элементов КАК.

Общие типы с РБ Пь - XI и XXXII.

Коэффициент совмещения РБ П с СБ Iь-с - 0.4. Вывод аналогичен: через два этапа нельзя сравнивать памятники культуры, поскольку гомогенность культуры может быть поставлена под сомнение. С другой стороны, отсутствие типов X и XIV (безручковой амфоры и кружки) может быть и случайностью, зависящей от ограниченно-го набора комплексов.

Общие типы с комплексом (РБ Пь+РБ III+СБ Ia) - XI, XIII, XIX, XXI

XXXII. Коэффициент совмещения с СБ Iъ-с равен 0.63.

Структура комплекса СБ Iъ-с состоит из тех же функциональных групп, что и предыдущие комплексы: амфор (XXI, XXXII), двуручных сосудов (XI), одноручных сосудов (XIII), безручных сосудов (XIX). Характеристика IУ этапа КТК дана в публикации (20, с.88).

Горизонт СБ Iъ-с может быть расширен в территориальных границах от Ногира до Хазнидона по аналогии керамики (XXXII, XIУ) и других типов инвентаря (кабардино-пятигорские топоры, украшения). Таким образом, в Северной Осетии IУ этап КТК составлен 24 комплексами (порядковые номера по таблице 2:5, I4, 27, 28, 3I, 32, 33, 37, 38, 39, 4I, 42, 57, 58, 59, 60, 67, 68, 69, 73, 77, 80, 87, 88, 89)

С курганом в Ногире Дауарикау соединяется по погребениям Да. I/I8, 2/3, II/3 и Ногир I/8. Ведущей керамической формой является куявская амфора - овоидный сосуд с невысокой шейкой с 4-мя симметрично расположенными ушками по плечевой части сосуда (20, рис. I: I3). Та же амфора объединяет оба могильника с Хазнидоном по погребению I/2 (20, рис. 3).

Ведущей керамической формой горизонта является куявская амфора (в 8 из 24 комплексов - Дз. 2/3, II/4; Ног. I/8, X. I/2, I/3, I/4, 2/2, 2/3. По этому типу керамик горизонт СБ Iъ-с увязывается как с предыдущими, так и с последующими. Другой керамической категорией, связующей IУ этап как с предыдущими, так и с последующими этапами (с I по У этапы включительно) являются двуручный сосуд (XI тип).

Таким образом, сводный керамический комплекс горизонта СБ Iъ-с с присоединением материалов могильников у с. Ногир и Хазнидон выглядит следующим образом: XI, XIII, XIX, XXI, XXIУ, XXVI, XXVII, XXXII, XIУ и XUI. Последние два типа "кружка" и двуручная амфора вошли в сводный комплекс благодаря присоединению Ног. I/I3 который входит в горизонт СБ Iъ-с по данным стратиграфии (см. выше). По типу XI можно присоединить к IУ этапу КТК степные комплексы из Терской, которые лишены керамики кроме одного погребения Тер. 3/3.

Стратиграфический горизонт СБ Па (У этап КТК) выделяется в Северной Осетии в двух курганах - кургане у с. Ногир и в курганах у с. Хазнидон. В Ногире I/8 IУ этапа КТК перекрывалось согласно стратиграфическим данным погребениями Ног. I/I2 (с сосудами, которые в Предкавказье встречаются в раннекатакомбных погребениях с красноохристыми сосудами - начало горизонта "Д",

по В.А.Сафронову; см.23). В Хазнидоне в кургане 2 основное погребение 2/3 перекрывалось одновременным 2/2, а также погребениями 2/1 и 2/4, которые относились к У этапу, поскольку основное погребение по аналогии сосудов с Хазнидоном 1/2 и Ногиром 1/8 относилось к IУ этапу. Этот горизонт СБ Па расширяется по аналогиям металлическому инвентарю (многомолоточковидные булавы, литые бляхи-умбоны, литые украшения типа стерженьков-подвесок, бляхи-медальоны, имеющие функцию "зеркал" и другие). Керамический комплекс практически не может быть дополнен какими-либо новыми типами. Комплексы этого горизонта - Ногир 1/12, Хазнидон 2/1, 2/4, 2/5, 4/6, 5/1, 5/2, 5/4, Дигора 1920 г. (8, рис. 8), Дигора 1966 г. (33), Николаевская к/п. Переходным комплексом IУ/У этапа можно считать Ногир 1/13. Сводным керамическим комплексом У этапа КТК является сумма типов: X, XI, XIII, XIV, XV, XXXII, возможно, и XXI, а также новый, а может быть не проявившийся на предыдущих этапах эволюции КТК тип амфоры с 2-мя сдвоенными ручками, одна из которых укреплена на венчике, а другая - на плечевой части. Последовательность присоединения комплексов У этапа следующая: типы XXXII и XI встречены в Хазнидоне 5/3, что позволяет считать однокультурным комплекс Хазнидон 5/4, содержащий только тип XXXII. Полная повторяемость металлокомплекса в Хазнидоне 5/2 (где керамическим типом является XV) позволяет объединить типы XI, XV, XXXII. По типу XI можно присоединить к этим комплексам керамику Хазнидона 5/1, где помимо этого существуют тип X и разновидность типа XXXII (выступы вместо ручек, симметрично размещенные на плечевой части). По аналогии XIV типа к ним можно присоединить Ногир 1/13, где кроме типа XV содержится кружка типа XIV. По типу XIV совмещаются погребения с кружками (типа Ногир 1/12), которое помимо типа XIV содержало амфору со сдвоенными ручками с асимметричным креплением (разновидность типа XXXII). По аналогии металлокомплекса объединяются погребения Дигора 1966, п.1 и п.2, а также Дигора 1920 г. и тем самым сводный комплекс У этапа дополняется типом XIII и типом XIX. Коэффициент совмещения каждого комплекса У этапа со сводным комплексом либо равен 1.0, либо в пределах 0.5-1.0. Сравнительно с III этапом КТК в У этапе нет столь емких комплексов керамики, которые количеством типов были бы равны сводному комплексу всего горизонта. В среднем в комплексе горизонта СБ Па содержится один-два сосуда, типа керамики.

Сводный комплекс керамики горизонта СБ Iъ-с включает типы:

XI, XIII, XIV, XVП, XIX, XXI, XXIV, XXVI, XXVIIП, XXXII

Сводный комплекс керамики горизонта СБ Па включает типы:

X, XI, XIII, XIV, XVП, XXI XXXII

Коэффициент совмещения комплекса СБ Па (У этапа КТК) с комплексом IУ этапа КТК равен 0.86, т.е. связь между IУ и У этапами КТК по керамики самая сильная, на этом отрезке развития культуры наблюдается в двух этапах наибольшая однородность. Именно на этих этапах происходит наибольшее выдвижение памятников культуры в Степь, и в степных памятниках отдаленных азово-черноморских регионов известна продукция художественного бронзового литья именно этих периодов. Эти два этапа КТК совпадают с появлением, распространением, расцветом в степях Восточной Европы катакомбной культуры, сходство которой с КТК (в орнаментации керамики, некоторых технологических приемах, формах, и элементах металлокомплекса) фактически вводило в заблуждение всех исследователей, занимающихся памятниками среднебронзового века Северного Кавказа и Предкавказья.

Памятники горизонта СБ Па (У этапа КТК) известны за пределами Северо-Осетинской равнины, к северу от нее, в степной зоне, примыкающей к ней, (Терская IО/8), но они единичны, что говорит о том, что период СБ Па в степях короче, чем в предгорьях и прерывается приходом катакомбных племен (Терская 2/I, IО/I)

Стратиграфический горизонт СБ Пъ-СБ III был выделен В.А.Сафроновым (2I; 28), однако он был заполнен только памятниками катакомбной культуры (катакомбные погребения Чиколы П, раскопки в 1977 году В.А.Сафронова, Н.А.Николаевой).

Стратиграфии катакомбных памятников СБ Пъ-СБ III с памятниками КТК нет, но есть наблюдения за типологией керамики и абсолютные даты некоторых категорий предметов (булавы с 4-мя шпешечками), встреченных в погребениях в ямах, которые стратиграфически следовали за погребениями У и IУ этапов КТК. В этих погребениях встречены сосуды, которые характерны и для катакомб периода СБ Пъ. (ср.20, рис.6:4 и 28, рис.15:7,5).

На основании этого мы выделяем УI этап КТК, сосуществующий в пределах хронологических периодов СБ Пъ-СБ III. В Северной Осетии к УI этапу КТК мы относим Хазнидон I/I, 4/4, 3/I, Дзуарикау IО/I и Ногир I/I4 (по типологии керамики, но без точных данных стратиграфии). В Кабардино-Балкарии раскопки последних лет выявили грунтовые погребения в высокогорье с аналогичной керами-

кой и пережиточными формами украшений КТК. Это могильники - Шилтрак и Айлама (I, с.142, рис.20; рис.21, с.144) в высокогорной котловине Баксанского ущелья. В инвентаре этих погребений прослеживается симбиоз катакомбной керамики, пережиточные формы КТК, украшения КТК У этапа с пережиточными чертами, срубидный ножище, каменные булавы с 4-мя шпучками. Обнаружение в этой же местности кургана с катакомбой СБ Пь-СБ III указывает на то, что катакомбные племена достигли высокогорья и имело место слияние двух культур - КТК и катакомбной, что намечалось уже и на равнине в памятниках катакомбной культуры периода СБ Па, Пь.

Хазнидон I/I включает типы X, XXXII (20, рис.6)

Хазнидон 3/I включает типы XI XIXa (рис.9)

Хазнидон 4/4 включает типы XIII XIXa (рис.10)

Ногир I/I4 включает типы X XIX (рис.11)

Дзуарикау IO/I включает типы X XIXa (18, рис.21)

Коэффициент совмещения Дз. IO/I и X. I/I равен 0.5;

Коэффициент совмещения Дз. IO/I и X. 3/I равен 0.5;

Коэффициент совмещения Дз. IO/I и H. I/I4 равен 0.5;

Это позволяет создать сводный комплекс УI этапа, состоящий из типов керамики: X, XI, XIII, XIX, XIXa, XXXII. С этим комплексом можно сравнить сводный комплекс керамики У этапа КТК, состоящий из типов: X, XI, XIII, XIX, XIXa, XXXII. Коэффициент совмещения двух этапов равен 0.83.

Структура сводного комплекса УI этапа не претерпевает изменений: она составлена теми же функциональными группами, какие представлены в сводных керамических комплексах I-У этапов КТК, т.е. амфор (X, XXXII), двуручных сосудов (XI), одноручных сосудов (кувшинов - XIII, и кружек - XIX), безручных сосудов - XIX.

Если сравнить сводные комплексы I и УI этапов КТК, то можно видеть общие формы керамики, которые не изменяются на протяжении почти 8 веков. Это тип амфоры (X), двуручного сосуда (XI), куявской амфоры (XXXII), амфоровидного кувшина (XIII и XIIIa), кружки (XIX). Пять керамических типов отвечают и функциональной группировке керамики, т.е. структура керамических комплексов от I до УI этапов КТК остается неизменной. Это свидетельствует о сохранении всей системы керамического комплекса (структуры и ведущих керамических типов: 5 из числа массовых типов - X, XI, XIII, XIX, XIXa, XXXII, т.е. 8 типов, что дает 62,5%

Если большая часть керамики археологической культуры в неизменном виде существует в течение всей эволюции культуры, а

Следовательно, мы установили факт неизменного существования 62,5% керамических типов с сохранением структуры комплекса керамики в свете стратиграфических горизонтов РБ Пь -СБ Пь,СБ Ш, на хронологическом отрезке 22-14/13 вв. до н.э.

Это соответствует нашему представлению о системе керамических типов с устойчивой структурой керамического комплекса, что может быть связано только с одной археологической культурой. Эта культура была обозначена нашим термином, который мы ввели еще в 1980 г. (19;20), кубано-терская культура, поскольку этим керамическим комплексом охватываются все памятники среднебронзового века в междуречьи между меридиональным течением рек Кубани и Терек.

Керамическая система кубано-терской культуры Северной Осетии характеризуется шестью этапами развития. От этапа к этапу определенная часть керамики заменялась новыми типами с сохранением части керамики в неизменном виде. Неизменяющаяся часть керамики может быть обозначена термином "ядро керамической системы" данной археологической культуры. Это ядро состоит из 5 типов керамики. Коэффициент совмещения сводных керамических комплексов стратиграфических горизонтов и этапов указывает на степень идентичности, однокультурности керамических комплексов, которые сравниваются между собой. На разных хронологических отрезках существуют керамические типы, диапазон существования которых меньше времени существования всей культуры. Это может быть 2 этапа КТК, как например, тип XII (сосуды на ножках), живущий I и II этапы КТК. Это может быть и тип, который живет 4 этапа КТК, как тип XVII (амфора с двумя ручками на линии наибольшего диаметра). Такие типы могут иметь хронологическую функцию, приобретать датирующее значение. Они обозначены термином хронологически-значимые типы.

Аналогично тому, что выделение особой кубано-терской керамической традиции мы усматриваем в диалектическом единстве культурно-интегрирующих признаков этой традиции (типы "ядра" керамической системы и хронологически-значимые типы) и культурно-дифференцирующих (технологических признаков, отделяющих КТК от майкопской, куро-аракской, катакомбной культур, и некоторые типы, варианты типов XI, XIV, XV, позволяющие отделить от КАК и катакомбной культуры) признаков, доказательства выделение новой керамической традиции КТК мы построили в двух аспектах: корреляции керамических типов всех трех культур в Дзуарикау с целью

отделения КТК от майкопской, куро-аракской культур и интеграции керамической традиции КТК по стратиграфическим горизонтам Дауарикау и Северной Осетии.

Выделение в керамике из курганных погребений Дауарикау кубано-терской керамической традиции, классификации керамики КТК и доказательстве однокультурности этой керамики как в пределах Дауарикау, так и за пределами его, в Северной Осетии можно рассматривать как плацдарм для моделирования системы керамики КТК через систематизацию для всего Кубано-Терского междуречья. Эта работа проделана нами (34, с.7), но она выходит за рамки задачи данной статьи.

Особо следует отметить систему орнаментации на керамике КТК. Орнаментальные штампы и композиции образуют систему, коррелирующую с хронологическими этапами культуры. Так, шнуровая орнаментация распространена на I, II, IV, V этапах, однако доминирующее значение имеет на I и V этапах. Орнаментация шнуром сведена практически к минимуму на сосудах III этапа КТК; это объясняется влиянием куро-аракской керамической традиции на II и III этапах КТК. К тому же, шнуровой штамп и орнаментальные схемы с этим штампом не характерны вообще для куро-аракской керамики, что кладет резкую грань между КТК и КАК. На IV этапе КТК на сосудах распространен треугольный (угловой и клинообразный) штамп наряду с асимметричным размещением орнаментальной схемы на сосудах. Асимметрия орнаментальных схем является хронологическим репером, отделяющим I-III этапы КТК от IV, V этапов. Отсутствием орнаментов характеризуется керамика VI этапа Северной Осетии (возможно, это только локальный признак, поскольку в керамике Шилтрака и Айлама есть орнаментация).

Шнуровой штамп может быть включен в число признаков, неизменно сопровождающих развитие КТК от I до V этапа включительно. Этот факт также был причиной заблуждения исследователей, объединяющих катакомбную керамику степных районов Предкавказья с керамикой КТК. Причины этого сходства лежат в генетических прототипах для КТК и катакомбной культуры в культурах шнуровых керамик Центральной Европы и культуре шаровидных амфор Польшы и Западной Украины.

Пластический декор и форма ручек также коррелирует с хронологическими этапами КТК. На I этапе - ручки ленточные и канелированные. На II этапе - ленточные, жгутовидные (на больших сосудах). На III этапе КТК появляются полушарные ручки, ушки, вы-

ступы и псевдополшарные ручки, которые представляют сочетание ленточных ручек с полшарными. Все эти ручки сохраняются вплоть до У этапа включительно. На VI этапе преобладает пластический декор, налепы и выступы. Благодаря варированию формы ручек на сосудах создается большое разнообразие одного и того же типа. Разные типы ручек и выступов имеют и сами хронологические варианты и участвуют в создании хронологических вариантов керамики (напр. брусковидные выступы на Дз.3/2, Н.1/8, Дз.4/1,2 имеют узкий хронологический диапазон существования). Полшарные ручки указывают на заимствования от куро-аракской керамической традиции, а выступы и канелированные ручки указывают на участие центральноевропейских позднеолитических и энеолитических культур в формировании КТК. (19, с.109 и табл.3,4,7)

Таким образом, и система орнаментации, и ручки на сосудах не существуют в неизменном виде от начала до конца культуры, а на каждом этапе имеют свою хронологическую форму, а следовательно, не могут быть внесены в ядро культуры как неизменяемую часть культуры, а имеют лишь хронологическое значение, образуют хронологически значимую часть культуры. Практический вывод из этого состоит в том, что нельзя атрибутировать ту или иную керамическую форму только по системе орнаментации или ручкам на сосудах, как это прослеживается в работах 30-ых годов (А.В. Шмидт). Уникальность некоторых керамических форм "ядра" керамической системы КТК как XXXII (куявской амфоры) и XI (двуручного сосуда с диаметром тулова равным или близким к диаметру устья и большим, чем высота сосуда) позволяют сочетание этих форм (или даже одну из них) рассматривать как достаточное условие для атрибуции комплекса КТК. Комплекс керамики, который по составу больше других приближается к сводному комплексу этапа КТК, мы называем типичным комплексом для этого этапа. Так, для I этапа КТК типичным комплексом является Дз.1/19; для III этапа - Дз.9/2 и 3/2; для IV этапа - Дз.4/1,2; для V этапа - X.2/2; для VI этапа - X.1/1, хотя по другим категориям инвентаря можно назвать по этапам другие комплексы.

10. Выделение традиции металлообработки кубано-терской культуры на металлокомплексах Северной Осетии (могильники Дзуарикау, Ногир, Хазнидон, Терская)

Вряд ли можно назвать какую-либо другую культуру на Кавказе и в Восточной Европе в бронзовом веке, где был бы представлен столь разнообразный не-керамический, а в нем - металличес-

году Г.Ф.Гобеджишвили (II, с.39, сн.24), т.е. в год нашей публикации могильника Дзуарикау (I8) Р.М.Мунчаев пишет дважды: сначала как о "посткуро-аракской" (II, с.36), а затем "как хронологически следующей за куро-аракской и вместе с некоторыми комплексами Сачхере характеризующей заключительный этап раннебронзового века Южного Кавказа" (II, с.37).

Если вновь обратиться к погребениям с сосудами на ножках в Дзуарикау, то они нами относятся к Раннебронзовому веку также. Более того, не имея возможности строго разделить их с "чисто" куро-аракскими погребениями Дзуарикау (7/I,3) стратиграфически, мы выразили хронологическую дифференциацию в указании на смешанную культурную атрибуцию памятника КТК/КАК, и таким образом, подчеркнули пост-куроаракскую принадлежность именно этих погребений, хотя сосуды на ножках в этом же Дзуарикау зафиксированы и в чисто кубано-терских памятниках, предшествующих "чисто" куро-аракским, (Дз.7/4, синхронное Дз.1/19, дающее дату этому горизонту -РБ Пь), и таким образом, по стратиграфии курганов Дзуарикау погребения с сосудами на ножках могут получить дату в более широком хронологическом интервале РБ Пь-РБ Ш/СБ I, т.е. "докуро-аракский и пост-куро-аракский период". И вопрос о "куро-аракской" или алазано-беденской атрибуции сосудов на ножках следовало бы пока оставить открытым. Что касается синхронизации КТК и алазано-беденской культуры (II, с.38), предлагаемой Р.М.Мунчаевым, то следует иметь в виду, что в 12 км от Дзуарикау в с.Кобан найден в куро-аракском каменном ящике гонор майкопско-новосвободненского типа, близкий к Дзуарикау 1/19, а в других куро-аракских погребениях - керамика, аналогичная Дз.7/I,3; 2/2 и Т-образные сачхерские булавки. Таким образом, синхронизация I этапа КТК и части куро-аракских памятников среднегорья Северной Осетии не вызывает сомнения, тогда как памятники алазано-беденской культуры находятся за хребтом и достаточно удалены от Дзуарикау. Вопрос синхронизации закавказских и северокавказских памятников КАК зависит от формы движения культуры из-за хребта, исторической ситуации в этот период. Мы синхронизируем эти памятники, относя их к Раннебронзовому веку, позднему его этапу. Наконец, следует указать, что синхронизацию РБ Ш частично с поздним Сачхере Р.М.Мунчаев признает, а мы считаем, что деление Сачхере на ранние и поздние памятники - надумано, как и надумана дискуссия о культурной принадлежности сосудов на ножках. В то же время нельзя не видеть, что раскопки аналогичных погре-

кий, как в кубано-терской культуре. Стратиграфия курганных погребений в Даурикау, Ногире и Хазнидоне позволяет распределить не-керамический комплекс по хронологическим периодам и этапам КТК. Классификация позволяет выявить системные признаки в не-керамическом комплексе, а следовательно, представить в виде системы часть археологической культуры, уникальность которой требуется доказать. Однако классификации и систематизации не-керамического комплекса КТК предшествовало составление номенклатуры не-керамического инвентаря. Принятая нами номенклатура основывается на конечных типологических разрядах классификационных схем Б.Е.Дегена (4), В.И.Марковина (10), Е.И.Крупнова (8), В.А.Сафронова (21-23). Номенклатура, приводимая ниже, охватывает лишь массовые типы.

Таблица 4

Номенклатура

не-керамического инвентаря ранне- и среднебронзового века Кубано-терского междуречья в пост-майкопский и докатакомбный период (римскими цифрами в скобках указан этап КТК)

БУСЫ (паста, кость): 1-бусы белые, пастовые, цилиндрические (II) 2-бусер пастовый из пасты разных цветов (III), 3-бусы пастовые цилиндрические (III-IV), 4-бусы сегментовидные пастовые (IV), 5-бусы цилиндрические костяные (III), 6-пронизи из трубчатых костей птиц (IV), 7-пронизи костяные нарезные (IV), 8-бусы костяные-каплевидные (V), 9-бусы костяные бочонковидные (III-V).

БУСЫ (из камня и окаменелостей): 10-бусы из зубов ископаемой рыбы (III-IV), 11-бусы из ископаемых моллюсков, рыб (IV), 12-бусы дисковидные из перламутра (IV), 13-бусы из раковины брюхоного моллюска (V), 14-бусы каменные с бородавчатыми шпешечками (III-VI), 15-бусы гешировые цилиндрические (III), 16-бусы круглые сердоликовые (III), 17-бусы дисковидные сердоликовые (III), 18-бусы сердоликовые бочковидные (III-V), 19-бусы биконические гагатные (V), 19а-бусы каменные каплевидные (III-IV).

БУСЫ (из металла). **ПРОНИЗИ**: бусы цилиндрические (III), бусы биконические (V), 21-бусы бочонковидные (III-V), 22-бусы дисковидные (IV), 23-пронизки-трубочки, свернутые из бронзового листа (III-IV), 24-пронизки, скрученные из проволоки (IV), 25-бусы сегментовидные (IV-V), 26-бусы сегментовидные с зернью (V), 27-бусы из проволоочной пронизки и шаровидной подвески, 28-В-образные пронизи из бронзовой пластины (V), 28а-В-образные пронизи литые с декором на площадке (V), 29-бусы биконические с зернью (V), 30-пронизи трубчатые литые гладкие с "манжетами" (V), 31-пронизи литые трубчатые с орнаментом (V), 32-сдвоенные пронизи (V)

ПОДВЕСКИ (из металла): 33 -подвески в I.5 оборота (из золота, серебра, бронзы) (I-Y); 34- подвески с несомкнутыми концами в виде калачика (П-Y), 35-подвески кольцевидные (Ш-IY/Y), 36-подвески ложковидные (Ш-Y), 37-подвески ложковидные с зернью (IY/Y-Y) 38-подвески дисковидные-медальончики (из серебра, золота, бронзы) (IY), 38а-подвески дисковидные с зернью (IY/Y-Y), 39-подвески-медальончики сдвоенные (IY, IY/Y), 40-стерженьки-подвески, скрученные из проволоки (IY, Y), 40а-подвеска шаровидная на прямом стержне (IY), 41-стерженьки-подвески литые, (IY, Y), 42-стерженьки-подвески литые (IY-Y) с зернью, 43-стерженьки-подвески со сдвоенным окончанием (Y), 43а -подвеска-грибок (IY), 44-подвески строенные из стерженьков-подвесок (Y), 45-подвески серповидные, украшенные литым орнаментом (Y), 46-подвески в виде маятника (Y), 47-бляха-медальон дисковидный (Y-UI), 48-подвеска булавовидная с 4-мя шпешечками (Y), 49-подвески прямоугольной формы с 4-мя шпешечками на конце (Y), 49а-подвеска сердцевидной формы (Y), 50-подвеска трапециевидная с шпешечками на конце (Y), **БЛЯХИ ВЫПУКЛЫЕ**: 51-бляхи слабовыпуклые с пунсонным орнаментом, кованые из медно-бронзового листа (Ш), 51а-бляхи слабо-выпуклые с рельефным орнаментом, кованые (Ш-IY), 52-бляхи полусферические с пунсонным орнаментом, кованые из листа (IY), 53-бляхи полусферические литые с рельефным орнаментом (Y), 54 -бляхи конические литые с рельефным орнаментом (Y), **БУЛАВКИ-ПОДВЕСКИ** (из металла) 55 булавки рожковидные бронзовые (Ш/IY-IY), 56-булавки молоточковидные с I-ой парой молоточков (Ш/IY-IY), 57-булавки многомолоточковидные с 2-мя и 3-мя парами молоточков (Y), 58-булавки посоховидные (IY), 58а-подвески изогнутые в с навершием в виде головки животного (IY/Y), 58б-булавки с волutoобразным навершием (П-Y), **БУЛАВКИ-ПОДВЕСКИ** (из кости) 59-булавки костяные молоточковидные (Ш-IY), 60-булавки гвоздевидные (IY), 61-булавки изогнутые (IY), 62-булавки изогнутые без выделенного навершия (IY), 63-булавка с плоским навершием (IY) **ОРУДИЯ. НОЖИ**: 64-нож сачхерского типа (Ш, П/Ш), 65-нож с ромбическим черенком (П-IY), 66-нож-дротик(?) с длинным череком и короткой лезвийной частью (IY), 67-нож с длинной лезвийной частью и язычковым черенком (Ш), **ТОПОРЫ**: 68-топоры проушные новосвободненского типа (I), 69-топоры с изогнутой лезвийной частью сачхерского типа (П), **БРАСЛЕТЫ** - 70, 71-топор бронзовый с орнаментом (IY), 72-серп бронзовый (UI), 73-топор каменный гладкий, кабардино-пятигорского типа (П-Y), 74-топор каменный

кабардино-пятигорского типа граненый (Ш-У1), 75-сосудик металлический вотивный (У), 76-стрелы кремневые, 77-выпрямители стрел 78-терочки, 79-идолы алебастровые.

Если обозначить материал, из которого сделан инвентарь кубано-терской культуры, буквенными индексами, то семь типов погребальных комплексов, характерных для КТК, выразятся следующим образом: М,К,Н,(М+К), (М+Н), (М+К+Н),(К+Н), где М-металлические объекты, К-керамические сосуды, Н-некерамические и неметаллические предметы. Анализ каждого региона Кубано-Терского междуречья по типам погребального комплекса показал, что в Кабардино-Балкарии имеется 7 типов, в Верхнем Прикубанье - 7 типов, в Пятигорье - 6 типов, в Северной Осетии - 4 типа, в степных районах - 4 типа. Число металлоносных комплексов в Северной Осетии - 28, причем всегда металлокомплексу сопутствует керамика, кроме одного случая (Х.4/6), а в 5 случаях керамика дополняется еще и не-керамическим инвентарем. Наименьшая вариантность погребальных комплексов по представленному там материалу, из которого изготовлен инвентарь, свидетельствует о большей устойчивости комплекса и устойчивости культуры в данном регионе. Представлению большей устойчивости погребального комплекса отвечает регион Северная Осетия.

Таблица 5

Состав металлоносных комплексов КТК
Северной Осетии

Типы комплексов: (М+К), (М+К+Н), М. Соотношение их: II:8:9. Условные обозначения: комплексы обозначены номерами по Каталогу, типы металлических и не-керамических предметов обозначены арабскими цифрами - номерами Номенклатуры в табл.4. Дз.-Дзуарикау, Н-Ногир, Х-Хазнидон

п/№	Комплекс	Номер по Каталогу	Тип комплекса	Число типов украшений	Типы не-керамического инвентаря
1	2	3	4	5	6
I.Дз.1/18		363	М+К+Н	5	I,10,2I,36,39,4I,70
2.Дз.1/15			М+К	I	34,69
3.Дз.2/3		358	М+К	I	70
4.Дз.3/2		353	М+К+Н	4	I 35,36,55,70
5.Дз.4/1		364	М+К	2	30,58a
6.Дз.II/1,2			М+К	I	70
7.Н. I/8		367	М+К+Н	4	I,10,2I,25,36,4I,73,77
8.Н. I/II			М+К	I	52
9.Х. I/2			М+К+Н	I	36,74
10.Х. I/4		372	М+К	3	2I,25,36
11.Х. 2/I		380	М+К	6	2I,26,30,3I,4I,57
12.Х.2/4		381	М+К	5	2I,25,3I,36,47
13.Х. 5/2		386	М+К	4	3I,33,53,57
14.Х. 5/4		387	М+К+Н	10	37a, 2I,3I,34,36,4I-43,47

1	2	3	4	5	6
15.X.4/6		384	M	5	34,36,46,47,53
16.X.5/1		385	M+K	3	21,26, 50

17.T. 2/10		457	M	1	33
18.T. 10/13		458	M	1	41
19.T. 1/16		459		5	2,24,33,35,43
20.T. 1/13		459a	M	3	34,36,43
21.T. 10/5		462	M+H	3	24 43a 63
22.T. 10/16		463	H	1	
23.T. 10/18		465	M+H	2	
24.T. 10/20		466	M+H	2	41
25.T. 1/14		469	H	1	41
26.T. 3/9		470	M	3	33 47 580 ⁷⁷
27.T. 10/12		471		4	21,24,43,51a, 56
28.T. 10/25		474	M	5	1,2,21,24, 33
29.T. 1/1		475	M	2	21 36
30.T. 3/3		476	M+K	2	21 40a
31.T. 3/5		477	M	2	21 41
32.T. 10/8		479	M	4	24 33, 41 53

Из таблицы 5 видно, что металлоносные комплексы по своему количественному составу неравноценны. По одному типу украшений было в 7 предгорных комплексах, в 4 степных; по два типа сохранилось в I предгорном, и 5 степных; по три типа - в 2 предгорных и 3 степных; по четыре типа - в 3 предгорных и 2 степных; по пять и больше типов - в 5 предгорных и 2 степных.

Существует несколько комплексов (7 комплексов, где число типов пять и больше. Это говорит о хороших возможностях составления сводного металлокомплекса, а также о возможности корреляции типов предметов.

Насыщенные металлом комплексы больше характерны для предгорной зоны, что вполне естественно.

Практически полное отсутствие керамики в степных комплексах ставит задачу атрибуции степных металлокомплексов как очень актуальную.

Наоборот в предгорных комплексах все металлокомплексы сопровождаются керамикой, что облегчает их атрибуцию. Присутствие в I2 комплексах куявской амфоры облегчает и делает однозначной кубано-терскую атрибуцию предгорного металлокомплекса.

При отсутствии керамики, как это имеет место в степных комплексах Северной Осетии атрибуция металлокомплекса определяется сравнением со сводным металлокомплексом предгорного региона Северной Осетии. Сводные комплексы устанавливаются как и керамические методом совмещения внутри горизонта и между стратиграфическими горизонтами.

Стратиграфические наблюдения на курганах Северной Осетии позволяют распределить металлокомплекс КТК по стратиграфическим горизонтам, а также по этапам КТК.

На I этапе КТК (РБ. Пъ) в инвентаре комплексов встречена только форма литого проушного топора, который представляет дальнейшее развитие формы новосвободненского топора. Хронологическая позиция комплекса как промежуточная между куро-аракскими финального этапа (Сачхере, 22 в. до н.э.) и новосвободненскими 23 в. до н.э. (принимая во внимание дату Майкопа концом 24 в. до н.э., обоснованную В.А.Сафроновым в 1982 г.) говорит о присутствии новосвободненской составляющей в металлокомплексе I этапа КТК.

На II этапе КТК также нет собственных металлоизделий, а присутствует сачхерский импорт (Дз. I/15).

На III этапе сразу же появляется сложившийся комплекс бронзовых украшений. Он состоит из рожковидной булавки, украшенной рельефным орнаментом, браслетов, якоревидной подвески, цилиндрических пастовых бус, кольцевидной бляхи и ложковидных подвесок. Все украшения принадлежат КТК. (Дз. 3/2) Возможно, факт появления сразу столь большого комплекса объясняется нерядовым характером и погребальной конструкции (мегалитическая гробница) и рангом погребенного. Мы отмечаем, что уже на этом этапе освоена техника литья по восковой модели, существует уже северокавказский (а точнее кабардино-балкарский) очаг металлообработки. Северокавказские металлурги восприняли технологию бронзового производства и металлотитья от куро-аракских металлургов но пошли не по пути заимствования форм украшений, свойственных закавказской культуре Раннебронзового века, а по пути копирования в металле форм украшений, свойственных кубано-терской культуре, выполненных в камне, пасте, кости. Так, подвески из клыков животных превращаются в сегментовидные пронизки; костяные пронизы из птичьих костей повторяются в кованых и литых (хронологически позже) пронизках; костяные нарезные пронизы имитируются в пронизках, скрученных из проволоки. Янтарные диски с "пунсонной орнаментацией", характерные для материнской по отношению к КТК культуры - культуры шаровидных амфор (I9, с. I09) скорее всего послужили прототипом для выпуклых блях с пунсонной орнаментацией, хотя и в металле они известны в культуре шуровых керамик. Костяные молоточковидные булавки явились прототипом металлических молоточковидных, хотя связь

возможно, осуществлялась и в обратном направлении (имеется в виду влияние сачхерских Т-образных булавок на формы костяных). Металлические стерженьки-подвески явились имитацией в металле каменных каплевидных подвесок. Список можно было бы продолжить.

Комплекс украшений IV этапа КТК дополняется новыми типами. Они включают браслеты, стерженьки-подвески, ложковидные подвески, сегментовидные пронизки, бочонковидные бусы, сильно выпуклые бляхи с пунсонной орнаментацией, посоховидные булавки, подвески с навершием в виде головы животного. Типичными комплексами этого этапа являются Дз.1/18, Н.1/8, I/II, Дз.4/1,2, X.1/4, X.1/2 (рис.5, 6)

Комплекс украшений V этапа КТК представлен инвентарем погребений X.2/1,2/4, Дигора 1920, Дигора 1966, п.1,2. Он включает многомолоточковидные булавки, дисковидные бляхи-медальоны, литые пронизи с орнаментацией, ложковидные подвески, сегментовидные пронизки, подвески в 1.5 оборота, калачикообразные подвески, литые бусы.

Комплекс украшений VI этапа в Северной Осетии отсутствует, хотя судя по Шилтраку и Айлама в Кабардино-Балкарии, в этот комплекс может входить гигантские булавки с веерообразной головкой, В-образные литые пронизи с рельефным орнаментом, дисковидные бляхи-медальоны, пронизи (I, с.142, 144, рис.20,21) и другие.

Таблица 6

Сводные металлокомплексы
этапов кубано-терской культуры
Северной Осетии

Этапы КТК	Типы не-керамического инвентаря (номера по Номенклатуре)	
	Предгорья	Степь
I этап	68	-
II этап	I, 33, 34, 64, 69, 73	-
III этап	I, 35, 36, 43, 55, 70	40?
IV этап	3, 4, 10, 21, 25, 36, 41, 52, 61, 67, 74, 73, 77, 78	I-3, 17, 18, 21, 24, 33, 34, 35, 36, 41, 43, 51a, 56, 63, 77
V этап	21, 25, 28, 30-37, 47, 48, 50, 53, 57, 73-75	33, 53

Отличие металлокомплекса от керамического комплекса КТК состоит в том, что металлокомплекс отвечает системе в большей мере, чем керамика. Действительно, существуют типичные металлокомплексы для каждого этапа, начиная с III этапа КТК, которые соответствуют сводному металлокомплексу этапа. В то же время за исключением нескольких сквозных типов, существующих от III до V этапа КТК, как тип 34, 4I/43, 36, типы металлокомплекса не выходят за границы хронологического этапа, характеризуя, таким образом, этап хронологически. Они являются хронологически значимой частью всего культурного комплекса. С другой стороны, начиная с III этапа КТК с возникновением комплекса украшений, от этапа к этапу неизменной остается система металлокомплекса, а не его конкретные типы. Именно эта система могла бы быть культурно-значимой частью археологической культуры, если бы она существовала от начала до конца культуры, но эта система существует три этапа: III, IV, V, VI(?). Она создает представление о культуре среднебронзового века Центральной части Северного Кавказа для исследователей памятников степных культур и, таким образом, все-таки является культурно-значимой частью части кубано-терской культуры. В чем состоит эта неизменяемая система металлокомплекса?

Как система, металлокомплекс КТК состоит из опорных типов, каковыми являются БУЛАВКА (рожковидная для III этапа; молоточковидная бронзовая или посоховидная для IV этапа; многомолоточковидная для V этапа; веерообразная для VI этапа), БЛЯХА ВЫПУКЛАЯ (слабо выпуклая с пунсонным орнаментом для III этапа; сильно выпуклая с пунсонным орнаментом для IV этапа; полусферическая и коническая для V этапа), БЛЯХА ДИСКОВИДНАЯ (кольцевидная для III этапа и мини-медальончики; кольцевидная с меньшим диаметром кольца для IV этапа; бляхи-медальоны дисковидные для V этапа). В окружение опорных типов входят украшения: стерженьки-подвески (которые на разных хронологических этапах имеют разные варианты) сегментовидные пронизки, ложковидные подвески, бочонковидные бусы, подвески в 1.5 оборота, подвески с несомкнутыми концами, трубчатые пронизы.

"Закон существования металлокомплекса КТК" состоит, следовательно, в неизменности системы ОПОРНЫЕ ТИПЫ И ОКРУЖЕНИЕ и в хронологической изменчивости как опорных типов, так и типов окружения. Кроме того, металлокомплекс в технологическом отношении проходит два этапа: I - с преобладанием кованых пред-

метов; П - с преобладанием литых предметов. Граница раздела проходит по рубежу IV и V этапов КТК. Основной прием технологии, который сопровождает все хронологические поздние варианты - это техника зерни. Известны варианты подвесок без зерни и с зернью: это 25 и 26, 36 и 37, 38 и 38а, 4I и 4Iа (табл.4)

Типы металлокомплекса могут быть охарактеризованы по степени распространенности ("P") и сочетаемости ("C") с другими типами металлокомплекса. Распространенность можно выразить количественно через отношение числа комплексов, где отмечается этот тип, к числу металлоносных комплексов. Сочетаемость может быть охарактеризована дробью, в числителе которой число типов, с которыми зафиксирован данный тип, а в знаменателе - число сочетаний данного типа с другими.

В соответствии с этими характеристиками составлена таблица.

Таблица 7

Характеристика
типов не-керамического инвентаря в погребениях КТК
Северной Осетии

Номер типа (по Номенклатуре)	Комплексы, в которых зафиксирован данный тип (по табл.4)	"P"	"C"
I-10	353,367,459,463,465,466,474	7/36	-
2I	380,38I,385,387,367,47I,474, 475,476,477	10/36	II/18
24	372,379,459,462,47I,474,	6/36	2/2
25	367,372,38I	3/36	6/8
26	380	I/36	4/4
30	380	I/36	4/4
3I	364,380,38I,386,387	5/36	14/18
33	386,457,459,470,474,479	6/36	6/9
34	384,385,387	3/36	5/7
35	353,459	2/36	4/4
36	353,367,372,38I,384,385,387,459	8/36	II/I3
37	387	I/36	9/9
4I	367,380,386,387,458,465,466,477,479	9/36	13/15
43	367,459,459а,462,47I	5/36	5/5
47	38I,384,387,470	4/36	9/13
50	384,385	2/36	7/9
53	38I,384,479	2/36	5/5
55	353	I/36	3/3
56	47I	I/36	4/4
57	380,385	2/36	6/8
58	470	I/36	
70	353,363,358, Дз. II/I	4/36	4/4
73	Дз. 2/2, Н. I/8	2/36	2/2
74	Дигора к/п, X. I/2	2/36	5/8

По распространенности выделяются следующие типы металлокомплекса: 2I-бочонковидные бусы; 4I-стерженьки-подвески; 36-ложковидные подвески; 24 и 33 -пронизки из скрученной проволоки и подвески в I.5 оборота; 3I-трубчатые пронизки с орнаментом; 43-строенные стерженьки-подвески; браслеты-70; 47-бляха-медальон дисковидный. Ряд построен по убыванию коэффициента распространенности "P" (табл.7)

По сочетаемости типы металлокомплекса несколько меняют свою позицию: 3I-пронизки; 4I-стерженьки-подвески; 2I-бочонковидные бусы; 36-ложковидные подвески; 47-бляха-медальон дисковидный. Сочетаемость зависит от числа типов в металлокомплексе: там, где типов, допустим, 10, коэффициент сочетаемости возрастет до 10.

Эти характеристики служат для разграничения металлокомплексов вариантов и микрорегионов КТК (34, с.12)

Выявление системы в металлокомплексе позволяет признать еще одну часть культуры частью системы. Специфическим для КТК является факт появления или сложения металлокомплекса только на III этапе развития. Вряд ли это явление следует объяснять малой информацией о ранних этапах КТК. Корни этого явления находятся в происхождении КТК от поздненеолитической культуры Польши - культуры шаровидных амфор, которая хотя и знала металл, но не имела системы бронзовых украшений, ограничиваясь только такими материалами, как кость, камень, окаменелости.

II. Характеристика могильных сооружений и обряда погребений КТК в Северной Осетии

Курганы Северной Осетии дали 92 погребальных комплекса, но только в 65 случаях была прослежена могильная конструкция или получены необходимые данные для реконструкции формы могилы.

Распространенность типа могильной конструкции обозначаем через дробь, в числителе которой число зафиксированных случаев с данной конструкцией, а в знаменателе - число 65.

Североосетинские памятники обеспечены надежной стратиграфией, поэтому можно рассматривать изменения могильной конструкции по этапам эволюции КТК.

Могильная конструкция включает ряд характеристик: 1. устройство в материке или на дневной поверхности; 2. укрепление другими материалами стен и дна могилы; 3. материал перекрытия; 4. форма плана (квадрат, прямоугольник, овал, трапеция) могилы; 5. способ консервации могилы (наброска каменная, земляная)

Распределение могильных сооружений
по этапам КТК в курганах Северной Осетии

Этапы КТК	Форма могилы	Памятники, в которых обнаружены эти могилы (номера по табл.4)
I этап	Ямы с несохранившимся (из плит) перекрытием и наброской булыжника на нем, квадратной и прямоугольной формы	336, 338, 339
II этап	Ямы с несохранившимся перекрытием и наброской булыжника на нем, прямоугольной и квадратной формы. Ящик, сложенный из булыжника, в несколько ярусов, квадратной формы; дно обмазано глиной	342а, 344 341, 343
III этап	Ямы с несохранившимся перекрытием и наброской на нем	355-357
<u>Предгорья</u>	Ямы, обложенные по дну булыжником	340, 346
	Ямы, заполненные землей, без камня, на дне тростниковый настил	360
	Ящик из булыжника Гробница из плит	342а, 353
III этап	Ящики деревянные в яме квадратной формы. Дно иногда выложено мелкой речной галькой	456, 457, 458, 460
<u>Степь</u>		
IV этап	Ящики из булыжника на горизонте, перекрытые плитой	364, 365
<u>Предгорья</u>	Ямы, обмазанные по дну глиной, обложенные камнями	367
	Ямы простые с земляным заполнением и наброской	369, 368, 370, 371, 373, 374
<u>Степь</u>	Ящики деревянные квадратная яма, Ящики деревянные в прямоугольной яме	462-466а, 473-474 475
	Ямы с заплечиками и настилом	459, 460, 461, 468-472
У этап	Ямы с заплечиками	394
<u>Предгорья</u>	Ямы с наброской на перекрытии	379-386а, 387
	Ямы с деревянными конструкциями	389, 390
<u>Степь</u>	Ямы с заплечиками	477
VI этап	Ямы, заполненные камнем	393-396

Отделы могильных сооружений
Северной Осетии

Таблица 9

п/№	Отделы могильных конструкций	Вес отдела по этапам	КТК	Общее число по КТК. %
1.	Ямы	I этап - 3/3;	100%	42/65
		II этап - 2/4;	50%	
		III этап - 6/12;	50%	
		IV этап - 17/28;	61%	
		V этап - 14/14;	100%	
2.	Ящики деревянные	III этап - 4/12	33%	13/65
		IV этап - 9/28	32%	20%
		V этап - 1/14		
3.	Ящики из булыжника	II этап - 2/4	50%	5/65
		III этап - 1/8	12,5%	7,6%
4.	Гробница из плит с элементами ямной и ящичной конструкции	III этап - 1/12	8%	1/65
				1,5%

Из этих таблиц следует, что ведущей формой могильного сооружения являются в СО АССР ямы (65%). Они существуют от I до VI этапов, несколько изменяясь по форме от квадратной к прямоугольной (варианты). Ящичная конструкция в предгорьях известна как сооружение из булыжника (сухая кладка в несколько ярусов). (7,6%). Деревянные ящики известны в степи в двух этапах КТК.

Склепы и каменные ящики квадратной формы не привились в КТК; влияние куро-аракской традиции в такой консервативной форме обряда не сказалось.

Деревянные ящики в ямах в качестве новой формы могильного сооружения были представлены впервые в наших раскопках в Терской Моздокского района СО АССР. Впервые они возникли как массовое явление, хотя известны и в других регионах Кубано-Терского междуречья (Верхнее Прикубанье - 6% ящичных конструкций; Пятигорье - 5%; Кабардино-Балкария - 11%; Северная Осетия - 20%) Деревянные ящики - это условное обозначение деревянной конструкции в виде рамы из полуплах, устанавливаемой на дно ямы большей площади, перекрытые деревянными плахами. Пространство между стенками ямами и рамой заполнено землей. Такое название принято

для того, чтобы отличить от сруба- конструкции, известной в срубной культуре.

"Деревянные ящики" являются культурно-дифференцирующей характеристикой, позволяющей разделить памятники КТК СО АССР на два варианта - предгорный и степной.

Следует отметить и уникальную гробницу из плит, которая объединяет черты ямной и мегалитической постройки. В отличие от гробниц, сооруженных на горизонте, гробница Дзуарикау 3/2 сооружена на горизонте, но часть ее представляет вырытую в материке яму. Покровная плита имела длину 5 м. Длинные стены выступали за короткие и образовывали подобие "сеней".

Таким образом, форма могильного сооружения является существенной характеристикой кубано-терской культуры, отличающей ее от куро-аракской и майкопской культуры, от древнеямной и катакомбной культуры. Унифицированность формы могильного сооружения в пределах предгорной части Северной Осетии (яма и булыжниковые конструкции) и в степной части ("ямы и деревянные ящики") позволяет говорить о форме могилы как о культурно-интегрирующей характеристике, объединяющей памятники КТК в пределах региона и междуречья. В то же время изменение формы ямы и преобладание той или иной формы на хронологическом этапе позволяет видеть в форме могильного сооружения и хронологический признак. Форма могилы является и дифференцирующей характеристикой, позволяющей провести деление не только на широтные варианты - предгорный и степной-, но и на меридиональные. Так, Верхнее Прикубанье и Пятигорья резко отграничиваются от кабардино-осетинского региона по каменным ящикам из плит и склепам, которые отсутствуют в Кабардино-Балкарии и Северной Осетии.

Для того, чтобы выявить системные связи в формах могильных конструкций КТК нужно гораздо больше данных, хотя факт существования системы в форме могил КТК доказывается тем, что могильные сооружения КТК отличаются от культур в диахронии и ареале и сходны между собой в период эволюции культуры КТК от I до УI этапа. Неизменяемой в форме могильных конструкций КТК остаются "ямы", хотя они дифференцируются по способам оформления дна, стенок, перекрытия могилы.

В памятниках КТК Северной Осетии прослежено три положения скелета: скорченное на боку (в I, Ш, IV, V этапах), вытянутое на спине (во II, Ш, IV, V, VI этапах), кенотафы (во II, IV, V этапах)

Полиритуальность КТК требует объяснения, которое связано с решением вопросов происхождения культуры. Сосуществуя с I этапа два обряда захоронения – скорченное и вытянутое-, тем не менее на разных этапах поочередно преобладает. Так, на I-III преобладает скорченное положение погребенного, тогда как с СБ I_б появляется в Кубано-Терском междуречье приток населения с вытянутым обрядом захоронения; этот поток коснулся и Северной Осетии и Кабардино-Балкарии. Смена обрядов наблюдается и в степном варианте: более древнее положение занимают скорченные на боку погребения (Терская IO/5, I8, I7, 25 и др., 2/4), тогда как вытянутые – более поздние (Терская 2/I). Для более точной картины нужны еще дополнительные раскопки с хорошей стратиграфией погребальных обрядов. В погребениях У этапа возникает биритуальность, которую не объяснить хронологическими нюансами. Так, в Хазнидоне, в одном кургане, с одним инвентарем произведено два захоронения – на боку слабо скорченно (Х.2/I) и вытянуто (Х.2/4). В деталях скорченные погребения разнятся по степени скорченности, по ориентировке, по положению рук (Н. I/I2 и I/I3). Однако систему в обряде погребения мы усматриваем в удерживающейся биритуальности, что имеет объяснение в характере генезиса культуры ранне-среднебронзового века Северо-Осетинского региона.

12. Определение условий существования единой культурной традиции пост-майкопского и докатакомбного времени в Северо-Осетинском регионе (методика, терминология)

Выше мы показали, что культурная преемственность от этапа к этапу в исследуемом массиве памятников КТК обеспечивается и в керамике, и в металлокомплексе, и в форме могильного сооружения, и в обряде положения погребенного. Передача культурной эстафеты достигается благодаря существованию в неизменной форме ряда типов керамики и металлического инвентаря, а также не-керамического инвентаря в целом (кабардино-пятигорские топоры) от I до последней VI этапа несмотря на некоторую их вариантную изменчивость. Для обозначения неизменной части культуры на всех этапах эволюции мы вводим термин "ядро культуры", который отличается от бытового понятия "ядро культуры", в которое вкладывается иной смысл – сумма типичных комплексов, дающих представление о культуре.

ЯДРО КУЛЬТУРЫ – неизменная часть культуры, существующая во всех ее хронологических этапах, обеспечивающая культурную преемственность. Выделение культуры подразумевает как выявление

специфики развития культуры (периодизация памятников, определение ее этапов эволюции, установление хронологических реперов), так и выделение общего (того, что делает данную культуру уникальным феноменом).

Практически в ядро кубано-терской культуры мы можем включить керамические типы: X, XXXII (амфоры), XI (двуручные сосуды) XIII, XIV (одноручные сосуды), т.е. только 5 типов из 26 всех типов, составляющих кубано-терскую керамическую традицию, и из II массовых типов КТК, соответственно 19% и 45%; структуру керамического комплекса: амфоры-двуручные сосуды-одноручные сосуды; форму могилы - яму с каменными и деревянными конструкциями; обряд положения скелета - скорченное на боку и вытянутое.

Металлокомплекс КТК несмотря на то, что он имеет систему **ОПОРНЫЕ ТИПЫ+ОКРУЖЕНИЕ**, не может быть включен в ядро культуры, поскольку прослеживается только с III этапа. Он составляет хронологически значимую часть культуры, а также позволяет точнее ставить проблему происхождения кубано-терской культуры как в целом не практикующей помещения металлического инвентаря, украшений из бронзы в погребения, а может быть и не использующей широко металл в обиходе, тем более для украшений. Этот факт имеет для подтверждения нашей гипотезы происхождения кубано-терской культуры из поздненеолитической культуры шаровидных амфор чрезвычайное значение. (I9; 20)

Для более полной характеристики культуры необходимо введение нового термина - **ПОРТРЕТ КУЛЬТУРЫ**, который включает сумму характеристик, отличающих данную культуру от культур окружения во времени и пространстве. Портрет культуры может включать культурно-специфические составляющие ядра культуры, а также не вошедшие в ядро культурно-специфические элементы культуры, выделяющие большую часть ее памятников, как металлокомплекс. В портрет культуры из всего металлокомплекса войдет система металлокомплекса (опорный типы +окружение), эндемичные формы (рожковидные и многомолоточковидные булавки, дисковидные бляхи-зеркала, литые пронизи), массовые типы окружения металлокомплекса (стерженьки-подвески, ложковидные подвески и др.), из керамики - типы XI, XXXII, XXI (амфоры и двуручные сосуды), из форм могильных конструкций - подкурганые захоронения под каменно-земляной наброской в ямах, перекрытых плитами, с каменными и деревянными конструкциями в могиле; из обряда положения скелета - вытянутое на спине.

Как видно из сказанного мы делаем разницу между ядром и портретом культуры; эти два понятия не дублируют друг друга. В ядре сконцентрированы культурно-интегрирующие свойства культуры, а в портрете культуры – культурно-дифференцирующие свойства, выделяющие культуру, как феномен, из окружения.

Условиями существования кубано-терской культуры как единой культурной традиции пост-майкопского и докатакомбного времени заключаются в наличии ядра культуры, портрета культуры, а также существовании системных связей между всеми элементами культуры – керамики, металлокомплекса, форм могильных сооружений и обряда погребения. Если все части культуры соответствуют системе, то целое, составленное из них, является также системой, а следовательно, культурой. (Этот тезис мы подтвердили в ходе изложенного анализа керамического комплекса, металлокомплекса, обряда погребения). Доказательства единства культуры не исключает существования вариантов. Вариантом культуры мы принимаем памятники, которые отвечают всем требованиям, условиям существования культуры, сформулированным выше, но во всех основных частях культуры в памятниках варианта культуры обнаруживаются варианты изменения.

Условия выделения степного варианта КТК состоят в наличии изолированной территории с иным ландшафтным характером (притеречные степи за хребтом), компактной территории, объединенной с общей территорией культуры (входит в Кубано-Терское междуречье, является естественным завершением Северо-Осетинской наклонной равнины), в ограниченном по сравнению с предгорными комплексами набором керамики (хотя с теми же типами) и нарушении структуры керамического комплекса, в существовании металлокомплекса с сохранением его системы и некоторых опорных и сопровождающих типов, в нарушении соотношения "керамический и металлокомплекс", характерного для предгорных памятников, в иных материалах, используемых для сооружения могильных конструкций (дерево вместо камня); доминирование скорченного обряда при существовании в предгорьях вытянутого обряда.

Культурно-дифференцирующими признаками для степного варианта является отсутствие керамики, монолитность скорченного обряда, доминирование металлоносных комплексов.

Культурно-интегрирующими признаками варианта является единство территории, скорченный обряд погребения, деревянные ящики, сохранение системы металлокомплекса и основных типов.

На основании учета этих признаков выделен степной вариант кубано-терской культуры. Узкий хронологический промежуток существования степного варианта КТК (Ш/ІУ-ІУ этапы КТК) усиливает черты различия вариантов КТК, особенно если сравнение проводить со сводным комплексом предгорного варианта КТК. Корректировать такое сопоставление должно сравнение степного комплекса со сводным комплексом ІУ этапа предгорного варианта.

Выше мы показали, что объективно массив памятников КТК может быть получен методом вычитания из памятников бронзового века памятников майкопской, катакомбной культур как обладающих особыми формами могильного сооружения; майкопской и куро-аракской как обладающих специфическими керамическими технологиями. С уменьшенным, таким образом, массивом памятников пост-майкопского и докатакомбного времени мы проводили исследование с целью получения культурно-гомогенного массива памятников (было проведено отделение куро-аракских и смешанных с КАК памятников методом корреляции одноименных типов керамики).

После того, как были определены керамический и металлокомплекс КТК, проведена классификация, охарактеризованы формы могильного сооружения и обряд погребения, целесообразно количественно оценить сходство и различия между КТК и культурами окружения - куро-аракской, древнеямной, катакомбной, а также с предшествующей майкопской, а с другой стороны - степень сходства и различия между вариантами КТК, другими словами, объективно обосновать выделение КТК из культур окружения и разделение на варианты.

МАЙКОПСКАЯ КУЛЬТУРА. Хронологически предшествует КТК, что устанавливается стратиграфией курганов І, 2, 8 в Дзуарикау. Относится к хронологическому периоду РБ Іъ, с (24, 25). Керамика майкопской культуры не содержит никаких типов, характерных для КТК. Сосуды не имеют орнамента и ручек. Характерная цветовая гамма, пачкающий красный черепок вследствие низкотемпературного обжига, однослойный черепок (в больших сосудах - двухслойный). Керамика сделана на кругу; печной обжиг, дающий равномерное "пропекание" глины. Металлокомплекс Майкопа хорошо известен. Из числа типов, представляющих интерес для сравнения с КТК, можно назвать проушные топоры и золотые подвески из проволоки с несомкнутыми концами. Однако топоры образуют майкопский тип, отличающийся как от новосвободненских, так и проушного топора Дз.І/І9, а майкопские кольца отличаются от подвески типа 34

тем, что у последней кольцо имеет заостренные концы и толщина неодинаковая по кольцу. Расчет коэффициентов связи $K = \frac{2}{m}$ майкопских и кубано-терских сводных комплексов дает в результате 0, поскольку нет общих типов.

ДРЕВНЕЯМНАЯ КУЛЬТУРА. Хронологически предшествует и синхронна на первых трех этапах КТК. На северо-осетинской равнине нет древнеямных памятников, но в степях Предкавказья они есть; есть древнеямные памятники и в моздокских степях. Они предшествуют и, может быть, частично синхронны степному варианту КТК. Вопрос правомерного разделения памятников КТК и ДЯК — не праздный. Погребения ДЯК — подкурганные, в ямах под тростниковым настилом; обряд погребения на спине скорченно. Керамика — круглодонная или с маленьким донцем (Комаровский могильник, к/п — раскопки Н.И.Гиджрати). Инвентарь: костяные молоточковидные булавки, подвески в 1.5 оборота (23, с.62-67), бляхи слабо выпуклые с пунсонной орнаментацией (тип 5I). Связи нет ни в обряде погребения, ни в форме могильного сооружения, ни в керамике. Коэффициент связи по этим категориям культуры дает значение 0. Коэффициент связи по металлу равен 0.07, учитывая два общих типа и два типа бронзовых украшений в ДЯК и 25 типов — в КТК.

КУБАНО-ДНЕПРОВСКАЯ КУЛЬТУРА (КДК) имеет со степным вариантом КТК три общих типа: молоточковидную булавку, слабо выпуклую бляху, подвеску в 1.5 оборота. Коэффициент связи по металлу равен 0.075. Форма могилы КДК отлична от КТК, однако обряд КДК — на спине с поворотом на бок, скорченно — фиксируется эпизодически и в степном варианте КТК. Вопрос о связи КДК с степными памятниками КТК требует более тщательного исследования, во всяком случае, и генетически, и хронологически эти культуры имеют ряд точек соприкосновения.

КУРО-АРАКСКАЯ КУЛЬТУРА (КАК) имеет общие керамические типы с КТК, различающиеся на уровне вариантов (тип XIII, XIV, XUP) Коэффициент сходства по керамике равен 0.15. В металлокомплексе общими типами являются 34, 38, 70. Коэффициент связи равен 0.07. Форма могильных конструкций (каменный ящик из плит и склеп) не имеет общих и аналогичных типов в КТК. В отличие от КДК связи с КАК носят не генетический характер, а являются результатом контактов, достаточно глубоких, как было показано выше и в работе (18)

КАТАКОМБНАЯ КУЛЬТУРА. Много катакомбных памятников разных

типов и хронологических этапов окружают КТК, начиная с IY этапа ее существования. Правомерно сравнить с КТК только наиболее ранние из них (т.е. III и IV группы по В.А.Сафронову - 23, с.85 и сл., с.93 и сл.) в Предкавказье и приазовскую катакомбную культуру в Прикубанье (СБ Iъ). Керамика этих катакомб дает 3 общих типа с КТК и коэффициент связи, равный 0.11. В металле общими являются три типа в приазовской (№33,34,41) и 7 типов в катакомбной (№25,21,35,38,40,40а,43). Коэффициент связи равен 0.25.

Таким образом, все названные культуры имеют коэффициент связи с КТК в области значений от 0 до 0.11 по керамике и от 0 до 0.25 по металлу, т.е. эти коэффициенты меньше коэффициентов связи между памятниками вариантов КТК. Так, коэффициент связи степного варианта с предгорным 0.43-0.5. Коэффициент связи сводного комплекса базового (северо-осетинского) региона с кабардино-балкарским микрорегионом - 0.68; с верхнекубанским - 0.61, с пятигорским - 0.37.

Эти расчеты подтверждают объективным образом выделение кубано-терской культуры и разделение ее на варианты.

В данном исследовании мы видели главную свою задачу не в ознакомлении научной общественности с новыми материалами по кубано-терской культуре, по бронзовому веку Северного Кавказа, а в обосновании ее выделения в отдельную археологическую культуру памятников пост-майопского и докатакомбного времени в некотором базовом регионе для того, чтобы в последующих работах воссоединить кубано-терскую культуру во всем Кубано-Терском междуречье. Вторым важным моментом является использование совершенно новой источниковой базы, не известной В.И.Марковину в 1960 и 1976 гг., когда была создана концепция северокавказской культуры и даны коррективы, превращающие ее в культурно-историческую общность, (IO), чтобы таким образом, избежать каких-либо точек соприкосновения с северокавказской культурой. Не имея каких-либо аргументов, чтобы поддержать существование своей концепции "северокавказской культуры", В.И.Марковин в ряде последних работ намекает на сходство моей КТК с центральным вариантом СКК, что является в свете результатов данной работы полемическим преувеличением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Археология и вопросы древней истории Кабардино-Балкарии. Вып. I, Нальчик, 1980.
2. Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 гг. Т. I. - Памятники эпохи бронзы /Ш-П тыс. до н.э./, Нальчик, 1984.
3. Гей А.Н., Каменецкий И.С. Северокавказская экспедиция в 1979-1983 гг. - КСИА, 188, с. 36-51
4. Деген Б.Е. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика. - МИА, 1941, №3, с. 36-51.
5. Корневский С.Н. Новые данные по металлообработке докобанского периода в Кабардино-Балкарии. - В кн.: Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1984, с. 254-300
6. Корневский С.Н. О металле могильника Гинчи эпохи средней бронзы. - В кн.: Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1980, с. 37-45
7. Логика. Учебник для вузов. М., "Высшая школа", 1986.
8. Крупнов Е.И. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. - МИА, 1941, №3, с. 213-217
9. Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н. Древние культуры Южного Кавказа. Л., Наука, 1970. -
10. Марковин В.И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху средней бронзы. - МИА, 1960, №3, М.
11. Мунчаев Р.М. Погребальные комплексы с сосудами на ножках из Бамутских курганов эпохи бронзы. - Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986, с. 27-39.
12. Нечитайло А.Л. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев, 1978, "Наукова Думка".
13. Нечитайло А.Л., Рунич А.П. Новое звено в системе контактов Украины и Кавказа в эпоху бронзы. - В кн.: Проблемы археологии Поднепровья, т. 2, Днепропетровск, 1985, с. 72-90
14. Николаева Н.А., Марченко И.И., Сафронов В.А. Исследование курганов в зоне Понуро-Калининской рисовой системы. - АО за 1979. М. с. 127-128
15. Николаева Н.А., Сафронов В.А. Раскопки курганов в Северной Осетии и Адыгее. - АО за 1976. М., 1977, с. 119-120
16. Николаева Н.А. Культура шаровидных амфор на территории Северной Осетии. - 8 Крупновские чтения. Нальчик, 1978,
17. Николаева Н.А. Культурное единство предгорной полосы центральной и западной части Северного Кавказа. - 9 Крупновские чтения. Элиста, 1979.
18. Николаева Н.А., Сафронов В.А. Курганный могильник эпохи бронзы

у с. Дауарикау. - В кн.: Проблемы археологии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1980, с. 18-81

19. Николаева Н.А. Выделение кубано-терской культуры ранне- и средне-бронзового века на Северном Кавказе. - В кн.: Проблемы археологии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1980, с. 97-120

20. Николаева Н.А. Периодизация кубано-терской культуры. Исторические судьбы КТК. - В кн.: Катакомбные культуры Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1981, с. 77-100

21. Сафронов В.А. Датировка Бородинского клада. - В кн.: Проблемы археологии, вып. I, 1968, с. 75-127

22. Сафронов В.А. Хронология памятников II тыс. до н.э. юга Восточной Европы. - Автореферат канд. дисс. М., 1970. 35 с.

23. Сафронов В.А. Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа. - В кн.: Вопросы охраны и классификации и использования археологических памятников. - Сообщения НМС, вып. УП. М., Знание, с. 23-174

24. Сафронов В.А. Периодизация и хронология раннего и начала средне-бронзового века Северной Осетии. - 8 Крупновские чтения. Тезисы докладов. Нальчик, 1978, с. 71-74

25. Сафронов В.А. Хронологическая система бронзового века предгорной полосы центральной и западной части Северного Кавказа. - 9 Крупновские чтения. Тезисы докладов. Элиста, 1979, с. 10-12

26. Сафронов В.А. Хронологическая система энеолита и бронзового века юга Восточной Европы. - В кн.: Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Донецк, 1979, с. 13-15.

27. Сафронов В.А. Хронология бронзового века степных районов бассейна Кубани. - 10 Крупновские чтения. М., 1980, с. 6-9

28. Сафронов В.А. Катакомбные памятники предгорной зоны Северной Осетии. - В кн.: Катакомбные памятники Северного Кавказа. М., 1982, с. 51-87

29. Свешников И.К. Культуры шнуровой керамики западной части УССР. В кн.: Археология Украинской РСР. Киев, 1971, с. 292-300

30. Черных Е.Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966

31. Яровой Е.В. Древнейшие скотоводческие племена Юго-Запада СССР. Клин-нев, 1985.

32. Типы в культуре. Доклады совещания. Л., 1979.

33. Тменов В.Х. Новые археологические памятники на территории Северной Осетии. - В кн.: Вопросы осетинской археологии и этнографии. Вып. I, т. XXXVI. Орджоникидзе, 1980, с. 10-40.

34. Николаева Н.А. Кубано-Терское междуречье в эпоху ранней и средней бронзы. Автореферат канд. дисс. М., 1987.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО- Археологические открытия

КСИА - Краткие сообщения Института археологии АН СССР

МИА - Материалы и исследования по археологии

СБ- Среднебронзовый век

КТК - Кубано-Терская культура

УП-XXXII - типы керамики КТК по классификации 1980 года. (20, с.97-100)

Корреляционный график периодизации керамики КТК приведен в работе (18)

Номенклатура не-керамического инвентаря дается в арабских цифрах
(расшифровка в табл.13)

Номера памятников КТК Северной Осетии дана по Каталогу в диссертации

"Кубано-Терское междуречье эпохи ранней и средней бронзы" Л., 1987

(расшифровка дана в табл.12)

XXXII

УШ

АМФОРЫ: XXI, XXXII,
XII, XXV
УШ
КРАТЕРЫ: XI, XIX

XXI/1

XIII

КУВИНЫ: УШ, XIII
КРУЖКИ: XIV, XXIII

XXI/2

XI

XXV (XXI)

XIV

XVII

XXIII

XXII

XII

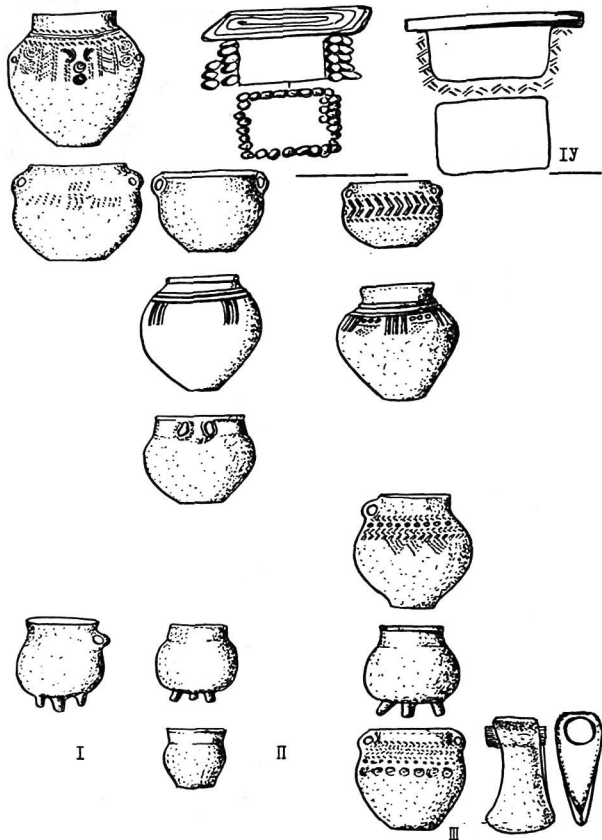

Рис.2 Периодизация кубано-терской культуры. I этап
 I-Дзуарикау 7/4. II-Дзуарикау 6/I. III-Дзуарикау I/I9.
 IV-формы могильных конструкций.

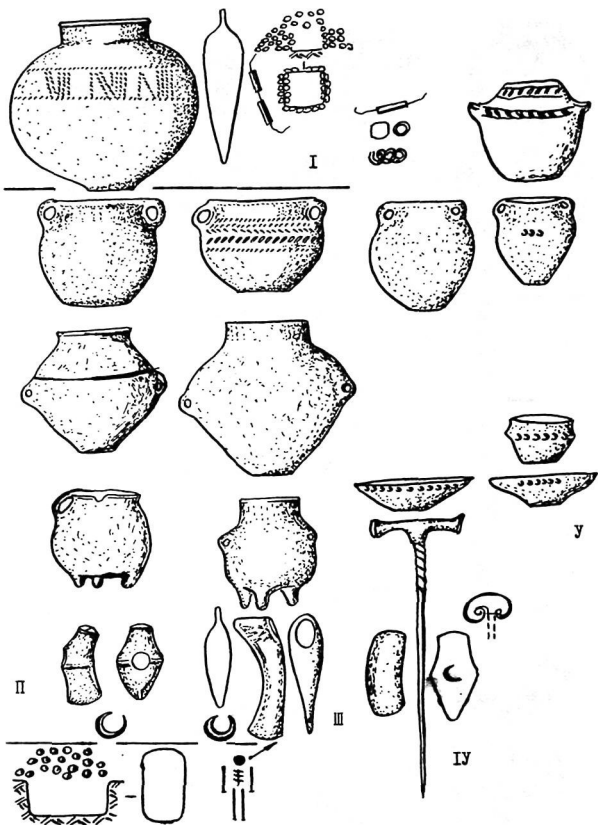

Рис.3 Периодизация кубано-терской культуры. II этап.
 I.-Ногир I/15 (КТК). П.-Дз.2/2 (КТК/КАК). Ш.-Дз.1/15 (КТК/КАК)
 IV-Кабардинский парк 4/1 . V- Кабардинский парк 2/1.

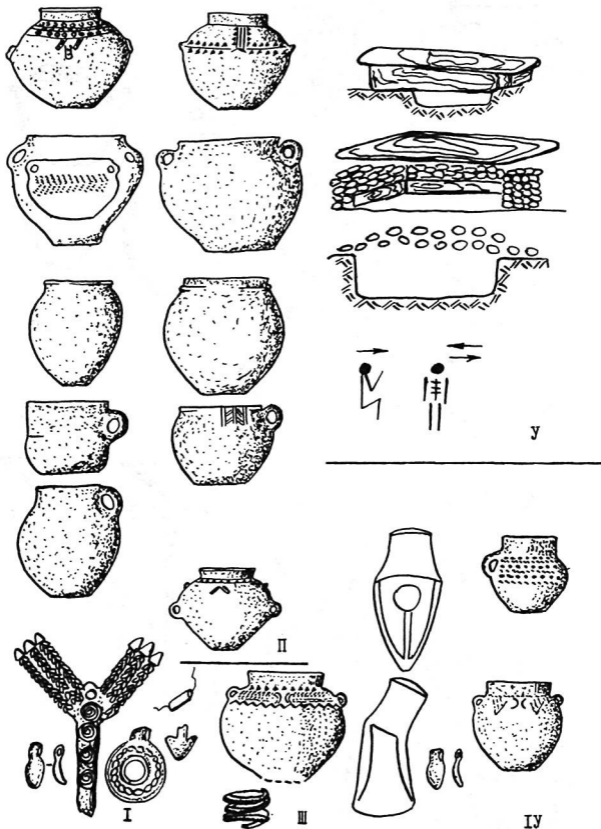

Рис.4 Периодизация кубано-терской культуры. III этап.
 I-Дзуарикау 3/2. II-Дзуарикау 9/1/1-3. III-Дзуарикау 2/3. IV-
 Хазнидон 1/2. У- формы могил и обряда трупоположения.

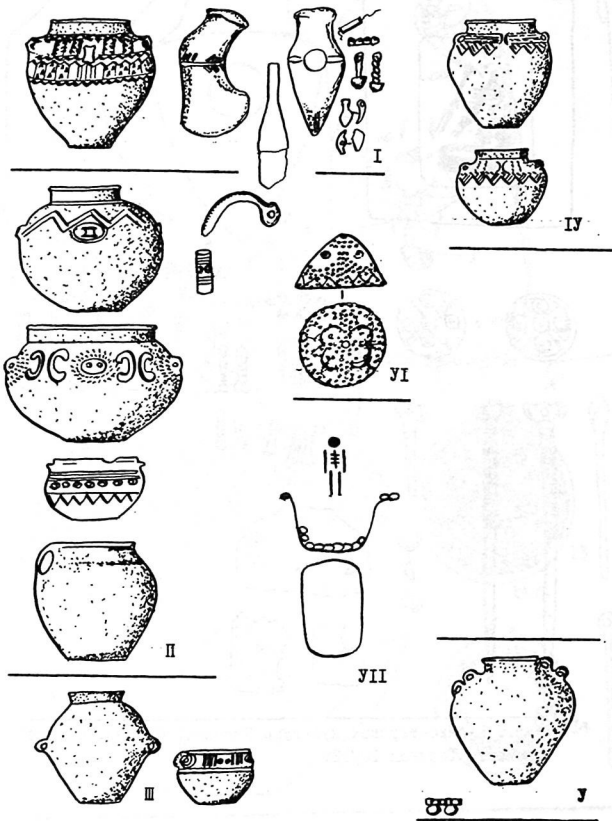

Рис.5 Периодизация кубано-терской культуры. IV этап.
 I-Ногир I/8. II-Дз.4/I. III-Ногир I/13. IV-Хазнидон 5/3. V-Ногир I/12. VI-Ногир I/II. УП-формы могил и обряда IV этапа.

Рис.6 Кубано-терская культура Северной Осетии. Степной вариант. Терская 10/12.

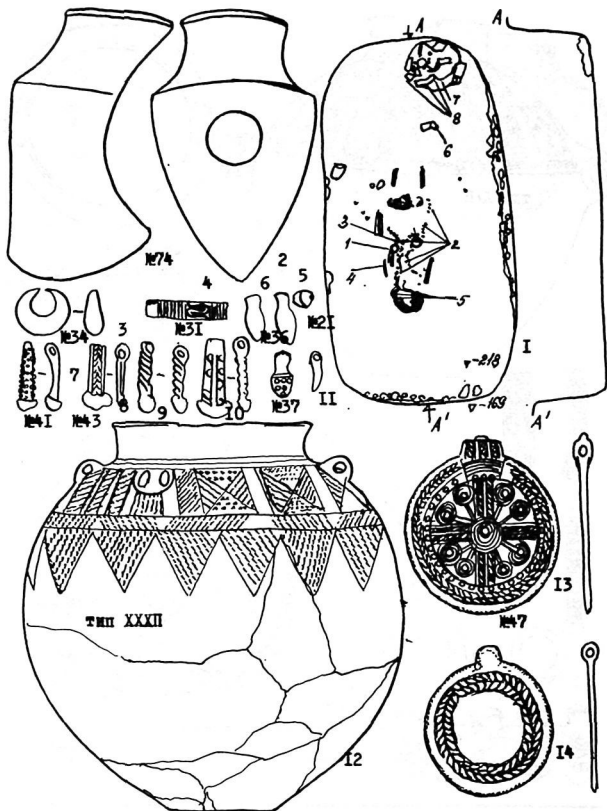

Рис.7 Кубано-терекская культура. Предгорный вариант. У этап.
Хазнидон 5/5. №387 по КATALOGУ.

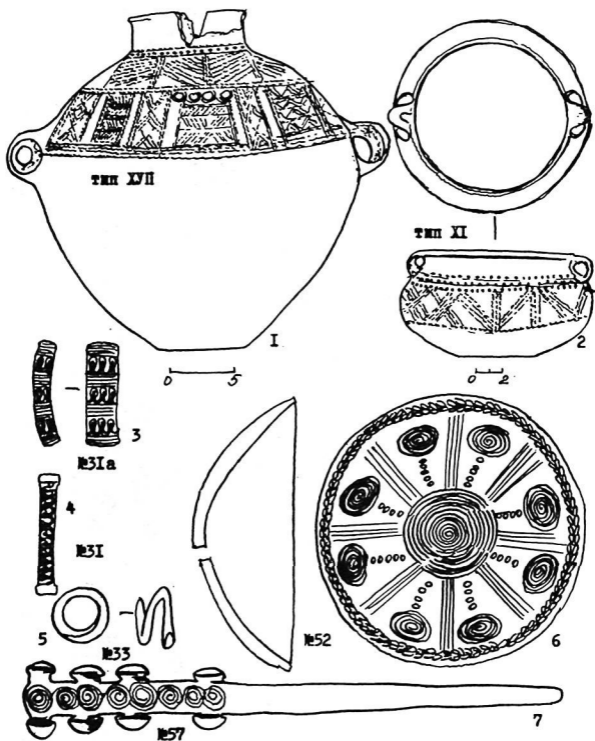

Рис. 8 Кубано-терская культура. Предгорный вариант. У этап. Хазнидон 5/2. №386 по КATALOGУ.

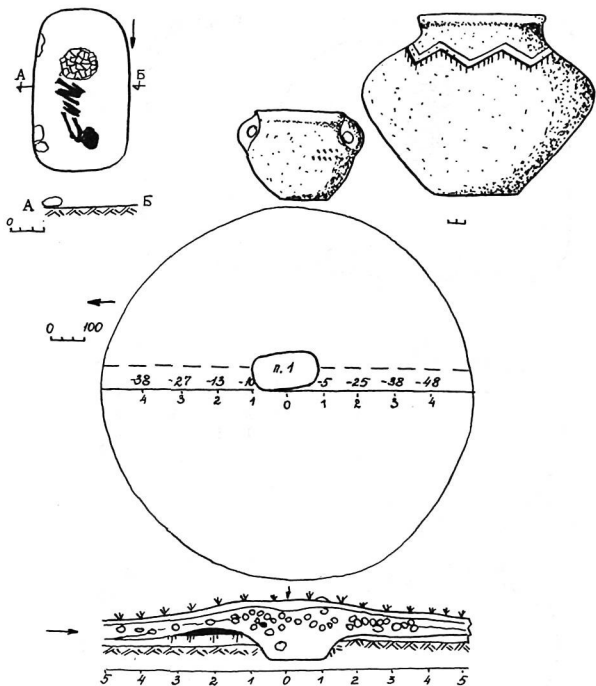

Рис.9 Кубано-терская культура. Предгорный вариант. VI этап
Хазнидон 3/1.

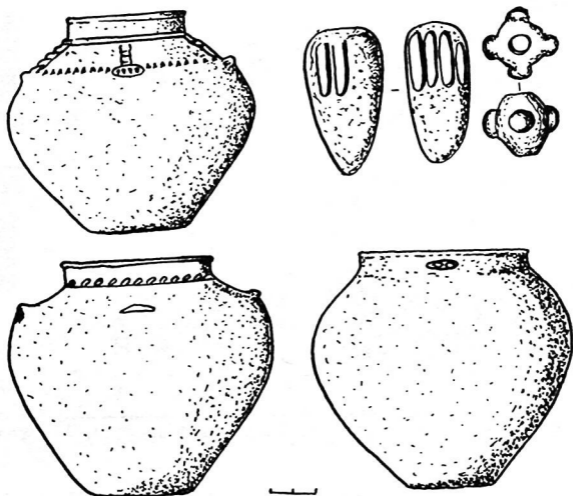
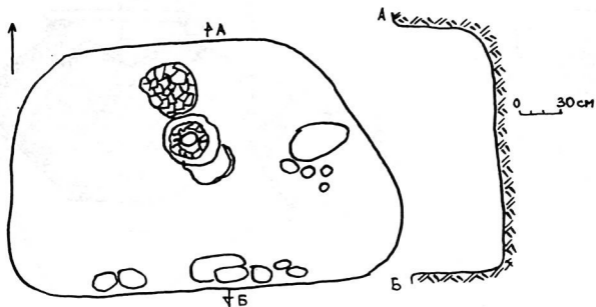

Рис. 10 Кубано-терская культура. Предгорный вариант, У1 этап. Ханзидон I/I

ЗИЛГИ — ГОРОДИЩЕ НАЧАЛА I-го ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ н.э.
НА СТЫКЕ СТЕПИ И ПРЕДГОРИЙ В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ

Бытовые памятники Центрального Предкавказья I тысячелетия н.э. изучены крайне неравномерно и неполно. Прежде всего были исследованы материалы могильников, на основании которых и была создана хронологическая шкала для Северного Кавказа. Как правило, такие хронологические разработки, опирающиеся, в основном (а иногда и исключительно), на такой специфический материал как погребальный инвентарь, в дальнейшем подвергаются уточнениям и изменениям, иногда довольно значительным. Только крупномасштабные раскопки больших городищ, охватывающих своим существованием длительные периоды (еще лучше — в комплексе с сопутствующими могильниками), могут дать опорные даты для хронологии всего региона. Для разработки кардинально важных проблем археологии Северного Кавказа I тысячелетия н.э. по инициативе СНИИИФЭ с 1986 г. была организована Северо-Осетинская комплексная археологическая экспедиция СНИИИФЭ, ИА АН СССР и СОГУ, ставящая своей целью планомерные и крупномасштабные охранные раскопки одного из крупнейших городищ Северной Осетии — Зилгинского городища и его могильников. Настоящая статья носит характер предварительного сообщения и имеет своей целью дать общее представление о городище и ввести в научный оборот материалы, полученные в результате работ за три полевых сезона (с 1985 по 1987 гг.).

Это городище, известное с 1969 года, впервые было обследовано в 1981 году В.А.Кузнецовым¹, а с 1985 года начаты систематические раскопки под руководством В.Б.Ковалевской и И.А.Аржанцевой².

Местоположение, природно-географические условия и историческая топография Зилгинского городища хорошо и подробно описаны В.А.Кузнецовым в его статье, посвященной этому городищу³. Позволим себе лишь привести основные моменты из описа-

ния, необходимые нам для дальнейшего изложения материала.

Зильгинское городище расположено на юго-восточной окраине с.Зилги Правобережного района СО АССР по трассе Орджоникидзе-Нальчик, в 1,5 км к северу от г.Беслан. Городище находится на древнем коренном берегу р.Камбилеевки, впадающей в Терек. Река в настоящий момент протекает в 0,5 км севернее городища, но нет сомнения, что в древности река омывала городище с северо-запада, о чем свидетельствуют и сама планировка городища, и галечные и песчаные характерные отложения в северо-западных разрезах. Городище раскинулось на семи холмах (рис.1), в плане образующих определенную систему. Центральный холм I - Цитадель - последовательно окружен тремя рвами и тремя валами стен, за третьим валом располагается обширный посад. Общая площадь городища около 1,5 кв.м. В юго-западной части Зильгинское городище интенсивно разрушается карьером кирпичного завода "Электронстрой". Именно здесь, в районе У-го холма (рис.1), проводятся основные охранные раскопки. В дальнейшем этот объект раскопок нами условно будет именоваться "Карьером".

Основные стратиграфические шурфы и раскопки, давшие ключевой для хронологии и интерпретации городища материал, были заложены нами на холме I (Цитадель).

Цитадель представляет собой округлый в плане холм с плоской вершиной размерами 80x80 м. Из всех семи холмов городища Цитадель самая высокая и окружена самым глубоким рвом (от вершины холма до дна рва более 7 м). Искусственное происхождение этого холма теперь уже не вызывает сомнений. Изначально здесь была возвышенность, образованная желтыми глинистыми материковыми отложениями, она и была использована в качестве основы для насыпного холма Цитадели, которая стала основным ядром городища. Цитадель была укреплена по верхнему периметру глинобитной стеной, а склоны ее эскарпированы. С трех сторон (южной, восточной и западной) Цитадель окружена довольно глубоким рвом и валом. С северной стороны естественной защитой служила река. Выходы рва к реке фланкированы двумя невысокими земляными "бастионами" (рис.1). Северный склон Цитадели, спускающийся к реке, более крутой в отличие от южного довольно пологого склона. Со стороны южного склона Цитадели расположен въезд, хорошо прослеживающийся в сохранившемся рельефе. От въезда в юго-восточном направлении в древности

пролегалa дорога, что также прослеживается в рельефе городища⁴. Именно на въезде Цитадели был заложен первый раскоп (в дальнейшем Р.1) с таким расчетом, чтобы захватить большую часть самого проезда и его восточную щеку с целью выявить структуру стены, идущей по верхнему периметру Цитадели. Работы на Р.1 в целом позволили представить структуру въезда на Цитадель и тех участков обводной стены, которые прилегают ко въезду. Устройство и укрепление въезда на Цитадель было примерно следующим: сам въезд (продолжение дороги) и прилегающий к нему участок внутреннего пространства Цитадели были в несколько накатов покрыты глинобитной платформой (глина плотная, серая, по структуре напоминающая пахсу). Сделано это было с двойной целью: 1) укрепление самого полотна дороги на въезде, т.к. почва здесь довольно мягкая и влажная; 2) нивелировка естественных неровностей (так, например, в разрезе видно, что в северной части платформа гораздо толще, чем в южной). Поверх платформы в несколько слоев сохранилась вымостка из речного камня. Укрепление и ремонт дороги на въезде производились неоднократно, о чем свидетельствуют несколько слоев каменной вымостки и фрагменты керамической вымостки с плотной забутовкой. Разрез стены в раскопе I (восточная щека прохода) позволил нам представить себе структуру обводной стены Цитадели (пока лишь в первом приближении, разумеется). Одно можно сказать сразу и с уверенностью: стена имела сложную структуру. В той своей части, где она прилегает к въезду, стена представляет собой сильно разрушенный, оплывший сырцовый вал, укрепленный с внутренней и внешней стороны "панцирем" из речных булыжников. В разрезе отдельные кирпичи или регулярная кладка не читаются, стена представляет собой как бы единый глино-саманный массив. Речной булыжник использовался не только для внешнего "панциря", но и для горизонтальных прослоек внутри самой стены⁵. "Панцирь" стены на протяжении всей жизни Цитадели неоднократно осыпался и подновлялся, о чем свидетельствуют многослойные осыпи речного камня, перемежающиеся разрушенным сырцом, лежащие по контуру стены. С внешней стороны в нижней части стена была укреплена крупными паховыми блоками размерами 50x100 см. Возможно, на всем протяжении структура стены Цитадели не была одинаковой. Разрез (Р.3), сделанный в западной части Цитадели, дал возможность исследовать участки стены, пока, правда, лишь на неболь-

шой площади. Нижняя часть стены представляет собой, видимо, систему клетей из желтого очень плотного глино-самана, забутованных комьями серой плотной глины или же кусками сырца, смешанными с костями животных или керамикой. И на этом участке (особенно в верхней части) в конструкции стены обильно применялся речной камень как для прослоек, так и для облицовки.

Для исследования стратиграфии Цитадели в центре ее был заложен второй раскоп Р.2, в центральной своей части доведенный до материка (рис.2). В результате работ на этом объекте выяснилась необычная мощность культурного слоя, достигающая здесь 5,2 м, и интенсивность застройки — на этом относительно небольшом участке (130 кв.м) насчитывается несколько строительных периодов.

К самому раннему этапу обживания Цитадели (I строительный период) относится мощная пахсовая субструкционная стена или платформа I, возведенная непосредственно на материковой желтой глине. Судя по конфигурации нижнего края этой платформы, материк перед ее сооружением в некоторых местах подрезался, но в целом платформа возводилась с учетом рельефа материка, нивелируя его поверхность. Платформа состоит из отдельных пахсовых блоков, вплотную пригнанных друг к другу. Пахсовые блоки формировались на месте, вероятно, по следующей технологии: было сооружено нечто типа опалубки (возможно, деревянной), внутри которой и формировались блоки из сырой глины. Глина, из которой сделаны блоки, голубовато-серая, очень плотная, мелкоструктурная, без каких-либо добавок. В высоту блоки сохранились до 2 м, ширина блока 0,9–1 м (т.е. примерные его размеры: 100x100x200 см). Между блоками сохранились швы шириной 2–3 см с деревянным тленом внутри (остатки опалубок). На боковых поверхностях блоков сохранились следы заглаживания по влажной поверхности. В настоящий момент платформа исследована лишь на небольшой площади (4 кв.м), но есть основания предполагать, что эта субструкция занимает значительную, если не всю, площадь цитадельного холма.

Следующий после субструкционной стены строительный период представлен в разрезе желтой глинобитной стеной или, вернее всего, платформой, мощность которой достигает 100–140 см (рис.2–4). Эта платформа II зафиксирована почти на всей исследуемой площади и маркирует собой уровень очень интенсивного

обживания Цитадели. Именно на этом уровне зафиксировано наибольшее количество ям (производственных, хозяйственных и жилищ), остатков жилищ в виде очажных ям, кострищ, турлучных и сырцовых завалов. Уровни полов отфиксированы зольными прослойками и слоями органического тлена, разбитыми сосудами и в двух местах россыпями истлевшего зерна (просо?). Культурный слой сильно насыщен керамикой и костями животных. Четкие контуры жилищ на этом уровне зафиксировать пока не удалось, очевидно потому, что при возведении построек последующего строительного периода жилая поверхность платформы II была снивелирована.

Затем следует еще одна платформа III, также с большим количеством ям. Но, в отличие от платформы II, эта платформа не представляет собой монолита, а имеет слоистую структуру, т.е. состоит из многих слоев желтой глины, перемежающейся сероватым обычным заполнением. Эти слои глины, вероятно, являются остатками глинобитных полов. И на самом верхнем уровне платформы III расчищен хорошо сохранившийся очажный комплекс, действовавший довольно длительное время, судя по обширным пятнам красной прокаленной земли, обилию золы и кострищ и нескольким очажным ямам. Основной очаг был сооружен с использованием сырца и большого количества речного камня. Как видим, исследование даже такого небольшого по площади (130 кв.м) участка Цитадели показало столь сложную структуру, которая в дальнейшем будет уточнена и детализирована.

Работы велись также и на холме У (третий вал стен) — северо-западная его часть в зоне непосредственного разрушения городища карьером кирпичного завода. Этот район можно было бы назвать "посадом" нашего городища. Это действительно была некая хозяйственная периферия: характер культурного слоя, достигающего здесь мощности до 3 м, свидетельствует об интенсивной жизни — обилие керамики, костей животных и ям различной конфигурации и различного назначения (зерновые, хозяйственные, производственные, с остатками очажных выбросов, с керамическим браком, со шлаком, с костями животных и т.д.). Большая плотность ям говорит об интенсивной хозяйственной деятельности городища, причем эта хозяйственная периферия быстро разрасталась в юго-западном направлении так, что в какой-то момент ею был разрушен катакомбный могильник, расположенный непосредственно за третьим валом стен и относящийся,

по-видимому, к более ранним этапам жизни городища. В северной части холма У удалось выявить остатки жилого комплекса, условно названного "усадьбой" (КР 2 - рис.3). Ввиду крайне плохой сохранности сырца планировка фиксируется нечетко. Остатки жилья, в основном, представлены сырцовыми завалами, местами сохраняющими регулярность кладки, рухнувшими турлучными конструкциями, очагами, сырцовыми вымостками и глиняными полами (рис.3). Можно говорить о преемственности планировки как всего жилого комплекса в целом, так и отдельных участков внутри жилых помещений: галечные и сырцовые вымостки и наматы полов идут один над другим, очаги вместе с новыми полами сооружались непосредственно над старыми очагами. На У-ом холме при сооружении различных построек широко используется уже известный по работам на Цитадели строительный прием - сочетание сырца с многочисленными галечными прослойками и подсыпками. Наряду с сырцовыми сооружениями на городище много и турлучных построек, остатки которых зафиксированы и на Цитадели, и на холме У. По всей видимости, наиболее распространенным типом были комбинированные сооружения из сырца с отдельными турлучными конструкциями (очень часто над сырцовыми завалами идут регулярные напластования турлука). Несмотря на обилие остатков различных сооружений, мы пока не решаемся на реконструкцию за отсутствием ключевых деталей и необходимых подробностей. Дальнейшие работы, надеемся, позволят нам решить эту задачу.

Если реконструкция планировки и жилых комплексов вызывает пока затруднения, то хозяйственный облик городища в целом вполне ясен. Имея ввиду обзорный характер этой статьи, ограничимся лишь кратким перечислением ремесел, признаки которых имеются на городище. Это, прежде всего, хорошо развитое гончарное ремесло, о чем свидетельствуют остатки "усадьбы гончара", найденные за пределами укреплений, скопления керамического брака на городище, ямы с печным припасом, керамическим шлаком и остатки деятельности гончарных печей; но самих гончарных печей пока не обнаружено. Несомненно наличие железодельного ремесла - на городище найдено несколько десятков криц (рис.4-1). Возможно, существовало ювелирное ремесло - найден бронзовый амулет с необрубленным литым швом (рис.5-1). О распространении ткацкого ремесла говорит находка более 70-ти глиняных ткацких грузил в одном

из жилых комплексов. Имеются признаки "домашних" ремесел (резьба по кости, прядение) и бесспорные свидетельства интенсивной сельскохозяйственной деятельности — это серпы, масса жерновов сложной конструкции, большие зерновые ямы, зерна проса в сосудах, многочисленные кости крупного рогатого скота. Округа Зилги, очевидно, была населена оседлыми земледельцами.

Разнообразны категории находок (рис.4,5). Городище дало достаточное количество изделий из металла: фибулы, пряжки, булавки, орудия производства (совершенно нет оружия). Много изделий из кости и рога (рукояти, накладки, иглы, детали конской сбруи), из камня (многочисленные оселки, пряслица, жернова, терочки, ступки, болы). Очень мало бус и бисера (несколько стеклянных с золочением, пастовые, одна гешировая бусина, одна янтарная), немного фрагментов стеклянных сосудов.

Остановимся подробнее на самой массовой категории находок — керамике. Керамический комплекс Зилгинского городища интересен как пример редкой гомогенности при обилии форм и весьма совершенной технологии. Цель этой предварительной статьи — краткое описание комплекса в целом; затем предполагается опубликовать детальное описание каждой из основных категорий отдельно. Проблемы хронологии (за пределами эпохи) и морфологического родства каждой категории будут, по возможности, подробно рассматриваться в последующих публикациях.

Для средне-позднесарматского, в основном, по своей керамике комплекса Зилги дерево значений признаков выглядит в приближенном пока виде так:

1. Размеры и форма венчиков и донцев отделяет крупные сосуды (пифосы) и их фрагменты от остальных сосудов. Что касается стенок, как орнаментированных, так и гладких, то часть их (от тонкостенных пифосов) пока с трудом отличима от орнаментированных налепами или гладких стенок нелощеных двуручных сосудов (иногда крупных нелощеных кувшинов).

2. Отделение (среди некрупных сосудов) по форме венчиков и углу наклона стенок у дна открытых сосудов: мисок, конических и цилиндроконических крышек (условно причисляемых к сосудам) и "светильников" с ручкой и боковым "сливом" — от закрытых сосудов.

3. Отделение (среди закрытых некрупных сосудов) по малой толщине стенок, небольшим и средне-небольшим размерам, сплошному лощению и "звонкому" тесту без заметных примесей: кружек,

кувшинчиков (небольшие размеры) и целиком, как правило, лощеных кувшинов (средне-небольшие размеры) – от нелощеных (или с полосатым лощением нижней половины) кувшинов с одной ручкой на горле и сосудов без слива с двумя ручками на корпусе ("двуручники") и горшков.

4. Отделение по форме венчиков, горл, наличию ручек, форме, размерам нижней части и тесту нелощеных кувшинов и двуручников от горшков.

5. Отделение по числу и месту налепа ручек, наличию слива целых нелощеных кувшинов и части их фрагментов от двуручников.

6. Отделение по размерам, форме венчика, тулова, ручек и форме перехода стенок в дно целых кружек и большинства их фрагментов от кувшинчиков и целиком лощеных кувшинов.

В итоге получены группы родственных УРФ⁶ сосудов, очевидные для Зилги после трех лет работы в поле и двух – в лаборатории: I – кружки, II – кувшинчики, III – целиком лощеные кувшины, IV – нелощеные кувшины, V – двуручники, VI – корчаги, VII – миски, VIII – горшки, IX – пифосы, X – "светильники", крышки трех видов, курильницы двух видов и прочие редкие формы сосудов, XI – грузила, пряслица, "пробки", "лекала" и др.

Остановимся на некоторых проблемах различения групп УРФ. По фрагментам не всегда возможно отличие лощеных кувшинчиков от лощеных кувшинов, не только более крупных, но и имеющих им одним присущие формы. Главный признак кувшинчиков, хорошо известных по могильникам – гладкое стлаженно-биконическое тулово, плавно переходящее в невыделенное изогнутое горло со слабо отогнутым венчиком; ручка на боку, обычно – в виде "условного зверя" (рис.6-3); общая высота около 15 см. Для части кувшинчиков малый, относительно общей высоты, диаметр венчика, малая его высота и заметный отгиб – также являются отличительным признаком. Кувшинчиков у сармат и ранних и поздних алан вообще известно много, и их наличие как особой группы УРФ очевидно. Но по фрагментам не все ясно, и возникает зона смешения с лощеными кувшинами (например, по фрагментам донцев).

Лощеные кувшины есть нескольких УРФ, объединяемых высотой между 20 и 25 см приблизительно, и обычно сплошным, но часто и линейным, реже рисунчатым лощением. Разных УРФ в этой группе, скорее функциональной, чем морфологической, мно-

го, о них — ниже. Отметим наличие как цилиндрических широких, так и раструбных горл, не встречающихся у кувшинчиков, средний размер, эlegantность и разнообразие ручек, обычно круглых в сечении. Тулово или сферическое, или слегка вытянутое в высоту (рис.6—7). Лощение сплошное, реже линейное или образующее прямолинейный геометрический рисунок; встречается изящный налеч, чаще вертикальный, отсутствующий у кувшинчиков. Второе различие, самое важное при классификации по фрагментам — отделение нелощеных кувшинов от двуручников, особенно по дну и венчику, если нет слива (слив — признак кувшинов в большинстве случаев). Высота этих сосудов от 30 до 45 см в большинстве случаев, хотя есть и меньше. Нелощеные (хотя порой с линейным лощением на нижней половине туловища) кувшины средних размеров по большим фрагментам верхней части сосудов легко отличимы от двуручников, прежде всего, по почти обязательному наличию слива и обычно высокому (как абсолютно, так и относительно диаметра венчика) и более узкому горлу; у них также обычно (но, кажется, не всегда) есть ручка на горле и нет ручек на боках. Наличие ручки на горле (рис.6—II) даже при низком горле и отсутствии слива — черта нелощеного кувшина. Ручки кувшинов меньше, они часто овальные, как и все ручки Зилги — крепятся штифтом (через пробой в стенке) в верхней своей части. Происхождение этой традиции неясно, но она есть и на Кавказе, и в низовьях Сырдарьи. Горизонтальный желобчатый орнамент иногда сочетается с вертикальным линейным лощением по тулову от линии желобка вниз. У двуручников, имеющих форму, встреченную только в Центральном Предкавказье и в низовьях Сырдарьи, нет ручки на горле, а есть две ручки на середине тулова (рис.7); в более позднее время в аланской культуре у них появляется и третья ручка — на горле. Зилги пока таких форм не дало. Высота горла относительно диаметра венчика невелика, сам же этот диаметр больше, чем у кувшинов. Это — сосуды с низким, широким горлом, порой — с цилиндрической его средней частью. Желобчатый орнамент встречается и у кувшинов, и у двуручников как в виде двух-трех полос рядом на горле, так и в виде двух, обычно далеко расположенных, полос на середине тулова. У двуручников они примыкают к верхнему и нижнему прилепам ручек. Налепной орнамент имеет тот же рисунок, но налеч на горле — обычно один; иногда налесты лучами расходятся от прилепа ручки. Двойная ли-

ния желобков и двойная линия налепов, идущие из сарматской традиции, возможно семантически родственны и поэтому образуют парадигму. Небольшие фрагменты горл и венчиков не различаются пока и учитываются как фрагменты кувшинов и двуручников вместе, как и донца.

Далее остановимся на конкретных УРФ. Большинство групп УРФ уже сейчас делится на отдельные УРФ; попытка такого деления предпринимается на данном уровне только тогда, когда об этом говорит большая массовость группы УРФ и интуиция; затем предполагаемые УРФ проверяются на единообразии и массовости.

Кружки легко разделились по профилю стенки и форме ее перехода в дно на массовые УРФ I (цилиндрические) и УРФ 2 (с припухлым внизу туловищем) (рис.6-2,3). Их размеры - от 5 до 8 см, ручки - петля, "условный зверь" и более сложные зооморфы. Мелкие фрагменты венчиков не всегда различимы, но, в отличие от венчиков кувшинчиков, они прямые или близкие к прямым.

Кувшинчики с их невысокими среднеотогнутыми венчиками (рис.6-1) пока не делятся на УРФ. Лишь одна УРФ набрала достаточную массовость. Аналогии нашим фрагментам из синхронных и территориально близких могильников позволяют предполагать существование еще нескольких УРФ, но и там их немного.

Лощенные кувшины уже насчитывают несколько УРФ: ЛК I - с горизонтальными желобками-каннелюрами под венчиком (они часто есть и nelloщенные) (рис.6-5); ЛК II - кувшины с ручкой с одной стороны и ручкой-носиком "напейся-не-облейся" - с другой (рис.6-12); ЛК III - с широким и высоким цилиндрическим горлом, ручкой, плавно выходящей вверх из венчика, и низким сферическим туловом (рис.6-7); ЛК IV - с опрокинута-коническим горлом (рис.6-8); ЛК V - с низким расширяющимся вверх горлом и сливом, с ручкой на горле (рис.6-10). Есть и четкие, но не массовые в Зилги виды, естественные для этой парадной столовой посуды. Большинство из них имеет аналогии: часть в сарматских могильниках степей, часть в могильниках близлежащих районов (Пашковский, Октябрьский и др.).

Нелощенные кувшины и двуручники пока на УРФ не делятся. Есть некоторое количество nelloщенных кувшинов небольших размеров с горлом в виде припухлого раструба и несколькими рядами горизонтальных желобков - каннелюр, типичных для сарматов степей, о которых писала М.Г.Мошкова (рис.6-6). Особую груп-

пу высококачественных, обычно лощеных сосудов (изредка - с ручками) образуют сфероконические корчаги с отогнутым венчиком (рис.8-7).

Отметим, что в данной предварительной статье не учитывалось место конкретной группы УРФ в напластованиях памятника; для групп эволюция незначительна или вообще пока не ощущается; возможно ее и не было в столь гомогенном комплексе. Но чем ближе мы подходим от групп УРФ к отдельным УРФ, то есть, чем более подробной становится характеристика объектов, тем конкретнее совокупности, тем меньше они по размерам, тем меньше, как правило, и время существования таких совокупностей. И тем важнее, при определении объективности такой совокупности, наличие у ее составляющих единой хронологической характеристики.

Поскольку наибольшее число УРФ содержат группы мисок и горшков, то в обоих случаях была сделана попытка использовать "хронологическую подсказку" как для отдельных УРФ, так и для некоторых значений описывающих их признаков. Появление как первых, так и вторых может говорить о раннем или позднем времени, хотя может и не приводить пока к делению той или иной УРФ на ранние и поздние ее разновидности. У горшков предпосылка такого разделения наибольшая в силу их массовости, у мисок же, при сопоставимой с нелощеными кувшинами и двуручниками массовости (меньшей, чем у горшков), объективно мало число разновидностей вследствие простоты формы; это видно и на большом числе целых форм.

М и с к и . Общие черты - вогнутость стенок, большая их толщина в придонной части, малый угол стенки с горизонталью, заглаженные донца, широкое распространение заглаженных, близких к лощению, но не лощеных поверхностей. Они делятся по форме венчика и, менее точно (вероятно) - по обработке поверхности и размерам.

По признаку "наличие выраженного перегиба стенки в венчик" миски делятся на имеющие перегиб и прямой, хотя бы частично, венчик (иногда этого нет) - М I и М 2 и на не имеющие перегиба и прямого отрезка венчика - М 3.

М I (рис.8-1) отличается от М 2 (рис.8-3) тем, что М 2 имеет вертикальный, высокий относительно диаметра венчик и наружный валик по верху венчика, а М I имеет низкий венчик без валика, в той или иной степени загнутый внутрь.

М I имеет варианты: М I-а, М I-б и М I-в. По признаку "выделенность перегиба" М I-а (рис.8-1) отделяется пологостью перегиба от М I-б (рис.8-4) и М I-в (рис.8-5), у которых перегиб обязательно имеет внутреннюю грань и, обычно, наружную.

По признаку "степень загиба венчика внутрь" М I-б (венчик загнут внутрь, угол порядка 45°) отличается от М I-в (венчик слабо загнут внутрь, но не вертикальный, угол порядка 15°); М I-в - малочисленная группа. Степень загиба внутрь схожа у М I-а и М I-б, и поэтому при слабо выраженной грани иногда их трудно различать. М I-а и М I-б производят впечатление одновременных для Зилги, М I-б продолжал существовать и после IY века.

Поздней кажется обрезка наружной грани при переходе венчика в стенку миски. Она также встречается и в после-зилгинское время.

УРФ М 3 и М 4 вообще не имеют перегиба как-либо выделенного, у них стенки плавно загибаются и переходят в венчики, плавно загнутые внутрь у М 3 или не загнутые у М 4. М 3 (рис. 8-2) имеет наружный валик или гребень в верхней части венчика, миска большая, с толстыми стенками из тонкоотмученной глины, лощеная. У нее порой встречается горизонтальный желобок или горизонтальные каннелюры по венчику, фигурные налепы. Поддонов нет, как и вообще на мисках Зилги.

Все эти формы есть в Центральном и Восточном Предкавказье в эти века, в донской степи мало М 2 (сообщение Ю.К. Гутуева); она исчезает в дальнейшем раньше, чем М I.

Г с р ш к и. (рис.8-6; IO-9, IO). При обилии УРФ среди них еще достаточно много "прочих" форм, часть из которых постепенно может набрать необходимую массу. Но исследованные тысячи венчиков позволяют утверждать, что все основные УРФ уже выделены. Некоторые из них были отмечены В.А.Кузнецовым, но он располагал ограниченными сериями и большая часть наших УРФ им не выделялась; могильники же дают небольшое количество горшков. Необходимо отметить, что даже при высокой технологии сосудов Зилги горшкам присуща большая неустойчивость форм и размеров по сравнению со столовыми и тарными формами. В "прочие" вошли, кроме неклассифицируемых фрагментов плохой сохранности:

I. Редкие, но самостоятельные формы (характеризующиеся специфическим набором значений нескольких признаков), еще не

набравшие массовость.

2. Малочисленные фрагменты, промежуточные между двумя вполне определенными, близко родственными УРФ, не могущие быть с уверенностью отнесенными к одной из них. Такие фрагменты добавляются в сумме двух соответствующих УРФ при расчетах, а при индексировании получают коды сразу двух УРФ.

Вначале рассмотрим самые общие объединения УРФ черноглиняных горшков (ГЧ): совокупности и родственные группы УРФ. Каковы они и чем сближаются?

Совокупность горшков с четко выраженным переходом туловища во внутреннюю поверхность венчика и наличием прямого участка внутренней и внешней поверхности венчика состоит из трех групп. Первая: ГЧ I-а, ГЧ I-б и ГЧ I-в - это очень близкие УРФ (рис.9-1,2,3). Группу отличает выделенность перехода туловища в венчик, то есть наличие там угла, а не изогнутой кривой; наличие у венчика прямого участка на внутренней поверхности (на всей длине венчика или ее части) и, за исключением части венчиков ГЧ I-в, имеющих утолщение в верхней половине венчика (рис.9-3), прямого участка на внешней поверхности венчика. ГЧ I-а отличается от ГЧ I-б углом наклона венчика к плечу; если он более или равен 90° , то это - ГЧ I-а, а если меньше - ГЧ I-б. Разница эта ощущалась и гончарами, и потребителями, возможно, есть различия и во времени существования. ГЧ I-в слегка утолщена сверху, но это не постепенное утолщение с самого низа, делающее венчик в сечении подтреугольным. Вышесказанное, а также наличие прямой внутренней поверхности венчика отличает ГЧ I-в от ГЧ 8. Все ГЧ I существуют в двух вариантах: с уплощенной верхней поверхностью ("у") и с округленной верхней поверхностью ("о"). Сюда не входит редкая УРФ ГЧ 5 с толстым низким уплощенным или округленным сверху венчиком (рис.9-7).

Вторая группа, близкая к первой по значениям двух важнейших признаков: "выделенность перехода тулова в венчик" и "наличие прямого участка внутренней и внешней поверхности венчика" - УРФ ГЧ 2 и ГЧ 7, отличающиеся специфическим, нависающим наружу гребнем и обязательностью уплощенности верхней поверхности венчика (рис.9-5); ГЧ 2 имеет наклон верхней поверхности венчика наружу, а ГЧ 7 его не имеет, плоскость его

верхней поверхности перпендикулярна продольной оси сечения венчика (рис.9-6).

Третья группа также обладает выделенным переходом тулова в венчик и прямым участком на обеих поверхностях венчика - ГЧ 9 и ГЧ 10. Особенности этой довольно малочисленной, но специфической группы: тонкие, относительно высоты, вертикальные венчики, всегда округленные сверху. ГЧ 9 отличается от ГЧ 10 только размерами (рис.9-8,9), вдвое большими у ГЧ 10 (высота венчика у ГЧ 9 порядка 2 см, а у ГЧ 10 - 4 см). Сюда же входят малочисленные "кастрюли" или "котлы" ГЧ 4 (рис.9-10), крупные сосуды с ушками на боках и прямыми, сужающимися кверху венчиками; их накрывали крышками с отверстиями, о которых будет сказано ниже. Встречаются они, приблизительно, со II в.н.э.

Совокупность групп УРФ горшков с плавно скругленным переходом тулова во внутреннюю (и, в большинстве случаев - внешнюю) поверхность венчика: ГЧ 3, ГЧ 8, ГЧ 11 и ГЧ 12. Внутри эта совокупность разделяется на УРФ ГЧ 3, УРФ ГЧ 8 и группу УРФ ГЧ 11 и ГЧ 12.

ГЧ 3 имеет резкое плавное утолщение в середине высоты наружной поверхности венчика, имеющей в сечении форму, близкую к полукругу (рис.9-11). Снаружи это утолщение выглядит как валик, порой нависающий над плечом сосуда. ГЧ 8 (рис.9-12) - плавно изогнутый, но не загнутый наружу венчик подтреугольной формы, плавно утолщающийся кверху и уплощенный сверху, без гребня. Венчики группы УРФ ГЧ 11 и ГЧ 12 плавно отогнутые, одинаковой на всем протяжении толщины и большой (относительно толщины) длины. ГЧ 11 (рис.9-13) - плавно изогнутый, но не загнутый наружу венчик без утолщения, с уплощенной верхней поверхностью. ГЧ 12 - плавно изогнутый, загнутый наружу венчик без утолщения с неуплощенной верхней (в данном случае выглядящей как наружная) поверхностью, более длинный, чем ГЧ 11. Имеется два его варианта: ГЧ 12-а - внутренняя поверхность венчика загибается наружу заметно (рис.9-14), и ГЧ 12-б - она только доходит до точки загиба (рис.9-15). Последний отличается от ГЧ 11 округленной верхней поверхностью, порой легким утолщением вверху, не образующим подтреугольности, как у ГЧ 8. Особняком стоит редкая ГЧ 6 с прямым горизонтальным венчиком прямоугольной формы (рис.9-4).

Необходимо сделать несколько замечаний в связи с УРФ венчиков горшков. Первое; большинство из них пока не связано с целыми формами, которых мало, но почти все относятся к средним и крупным горшкам, обычным для Зилги. Второе; при всем своем совершенстве и стандартности горшков Зилги некоторые родственные УРФ венчиков могут реализоваться на одном сосуде, но явление это не массовое, насколько можно сейчас судить. Третье; уже сейчас очевидно различие УРФ по массовости: наиболее массовые - ГЧ I-а, ГЧ I-б, ГЧ I2; средние по численности - ГЧ 2 и ГЧ 7, ГЧ 8 и ГЧ II; редкие - ГЧ I-в, ГЧ 3, ГЧ 4, ГЧ 5, ГЧ 6, ГЧ 9, ГЧ IO. Помимо черноглиняных (или темно-серых, черно-коричневых) имеется малочисленная, пока расплывчатая группа охристых горшков, которой, видимо, присущи свои морфологические особенности, пока точно не установленные. Еще есть четко выраженная УРФ высококачественных красноглиняных горшков (рис. IO-8) с прямым скругленным венчиком, только средних размеров, со сферическим туловом и желобком у основания венчика.

Основная масса горшков отличается плотным, но более рыхлым, чем у остальных видов сосудов, тестом, нередко с примесью средних размеров. Ручек практически не бывает. Основной орнамент - налепы (изредка) и горизонтальные линии двух, реже, трех желобков посередине тулова. Донца всегда той же толщины, что и стенки; утолщения стенок при дне обычно не бывает. Остальные черты будут указаны в более подробной публикации. Изредка встречались клейма (крест в круге и т.п.). Предварительно надо сообщить о том, что было названо "поздней технологией", и что, применительно к горшкам, сопровождалось и поздними морфологическими особенностями. Речь идет о распространенной только в первом штыке на Цитадели (и нередко - в первом штыке на других участках городища) новой для Зилги технологии, при которой наружная и внутренняя поверхности сосуда приобретали светло-серый, реже, светло-охристый цвет. Этому сопутствовало более плотное тесто, порой с обильной примесью мелкого песка; такие поверхности не ложились. Среди горшков эта технология сопровождается появлением зонального рифления гребенчатым штампом (рис. IO-9), изредка - отпечатками такого штампа по венчику, встречающегося у алан позднее. Форма венчика - ГЧ I-в, чаще округленная. Но в целом, формы и горшков, и кувшинов, и мисок, сделанных в поздней технологии - зилгинские. Недостаточность материала не позволила сделать другие надеж-

ные морфологические наблюдения. Вообще, хронологические наблюдения не являются целью данной предварительной статьи, тем более, что стратиграфия памятника, где половина площади — ямы, достаточно сложна.

Еще одно общее соображение, связанное с морфологической классификацией керамики конкретного комплекса: единообразная фиксация таких признаков, как длина венчика и ее соотношение с высотой (например, для изогнутых венчиков ГЧ II и ГЧ I2) — дело достаточно сложное, а ее сравнение с длиной прямых венчиков, прямо совпадающей с высотой венчика (например, у ГЧ 9 и ГЧ I0) — дело еще более сложное. Но напомним главный принцип "практической классификации" — в детализации при ней нуждается не все, а лишь то, что "работает" на классификацию, на точную фиксацию интуитивно очевидных различий. То же, что нужно для некоторой "полноты" описания, может и не быть описано достаточно строго. В данном конкретном примере длина венчика, нужная лишь в соотношении с толщиной, дает у разных УРФ заметно разные величины и может определяться с легкой неточностью. А соотношение длины и высоты венчика в данной классификации роли вообще не играет, и добиваться уточнения — нецелесообразно. В других случаях может быть наоборот, и иным будет список значений признаков и самих признаков. Искусство классификатора множеств с расплывчатыми морфологическими характеристиками в том, в частности, и состоит, чтобы выделять для строгой классификации прежде всего такие признаки, которые легко описать, способ оценки которых легко объяснить другим исследователям, а, тем самым, и легко проверить. Это качество простоты восприятия другими — важнейшее качество морфологического признака, и оно важнее многих других. В частности, даже более расплывчатый с точки зрения, например, установления хронологических рамок, признак удобнее более определенного, но сложнее "берущегося" признака. В данной статье признаки сформулированы пока в общей форме, списки их значений и способы "взятия" не определены, даны лишь рисунки; но даже на этом уровне предложенное рассуждение кажется уместным, тем более, что в других работах автора этот принцип продемонстрирован на всем протяжении исследования.

Что касается хронологии, то, повторим, о ней здесь намеренно не говорится. Упомянем лишь то, что все имеющиеся аналогии относятся к I—IV вв. н.э., а более поздний керамический

и иной материал, прочно датирующийся У в.н.э. и не ранее, в явном виде не представлен. Об этих же датах говорит обильный материал (светлоглиняные амфоры с профилированными ручками, тип I, варианты C и D), металл, стекло и проч. Пифосы, высотой до 1,5 м при диаметре порядка 0,9 м имеют прямоугольные и подтреугольные венчики, но УРФ не выделяются, хотя есть два типоразмера: малые и крупные пифосы. Стенки имеют горизонтальные и вертикальные налеты — "фестоны": обычно, двойной горизонтальный налет по плечу, а от него вниз — прямые или наклонные, почти всегда одиночные налеты, не достигающие до дна.

Редкие керамические формы Зилги обильны, но в данной статье будут даны лишь рисунки основных из них и краткие описания. Формы, встреченные менее трех раз, сюда не вошли. Несколько раз встречены светлоглиняные тонкостенные кувшины закавказского производства (рис. IО-7), есть несколько фрагментов оранжево-глиняных кувшинов с неровным лощением по красному ангобу, близких к среднеазиатским формам этого времени. Многочисленны открытые сосуды с носиком-сливом и петельчатой ручкой над венчиком, ковши или крупные светильники. Часто встречались и цилиндрические аланские курильницы с отверстием в дне (рис. IО-3). Многочисленны крышки с отверстием в верхней плоскости. Они бывают трех видов: крышки I — наиболее многочисленные — конус с уплощенной верхней частью с отверстием (рис. IО-2) и закраинами для соединения с сосудом; крышки 2 — такой же конус без закраин (рис. IО-4), они редки; крышки 3 — нижняя часть цилиндрическая, верхняя — уплощенный конус с отверстием (рис. IО-6). Примечательны многочисленные среднеазиатские крышки в виде плоских кругов с закраинами, на песчаной подсышке, в закраинах — выемки, к которым от центра сосуда идут вдавленные полосы-лучи. Среди пряслиц резко преобладают сделанные из фрагментов керамики, лепных мало. Части "пробки" из фрагментов и непонятого назначения "лекала" — фрагменты с ретушированным по гладкой кривой краем. Лепные грузила имеют пирамидальную форму.

Интерпретация материала и датировка городища

Зилгинское городище по своему типу относится к так называемым "земляным" городищам, характерным для равнинных районов Центрального Предкавказья⁷. В.А.Кузнецов характерными

чертами таких городищ считает могучие рвы при отсутствии валов⁸. Действительно, рвы Зилгинского городища примечательны и по своей глубине, и по своей протяженности, но тезис об отсутствии насыпных валов не кажется нам верным. Сама планировка городища говорит о том, что если даже холмы, образующие городище, и не являются искусственными, то, во всяком случае, они укреплялись. Думается, что вопрос этот можно решить, сделав стратиграфический разрез одного из валов. Интересно, что на Нижне-Джулатском городище в Кабардино-Балкарии (также правобережье Терека), где был сделан разрез вала, в результате этих работ выяснилось, что саманная кладка более поздней стены покоится на существовавшем прежде насыпном земляном валу⁹. По своему набору внешних признаков: укрепленная цитадель на прибрежном холме с обрывистыми берегами, система искусственных оборонительных сооружений, многочастная структура, — наше городище схоже с множеством городищ в долинах Кумы, Терека и Сунжи, появившихся здесь в догуннскую эпоху, когда сармато-аланы обосновались в этих местах.¹⁰ Более детальное сравнение, касающееся особенностей внутренней планировки, строительных приемов, жилых комплексов, пока невозможно вследствие того, что до сих пор ни одно аланское поселение полностью не раскопано¹¹, раскопки такими широкими площадями, как на Зилгинском городище, проводятся на территории Центрального Предкавказья впервые. Некоторые параллели возможно провести с синхронными городищами в Дагестане, которые изучены лучше. Так, прослеживается явное сходство в строительных приемах, особенно, при сооружении оборонительных стен: сочетание глинобита и земляной засыпки, использование каменных панцирей стены с плотной забутовкой между ними¹², сочетание сырцовых конструкций с турлучными, использование речного булыжника в сочетании с сырцом¹³. Интересно отметить, что горизонтальные прослойки из речного камня, применяющиеся для укрепления непрочной глино-саманной стены, зафиксированы также в Дербенте — для нижних участков сырцовой стены. Сырцовая фортификация Дербента датируется авторами раскопок второй четвертью V века¹⁴. Что же касается мощной глинобитной субструкционной платформы, обнаруженной нами в нижних слоях Цитадели, то аналогий в Центральном Предкавказье и в ближайших регионах пока нет (возможно, это объясняется плохой изученностью городищ). И здесь обращают на

себя внимание среднеазиатские параллели. Мы можем указать в качестве примера субструкционную стену из пахсовых крупных блоков, возведенную непосредственно на материке на городище Пайкенд (Бухарский оазис), а также, что чрезвычайно интересно для нас, привести аналогию из Приаралья: глинобитная платформа городища Тампак-асар в урочище Джеты-Асар¹⁵. Вообще, мощная платформа из сырца или пахсовых блоков - характерное явление в парфяно-сасанидских сооружениях в Передней и Средней Азии¹⁶. Таким образом, Зилгинское городище сочетает в себе по крайней мере две строительные традиции, одна из которых (мощные глинобитные платформы) уводит нас в поисках истоков в Среднюю Азию, другая же (обилие турлучных конструкций, сочетание глинобита, речного камня и турлука) является местной по происхождению и широко применяется на городищах Центрального Предкавказья в этот период.

Мы подошли к вопросу датировки городища. До сих пор и В.А.Кузнецов, первооткрыватель и первоисследователь этого городища, да и авторы раскопок после первого сезона работ датировали его в пределах V-VIII вв.н.э.¹⁷. Такая датировка базировалась на тезисе о том, что "земляные" городища и, соответственно, их керамический комплекс сложились в период после гуннского нашествия¹⁸, а также - на предварительном анализе керамического комплекса, исследованного после первого сезона полевых работ лишь в первом приближении. Действительно, некоторые керамические формы (горшки с насечками по венчику, пифосы с налепными валиками, цилиндрические курильницы) широко бытуют в аланских памятниках VI-VIII вв. и даже в более позднее время. Однако, нижней даты эти формы до сих пор не имели (или имели очень расплывчатую). В настоящее время по массовому материалу Зилги их нижняя дата определяется I-II вв.н.э. В.А.Кузнецов не исключал, что нижние слои Цитадели относятся к доаланскому времени¹⁹. Вскрытие широких площадей в последующие сезоны существенно увеличило керамическую выборку и дало значительное количество датирующих находок, главным образом, металл и амфоры. Пристальное и подробное исследование керамического комплекса Зилги и круг аналогий металлическим находкам позволили говорить о том, что основной период жизни Зилгинского городища приходится на I-IV вв.н.э. Из металлических датирующих находок прежде всего следует указать бронзовые фибулы (рис.5-4,5,6). Найденные на городище фибулы все

однотипны и принадлежат к типу лучковых дуговидных подвязных фибул по классификации А.К.Амброза²⁰. Фибулы этого типа датируются А.К.Амброзом II-III вв.н.э. с оговоркой, что на Кавказе они задерживаются до IV в.н.э. Фибулы такого типа, по внешнему виду очень схожие с нашими, широко представлены в Подкумском могильнике (район Кавминвод), датирующемся I-III вв.н.э.²¹ Бронзовый амулет в виде фигурки обнаженного воина в острокопечном шлеме (рис.5-1) также, вероятно, можно датировать в рамках III-IV вв., хотя аналогичные амулеты широко распространены и на более поздних памятниках Северного Кавказа V-IX вв.н.э.²², но по сравнению с нашим, они более схематичны. Амулеты в виде фаллических фигурок не являются принадлежностью исключительно второй половины I тысячелетия н.э. Они довольно широко известны на Кавказе и в некоторых других регионах уже с рубежа нашей эры. Нам представляется, что типологически наш амулет можно поместить где-то между амулетами-подвесками из погребений I-III вв.н.э. в Крыму и из синхронных слоев Фанагории и Пантикапея²³ и амулетом из могильника Чми, датирующимся V в.н.э.²⁴ Бронзовые косметические щипчики, найденные на Зилгинской Цитадели (рис.5-2), и бронзовая позднекобанская булава (рис.5-3) имеют ближайшие аналогии в Подкумском могильнике²⁵.

Итак, после исследования тех материалов, которые мы получили за три сезона полевых работ на Зилгинском городище, мы считаем возможным говорить о том, что период наиболее активного функционирования городища приходится на первую половину I тысячелетия н.э. Это был период, когда городище, вероятно, занимало наибольшую площадь, так как материалы с Цитадели синхронны с материалами из раскопок холма У, отстоящего от Цитадели на значительное расстояние и входящего в систему внешних оборонительных сооружений. Но, предлагая и обосновывая такую дату для Зилгинского городища, мы не исключаем возможности наличия на городище и более поздних слоев, так как в настоящий момент раскопками исследована небольшая часть городища в сравнении с его площадью: вскрыто 700 кв.м при общей площади городища I кв.км, хотя раскопы расположены в ключевых местах. Дальнейшие раскопки, а также исследование сопутствующего могильника, разумеется, уточнят нашу датировку.

И л л ю с т р а ц и и

- Рис.1. Зилгинское городище. Общий план (по В.А.Кузнецову).
- Рис.2. Зилги, Цитадель, раскоп 2, центральный шурф.
Разрез субструкционной стены на материке: 1 - северный профиль; 2 - южный профиль; 3 - западный профиль; 4 - восточный профиль.
- Рис.3. Зилги, карьер (холм У), раскоп 2: 1 - остатки жилища с очагами, очажными подставками из галечника, остатками сырцовых и турлучных стенок; 2 - двор с хозяйственными ямами, вымощенный желтыми и серыми сырцами, с остатками сырцовых стенок.
- Рис.4. Зилги. Находки с городища: 1 - железная крица; 2 - железный серп.
- Рис.5. Зилги. Металлические (бронзовые) находки: 1 - подвеска-амулет; 2 - косметические щипчики; 3 - булава позднекобанского типа; 4,5,6 - фибулы.
- Рис.6. Зилги. Типы керамики. Кувшины и кружки.
- Рис.7. Зилги. Типы керамики. Двуручник.
- Рис.8. Зилги. Типы керамики. Миски, горшки.
- Рис.9. Зилги. Типы венчиков горшков.
- Рис.10. Зилги. Типы керамики. Пифосы, курильницы, крышки, кувшинчики, горшки.

Л и т е р а т у р а

1. Кузнецов В.А. Зилгинское городище. -А0, 1981, с.123.
2. Аржанцева И.А., Ковалевская В.Б. Отчет о работах на Зилгинском городище в 1985 г. -Архив ИА АН СССР, № 403.
3. Кузнецов В.А. Зилгинское городище в Северной Осетии. - Новые материалы по археологии Центрального Кавказа. Орджоникидзе, 1986, с.72-104.
4. Кузнецов В.А. Зилгинское городище..., с.78-79.
5. Этот строительный прием, применяющийся для укрепления непрочной глино-саманной стены, отмечен также в Дербенте, для нижних участков пахсовой стены. Кудрявцев А.А. О синкретизме парфяно-сасанидских, греко-римских и местных традиций в фортификационной архитектуре и градостроительстве древнего и средневекового Дербента. -Этнокультурные процессы в древнем Дагестане. Махачкала, 1987, с.53.
6. УРФ - устойчивая разновидность формы.
7. Чеченов И.М. Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969, с.112, Степи Евразии в эпоху средневековья. -Археология СССР. М.,1981, с.84.
8. Кузнецов В.А. Зилгинское городище в Северной Осетии..., с. 100.
9. Чеченов И.М. Раскопки городища Нижний Джулат в 1966 г. - Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Т.ХХУ. Нальчик, 1967, с.219-223.
10. Минаева Т.М. Памятники эпохи раннего средневековья на Ставропольской возвышенности. -МИСК. Ставрополь, 1949. Вып.1, с.125-164.
11. Степи Евразии..., с.84.
12. Степи Евразии..., с.85.
13. Чеченов И.М. Раскопки городища Нижний Джулат..., с.196-199.
14. Кудрявцев А.А. О синкретизме парфяно-сасанидских..., с.53.
15. Левина Л.М. Отчет о работах Джеты-Асарского отряда хорезмской археологической экспедиции в 1984 г. -Архив ИЭ АН СССР.

16. Кошеленко Г.А. Парфянская фортификация. -СА, 1963, № 2, с.59; Воронина В.Л. Из истории среднеазиатской фортификации. -СА, 1964, № 2, с.42, 52.
17. Кузнецов В.А. Зилгинское городище..., с.100; Аржанцева И. А., Ковалевская В.Б., Кузнецов В.А., Тменов В.Х. Итоги и перспективы археологических исследований раннесредневековых городищ Северной Осетии. -Задачи советской археологии в свете решений XXVI съезда КПСС. Тезисы докладов Всесоюзной археологической конференции. М.,1987, с.26-27.
18. Кузнецов В.А. Некоторые вопросы этногенеза осетин по данным средневековой археологии. - Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967, с.42-67.
19. Кузнецов В.А. Зилгинское городище..., с.102.
20. Амбров А.К. Фибулы юга европейской части СССР. М.,1966, табл.9, с.52.
21. Абрамова М.П. Подкумский могильник. М.,1987, рис.3I-5,6.
22. Степи Евразии..., рис.64.
23. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. М, 1982, с.24-25, табл.4I- I-19.
24. Абрамова М.П. Раннесредневековый могильник у с.Чми в Северной Осетии. -Новые материалы по археологии Центрального Кавказа. Орджоникидзе, 1986, рис.2-14.
25. Абрамова М.П. Подкумский могильник..., рис.8-12, рис.25-22.

I-VII ЖИЛЫЕ ХОЛМЫ
 А-Г - РВЫ

— граница склона
 - - - - - ВОСТАНАВЛЕННЫЕ
 УЧАСТКИ ГОРДИЦЫ
 II - ОЗЕРЦЫ
 — линия южной экспозиции
 - - - - - ТРАССА ПРОЕКТИРУЕМАЯ
 - - - - - ТРАНШЕИ
 == ДРОМЫ АСФАЛЬТ.
 --- ДОРОГИ ПОЛЕВЫЕ
 Δ - ПУНКТЫ МИКРОТРАМ
 ГУЛАНЦИ.

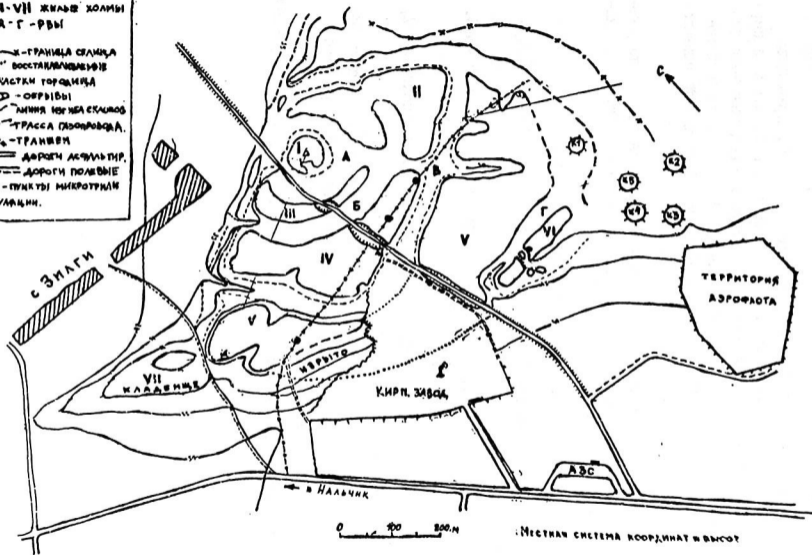
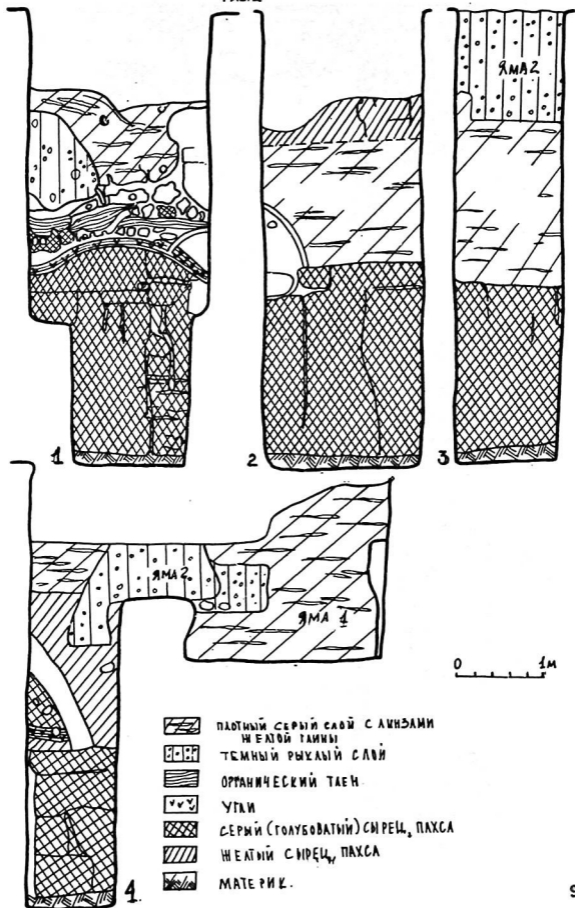

Рис. I

Рис. 2

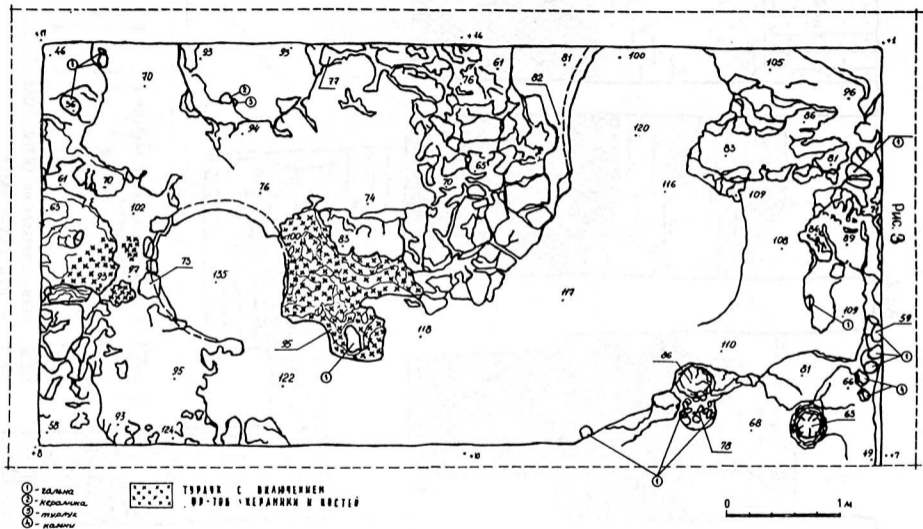

Рис. 4

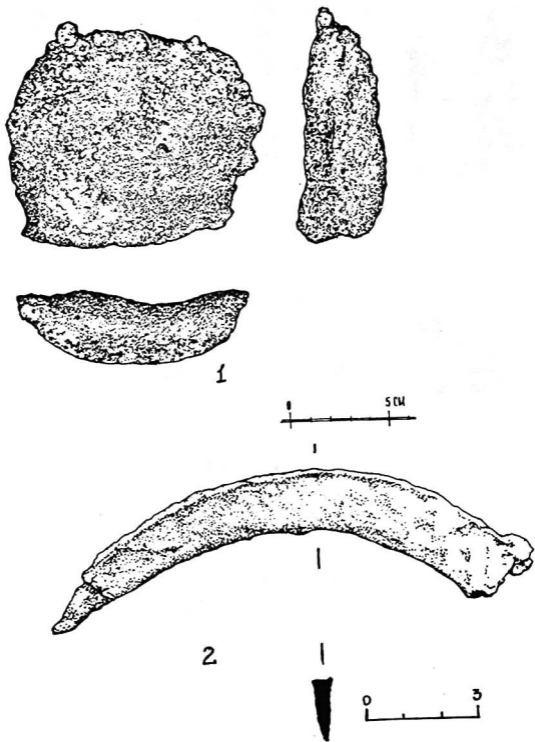

Рис. 5

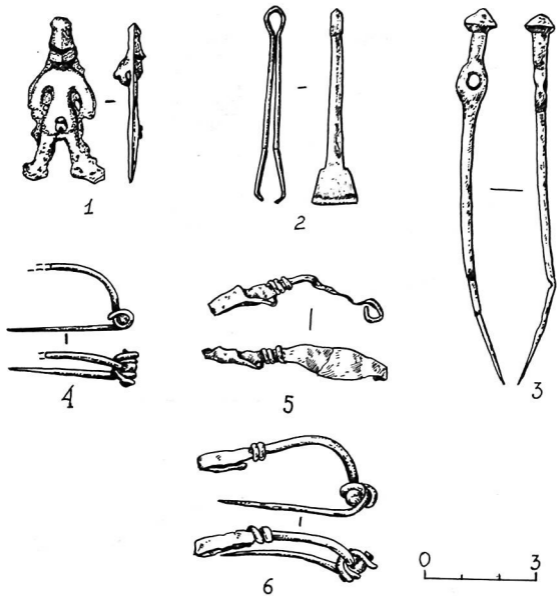

Рис. 6

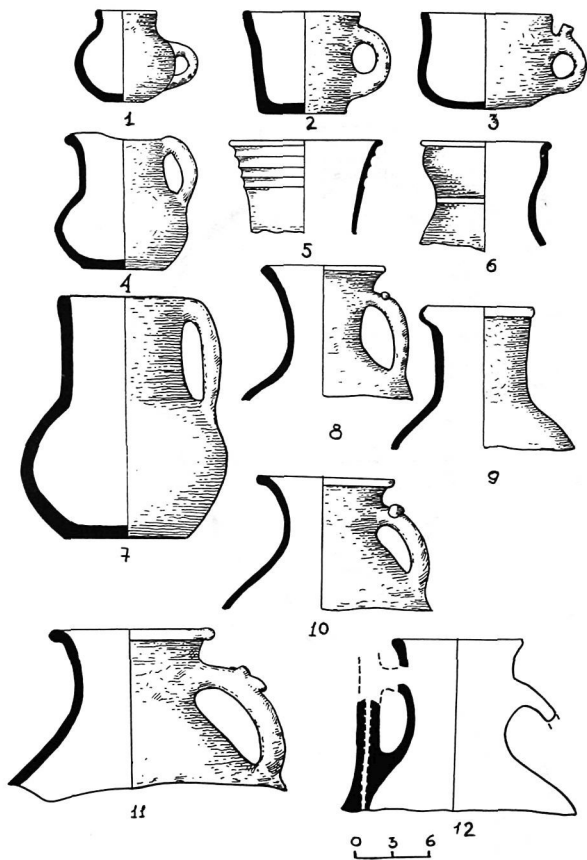
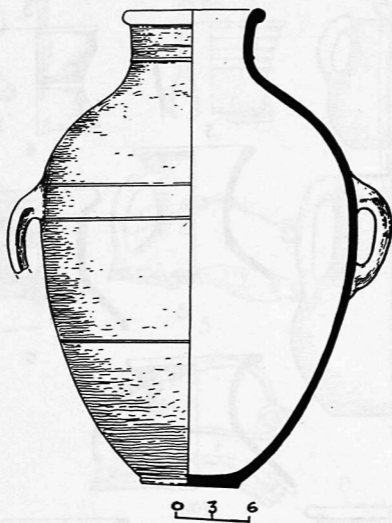

Рис. 7

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

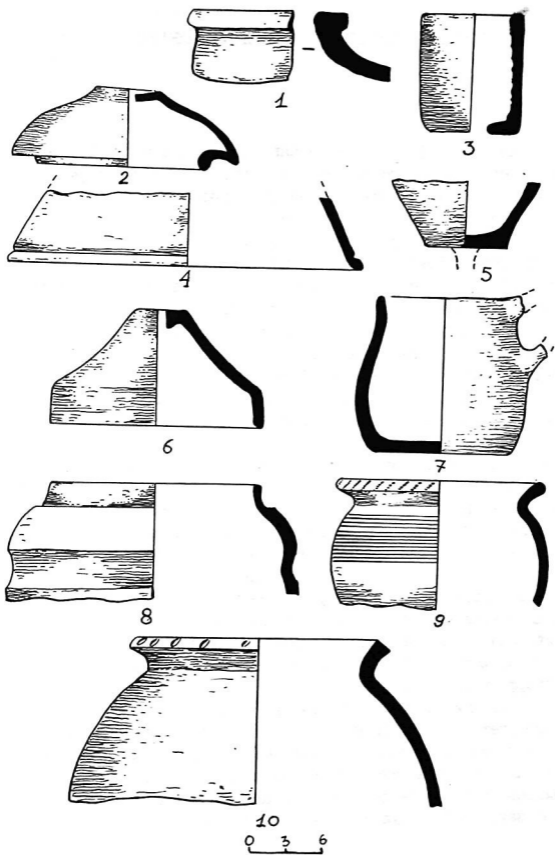

14

15

Рис. 10

СКИФСКОЕ ИЗВАЯНИЕ ИЗ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

антропоморфные изваяния занимают особое место в ряду древностей скифского времени, что связано как с информативностью данного типа археологических источников, так и с обширной географией их распространения.

В настоящее время на территории Кабардино-Балкарской АССР вновь открыто большое количество памятников, давших прекрасный археологический материал, свидетельствующий о пребывании скифов на данной территории в начале железного века. Но при всем многообразии археологического материала, в нем отсутствовала такая категория как каменные антропоморфные изваяния. Наконец, в сентябре 1986 года в г.Нальчике в районе "Долинск" на глубине около 2 м было обнаружено изваяние, скифская принадлежность которого не вызывает сомнений¹. Но, как оказалось, это была не первая находка подобного типа на территории республики. В 1978 году при строительном-земляных работах на полях 3 бригады Прохладненского винсовхоза КБАССР была снесена часть насыпи кургана, в которой было обнаружено изваяние. Оно было доставлено шофером Ткачевым Н.П. в музей г.Прохладного, где хранится и поныне (инв.№ 5).

Культурная принадлежность данного памятника в свое время была определена неверно, и он был отнесен к группе половецких каменных "бас". Но стиль изваяния и наличие изображений ряда предметов (гривны, топора, нагайки, меча-акинака, горита, фалла) позволяют отнести его к группе скифских антропоморфных изваяний.

Изваяние из г.Прохладного изготовлено из ракушечника серого цвета; высота фигуры 128 см, ширина в плечах 55 см, ширина у основания 43 см, толщина колеблется от 20 до 26 см. Сохранность изваяния относительно хорошая, изображения сохранились практически целиком. В верхней части скульптура имеет трещину, косо идущую от правого плеча вниз до локтя левой ру-

ки. Попорчены в некоторых местах левая и задняя стороны. Нижняя часть фигуры обломана и утеряна.

Из камня изваян мужчина-воин с полным комплектом вооружения. Фигура хорошо промоделирована: выделены голова, шея, плечевые выступы (по 10–12 см), руки, талия, на боковых гранях очень выразительно показаны ноги (воин стоит как бы ослабившись, согнув немного левую ногу в колене). Все изображения, имеющиеся на изваянии, рельефные. Голова выполнена довольно реалистично, с хорошей проработкой деталей. Верх головы при виде спереди и сзади заострен, при рассмотрении с боков – закруглен. На правой стороне головы, ближе к темени, имеется овальное углубление размером 14х7,5 см и глубиной 12 см, вполне возможно, что с его помощью на голове закреплялся султан². Сзади и с боков по голове проходит четкая линия волос или мягкого головного убора³. Лицо имеет овальную форму. Брови выделены рельефной линией, при этом в центре они плавно переходят в линию носа. Нос прямой, чуть расширяющийся книзу, доходит до линии усов. Усы широкие, подковообразной формы с концами, опущенными вниз и немного расширяющимися у подбородка; концы усов ровно обрезаны. Рот обозначен углубленной кривой линией шириной 4–7 мм. Глаза подтреугольной формы со слабо намеченным зрачком. Лицо, широкое сверху, резко сужается книзу, образуя острый подбородок, нижняя точка которого расположена чуть ниже линии плеч. С левой стороны головы рельефным кружком (двойным, с разрывом) обозначено ухо, с правой стороны оно отсутствует, но на уровне виска, немного ниже описанного углубления, рельефно выделяется круг диаметром 4 см. Шея показана гладкой полосой шириной от 3,5 до 8 см, идущей вокруг всей головы. Чуть ниже изображена гладкая, плоская в сечении гривна (шириной, в среднем, 4 см), лежащая на плечах, спереди опускающаяся на грудь. Слегка расширяющиеся концы гривны разомкнуты сзади на шее. Еще ниже двумя выпуклостями обозначена грудь, на тыльной стороне рельефно выделены лопатки. По центру изваяния углубленной полосой показана линия позвоночника. Руки изображены согнутыми в локтевых суставах: правая под тупым углом, левая – под острым. Локти плотно прижаты к бокам, при этом они несколько выступают за края плиты. Кисти рук сложены на животе, левая над правой. Пальцы хорошо проработаны, большой и мизинец короче, чем остальные, и изображены чуть оттопыренными. На талии обо-

значен пояс шириной, в среднем, 6 см; он хорошо просматривается по всей окружности изваяния.

На правом боку изображен рукоятью вниз проушной боевой топор, он подвешен к поясу, но изображен непосредственно на поясе, а не ниже его, как обычно, и в обушной части перекрывает пояс. Длина рукояти топора (с учетом выступающей за топор части) 47 см, ширина 4—4,5 см; длина топора 25 см, ширина обуха 5,3 см, длина обуха 6,5 см, длина клюва 14 см. Исходя из того, что ширина рукояти как в верхней, так и в нижней части равна 4,5 см, можно предположить, что диаметр проуха достигал 4,5 см. К поясу, в центре передней грани изваяния под небольшим наклоном подвешены нагайка и меч-акинак. Между ними обозначен фалл длиной 21 и шириной 4 см. Длина нагайки 42,5 см, в том числе длина рукояти 22 см. Рукоять внизу завершается круглым расширением диаметром 5 см, ширина рукояти, в среднем, 3,5 см. Хлыст нагайки изгибается влево, затем резко опускается вниз. На хлысте имеется отросток⁴. Толщина хлыста, в среднем, 1,7 см. Аналогичные нагайки изображены на изваяниях их сс. Ольховчик⁵, Александровское⁶ и др. Изображение топора, нагайки, фалла — один из признаков, характеризующих скульптуру раннего типа⁷.

На изваянии из Прохладного изображен меч-акинак с навершием в виде уплощенного овала, почковидным перекрестием, с лезвием слегка расширяющимся книзу (насколько это можно проследить, так как конец клинка сбит). Сохранившаяся длина меча 38 см, в том числе высота навершия 7,5 см; длина рукояти 5,6 см при ширине у основания навершия 4,2 см, у перекрестия 4,7 см. Высота перекрестия 6,8 см, максимальная ширина перекрестия 13,7 см. Ширина клинка у перекрестия 5,3 см, а через 9 см (длина сохранившегося с обеих сторон клинка) она равна 6,3 см. По центру клинка проходит нервюра. Ребро жесткости имеется и на рукояти. По форме навершия и перекрестия этот меч датируется VI в. до н.э. и относится к I типу I отдела по классификации А.И. Мелюковой⁸. Характер расположения меча относительно пояса также свидетельствует о принадлежности данного изваяния к ранней группе скифских каменных антропоморфов.

На бедре левой ноги воина изображен горит подпрямоугольной формы. На первый взгляд создается впечатление, что верхняя грань горита скошена назад, но на самом деле эту форму

гориту придает скол (в этой части изваяние пострадало более всего). На изваянии слева от позвоночника, ниже лопаток, на уровне левого локтевого сустава рельефом выделяется круг диаметром 9,6 см. По всей видимости, это – верхний конец горита, завершавшегося головкой грифона. К передней грани горита от пояса отходит ремешок, показанный углубленным рельефом. На тыльной стороне изваяния ниже пояса рельефно выделяются штаны и голень правой ноги. Левая нога не прослеживается, так как изваяние в этой части попорчено. Здесь же, наискось, справа-налево-вниз от пояса до ступни левой ноги проходит углубленная полоса, древность которой вызывает сомнения, видимо, это след от зубцов ковша экскаватора.

По классификации, предложенной В.Г.Петренко, по манере изображения черт лица это изваяние относится к типу I, а по общему облику или абрису – к типу 3⁹.

Открытие двух антропоморфных изваяний (из "Долинска" и г.Прохладный) позволяет уточнить область распространения типично скифских каменных изваяний, юго-восточной границей которой считалось ставропольское плато¹⁰. В настоящее время представляется возможным опустить эту границу значительно южнее, практически – до предгорных районов Кабардино-Балкарии. Наиболее приемлемой датой изваяния из г.Прохладного следует считать время от начала до середины VI в. до н.э.

Л и т е р а т у р а

1. Предварительная публикация осуществлена Батчаевым В.М. Уникальная находка. - "Минги-тау" (Зльбрус). Нальчик, 1987, № 2, с.88-89 (на балкарском языке). Подробную публикацию этого памятника готовит Керевов Б.М.
2. Петренко В.Г. О юго-восточной границе распространения скифских каменных изваяний. -Новое в археологии Северного Кавказа М.,1986, с.158.
3. Шульц П.Н., Навротский Н.И. Прикубанские изваяния скифского времени. -СА. 1973, № 4, с.190.
4. Видимо, это было жесткое основание, к которому прикреплялся кожаный ремешок-хлыст.
5. Тахтай О.К. Скифская статуя из с.Ольховчик Донецкой обл. - Археология. Киев, 1964, т.ХУП, с.205-207.
6. Петренко В.Г. О юго-восточной..., с.165 и сл.
7. Петренко В.Г. О юго-восточной..., с.171.
8. Мелюкова А.И. Вооружение скифов. -САИ, вып.ДП-4. М.,1964, с.47.
9. Петренко В.Г. О юго-восточной..., с.168-169.
10. Петренко В.Г. О юго-восточной..., с.175.

Рис. I

СКИФСКИЕ АНТРОПОМОРФЫ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРЫМА
(НАХОДКИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ)

Степным отрядом Крымской экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова, затем Крымской экспедицией ИА АН СССР под руководством автора в ходе работ 1976–1986 гг. в Северо-Западном Крыму было зафиксировано более десятка скифских антропоморфных изваяний и баз к ним V–III вв. до н.э. Введению указанных памятников, все еще довольно немногочисленных, в научный оборот и посвящается данная статья.

Публикуемые ниже изваяния были обнаружены при исследовании скифских захоронений между с. Колоски и с. Великое, у с. Приветное, с. Ромашкино, пгт Штормовое Сакского района Крымской области. Данные пункты расположены на расстоянии 8–20 км к северу и северо-западу от г. Евпатории. Все антропоморфы изготовлены из местного белого или желтоватого известняка – ракушечника.

В курганном могильнике между с. Колоски и с. Великое исследовано 13 насыпей; обнаружено 6 изваяний и баз к ним.

Изваяние из кургана I. (рис. I. I). Найдено случайно при вспашке насыпи¹. В ходе раскопок кургана выяснилось, что изваяние находилось в северной части окружавшего насыпь каменного кольца – крепиды явно не *in situ*. Изваяние сохранилось практически полностью, плугом поврежден лишь самый низ его. Передняя грань изваяния местами выветрена и повреждена небольшими сколами; особенно пострадала лицевая часть головы. Максимальные размеры изваяния (длина–ширина–толщина) 153х (39–54)х18 см. Изготовлено оно из плотного мелкозернистого известняка, поверхность его хорошо заглажена.

Изваяние воспроизводит стоящую мужскую фигуру. Широкие покатые плечи, относительно узкая талия и низко посаженная правильной полуовальной формы голова без выделенной шеи передают впечатление большой физической силы изображенного вои-

на. Левая рука изваяния вытянута книзу, кисть ее (выделен большой палец) помещена на верхней части левого бедра. В правой, согнутой под прямым углом руке, изображен небольшой ритон. От туловища руки отделены глубокими, но не сквозными углублениями, показанными и на тыльной стороне антропоморфа. Ноги трактованы обобщенно, разделены сквозным просветом. Из-за повреждения лицевой части, изображения глаз, носа и рта не сохранились; оформление же подбородка в виде остроугольного треугольника позволяет допустить, что ваятель таким образом изобразил короткую бородку "клинышком".

Воин представлен одетым в традиционный скифский кафтан, удлиненный спереди в виде тупого угла; показаны также облага рукавов кафтана. Затылочная часть головы оформлена в виде сужающегося книзу гладкого гребня. Возможно, таким образом показан головной убор типа короткого башлыка. Талия стянута нешироким гладким поясом без пряжки. К поясу справа подвешен на узком ремешке цилиндрический оселок, слева — горит с подпрямоугольным оттопыренным магазином (отделением для стрел). Отделение для лука, к которому прикреплен магазин для стрел, смоделировано на тыльной грани изваяния в виде рельефного прямоугольника. Сам лук не показан.

Изваяние, судя по сохранившемуся инвентарю вспомогательного захоронения слуги (синхронное ему главное погребение разрушено), датируется У-IV вв. до н.э. Учитывая большее иконографическое соответствие данного изваяния скифским антропоморфам Причерноморья У в. до н.э., можно отнести его именно к этому времени.

Изваяние из кургана 4. Три фрагмента торса изваяния найдены на пахоте у восточной полы насыпи кургана, а нижняя часть антропоморфа — в нижнем слое заполнения кольцевого ровика (юго-западный сектор)². Отсутствуют голова, предплечья и часть туловища ниже пояса. Тыльная грань сохранившихся фрагментов гладко отесана, передняя — сильно выветрена (рис. 2, 1). Размеры торса 50x64x22 см, основания (нижней части) — 65x36x29 см. Первоначальная высота памятника достигала, очевидно, 190 см.

Торс (рис. 2, 1) выполнен весьма реалистично. Руки отделены от туловища сквозными просветами, при этом левое плечо отведено от торса заметно больше, чем правое (левая рука согнута в локте?). Руки у локтей значительно тоньше туловища и

как бы выдвинуты вперед, что свидетельствует о стремлении ваятеля анатомически как можно точнее воспроизвести заданный образ. Ноги изваяния, круглые в сечении, разделены сквозным просветом, на уровне щиколоток изображены "уходящими" в одинаковый по ширине, но больший по толщине пьедестал-постамент. Постамент высотой около 40 см, сужаясь, образует в верхней части горизонтальную грань, особенно ясно выраженную на тыльной стороне. Ступни ног не моделированы.

Утрата средней части изваяния, где обычно изображаются пояс, оружие и другие атрибуты, не позволяет судить о предметном репертуаре данного антропоморфа. Подтреугольной формы выступ почти в центре сохранившейся части фигуры, возможно, является остатком рельефного изображения ритона, однако уверенности в этом нет.

На вершине кургана 4 находился крупный обломок ракушечниковой плиты подпрямоугольной формы с полукруглым вырезом в одной из сторон — часть укрепляющей конструкции — базы (рис. 2, 2), с помощью которой изваяние закреплялось на вершине насыпи. Размеры плиты 100x64 см, толщина 15–19 см. При снятии северной части насыпи была найдена еще одна часть базы — плита неправильной формы размером 125x60 см, толщиной 11–15 см, также с сегментовидным вырезом по одной из сторон. Нет сомнения, что две описанные плиты образовывали составную (о чем свидетельствует разная толщина плит), а не монолитную базу.

Применение базы позволяло значительно сократить высоту постамента, большая часть которого при вкапывании изваяния оказывалась в грунте, и более надежно укрепить изваяние. Так, постамент антропоморфа с кургана 4 при высоте 40 см вкапывался в грунт примерно на 30 см, остальные 10 см его высоты закрывались плитами базы, и, таким образом, нижняя граница моделированных ног изваяния совпадала с верхней гранью базы.

Судя по немногочисленным остаткам погребального инвентаря, захоронение, с которым были связаны рассмотренные антропоморф и база, датируется в пределах IV в. до н.э.

Изваяние из кургана 10. При снятии насыпи и расчистке окружающих ее двух concentрических каменных колец были обнаружены два антропоморфных изваяния, изготовленные из мягкого, пористого и трещиноватого ракушечника³.

Изваяние № I представлено двумя фрагментами (рис.3,1), обнаруженными неподалеку друг от друга в юго-восточном секторе внешнего (более позднего) каменного кольца. Лежали они у внешней границы широкого (до 4 м) кольца на уровне верхних камней, которые их не перекрывали. Обломки изваяния – голова и бедра – имеют размеры соответственно: 39x29x11 и 51x45x13 см. Голова имеет форму сплюснутого овала, выделен подбородок, намечена шея. Лицевая поверхность практически плоская, сильно выветрена, без видимых следов моделировки черт лица. Второй фрагмент примечателен воспроизведением относительно узкой талии и широких бедер. Бедра разделены глубокой, но не сквозной ложбиной; на тыльной грани подобной ложбины нет. Изображений деталей одежды, других предметов на сохранившихся фрагментах нет; можно лишь предполагать на талии наличие пояса (?).

Привлекают внимание схематизм и примитивизм изваяния. Морфологически (морфологически)⁴ оно ближе не плоской скульптуре, а антропоморфной плите, рассчитанной на фронтальное восприятие. Иконография ее все же, без сомнения, соответствует общескифскому канону – стоящая мужская фигура.

Обстоятельства находки фрагментов изваяний позволяют допустить их использование в качестве бутового камня при создании каменного кольца; таким образом, не исключено, что первоначально данное изваяние было установлено на другом кургане, затем разбито и переиспользовано, как своего рода "строительный материал". С другой стороны, бесспорных свидетельств в пользу данной версии нет. Против нее, пожалуй, может свидетельствовать обнаружение фрагментов неподалеку друг от друга у самого края насыпи, подобно многим другим антропоморфам, связанным с конкретным курганом. Несмотря на тщательную разборку каменного кольца вручную, других обломков изваяния обнаружить не удалось.

Изваяние № 2 (рис.3,2) обнаружено в северо-западном секторе насыпи при расчистке внешнего каменного кольца. Оно собрано из трех фрагментов, лежавших лицевой гранью вверх на протяжении восьми метров по направлению периметра насыпи – с юго-запада-запада на северо-восток-восток в "анатомически правильном" порядке: голова – туловище – основание (пьедестал). Обломки изваяния примыкали к внешней границе кольца и не были завалены камнями.

Изваяние изготовлено из мягкого пористого ракушечника, поверхность его покрыта трещинами, небольшими сколами, сильно выветрена (особенно лицевая грань). Размеры изваяния в собранном виде 190х(41-57)х(14-19) см, книзу оно постепенно утоньшается.

Иконографический тип антропоморфа — стоящая мужская фигура. Лицо имеет форму плоского овала с сильно выветренной поверхностью. Выделяется подбородок; следов глаз, носа, рта нет. На затылке, на участке не затронутом выветриванием, изображена прическа. Волосы показаны врезными параллельными линиями; на уровне плеч они ровно обрезаны. Правая рука согнута в локте, прижата к груди, в ее кисти — небольшой ритон. Положение левого предплечья неясно, оно сливается с поясом. Ноги (ступни не показаны) разделены глубоким (до 9 см) углублением, сделанным только на лицевой грани. На уровне щиколоток ноги переходят в прямоугольное основание, той же ширины и толщины, что и основной объем антропоморфа.

Предметный репертуар изваяния, помимо ритона, включает изображения гладкого пояса, оселка (у правого бока), удлиненного трапециевидного предмета длиной 51 см (на левом бедре) — скорее всего горита. Столь необычное положение оселка и горита объясняется как характером самой заготовки (сравнительно узкая плита), так и низким уровнем мастерства ваятеля, не сумевшего разместить предметы правильно на правой и левой гранях антропоморфа.

Достаточно большое сходство изваяний № 1 и 2 очевидно. Вместе с тем, они весьма своеобразны примитивностью воплощения классической иконографической схемы, возможно, демонстрируя падение уровня художественного мастерства ваятелей.

Условия находки антропоморфа № 2 могут вызвать сомнения относительно принадлежности его к захоронению именно в кургане 10, однако характер размещения обломков изваяния свидетельствует о том, что до своего низвержения изваяние стояло именно на кургане 10. Если бы оно было принесено с другого кургана с целью использования в качестве строительного материала для создания каменного кольца, размещение обломков антропоморфа вряд ли было бы столь упорядоченным. Таким образом, наиболее вероятно отнесение изваяния № 2 к одному из двух скифских погребений кургана 10, а именно, к более позднему, так как оно находилось во внешнем, более позднем камен-

ном кольце.

Судя по клеймам гераклейских амфор из тризны, более раннее захоронение в кургане относилось к первой половине IV в. до н.э., а более позднее (каменный склеп, вероятно, с асинхронными захоронениями) — ко второй половине — концу IV в. до н.э. Этим временем (второй половиной IV в. до н.э.) и следует датировать изваяние № 2. Вряд ли стоит сомневаться, что крайняя иконографическая близость изваяний № 1 и № 2 из кургана IO свидетельствует об их относительной синхронности.

Итак, уникальный факт обнаружения в одном кургане двух практически синхронных антропоморфов свидетельствует о том, что:

1) антропоморфы переиспользовались в качестве строительного материала или просто бутового камня самими же скифами (в кургане только скифские погребения);

2) антропоморфы обладали сакральной значимостью в течение определенного времени, по прошествии которого они свергались или разбивались (обломки изваяний в каменном кольце скифского кургана); данный вывод совпадает с мнением, высказанным Д.С. Раевским⁵;

3) период сакральности антропоморфа, очевидно, не был особенно длительным (иконаграфическое тождество изваяний № 1 и 2);

4) на одном кургане не одновременно, а последовательно могло устанавливаться несколько изваяний, что следует из приведенных выше заключений; если это так, то оба найденных на кургане IO антропоморфа могут относиться к разновременным захоронениям в более позднем погребальном сооружении кургана — каменном склепе второй половины IV в. до н.э. Подчеркнем, однако, что последний вывод наиболее дискуссионен; подтвердится он или нет — покажут будущие находки.

Изваяние из кургана I3. Обнаружено в северо-западном секторе насыпи, у внешней границы широкого каменного кольца⁶. Лежало оно поверх камней кольца, было расколото почти пополам, но сохранило правильное расположение обломков. Изваяние ориентировано по оси северо-восток — юго-запад, лежало по периметру насыпи лицевой гранью вверх. Отметим, что обстоятельства находки данного антропоморфа в точности соответствуют условиям обнаружения изваяния № 2 кургана IO, расположенного в непосредственной близости от кургана I3.

Изваяние (рис. 4, 1) относится к числу антропоморфных плит, весьма обобщенно, геометризировано передающих форму человеческого тела. Общая длина изваяния 120 см, толщина 14 см, ширина плеч 43 см, нижней части — 30 см. Лицевая и боковые грани антропоморфа плоские, неплохо отесаны в отличие от тыльной грани, обработанной грубее. Поверхность изваяния повреждена небольшими кавернами, выветрена; нижняя часть повреждена при культивации поверхности кургана (свежие борозды, следы дисков почвообрабатывающего агрегата).

Голова изваяния выделена правильным полуovalом, отходящим непосредственно от плеч. Врезной линией обозначен подбородок (борода?). Иные рельефные или гравированные детали лица и тела выявить не удалось. У левого плеча виден остаток желобка, параллельного контуру подбородка; возможно, это — изображение гривны.

Низ изваяния оформлен в виде овального в сечении шипа длиной 18 см, шириной 17–20 см, толщиной 14 см. Следов моделировки ног нет. Шип предназначался для закрепления изваяния в отверстии каменной базы, скорее всего монолитной. Однако, обнаружить ее не удалось, что вполне естественно из-за почти полной распаханности насыпи и ежегодном вывозе с поля выпавших камней.

Единственное погребение кургана полностью разрушено. Немногочисленными фрагментами амфор из тризны оно и, без сомнения, относящееся к нему изваяние датируются в пределах второй половины IV — начала III вв. до н.э.

База изваяния из кургана 5 у с. Ромашкино. Курган, по рассказам местных жителей, достигавший высоты не менее 2 м, в конце 60-х — начале 70-х годов был срыт бульдозером при nivelировке поля. В кургане находился склеп из каменных плит, также разрушенный мелиораторами; при этом было вывезено несколько машин камня. При осмотре в 1986 г. места, где находился курган, помимо фрагментов античных амфор IV–III вв. до н.э. была обнаружена массивная известняковая база изваяния (рис. 4, 2). Форма ее неправильная, размеры 174x128x30 см. Верхняя грань базы, соответствующая поверхности скального шита, от которого была отделена заготовка базы, относительно ровная, имеет следы выветривания. В центре плиты — прямоугольное сквозное отверстие, идущее на конус; размеры его на уровне верхней грани 38x32 см, на уровне нижней — 32x27 см. Облом-

ков изваяния, для которого предназначалась база, найти не удалось.

Изваяние из кургана I у пгт Штормовое. При разборке западного сектора каменного кольца, окружавшего по периметру насыпь кургана I, были найдены два обломка изваяния (рис. 5, I)⁷.

Фрагмент головы антропоморфа (28x25x17 см) сильно поврежден сколами и выветриванием. Достаточно ясно видна шея, нижняя часть лица (подбородок), а на боковой грани — рельефное изображение края прически (шлема?). Второй фрагмент (44x35x26 см) — сохранившийся целиком постамент и нижняя часть ног антропоморфа (ступни не показаны). Постамент уплощен по верхней грани, несколько ниже ее имеет горизонтальное ребро, проходящее по всем его граням. В плане постамент имеет форму неправильного треугольника острым углом вниз. Ноги изваяния, овальные в сечении, параллельны, разделены сквозным просветом. В целом, данный постамент напоминает постамент изваяния из кургана 4 у с. Колоски (рис. 2, I), однако, в отличие от последнего форма его вряд ли свидетельствует о применении каменной базы.

Нет сомнений, что данный антропоморф воспроизводил стоящую мужскую фигуру. Фрагментами античной керамики, в том числе клеймом гераклеийской амфоры, единственное погребальное сооружение кургана и, соответственно, антропоморф датируются второй половиной IV в. до н.э.

В ходе исследования курганной группы, расположенной на окраине с. Приветное, на курганах 2, 4 и I4 было обнаружено три антропоморфных изваяния и одна каменная база.

Изваяние из кургана 2. Два крупных фрагмента изваяния были найдены механизаторами при вспашке насыпи кургана⁸. Еще три фрагмента были обнаружены в ходе раскопок кургана: крупный фрагмент правой ноги (в 50 м к северу от насыпи), левое плечо (в северной поле насыпи, на глубине 0,5 м) и постамент (в центре насыпи, в зоне грабительской воронки, на глубине 0,7 м). Изваяние собирается почти полностью (рис. I, 2); утрачена голова, большая часть правой руки и часть левой ноги. В реставрированном виде длина изваяния составляет 216 см при ширине до 74 см и толщине 20–30 см. С учетом несохранившейся головы высота изваяния достигала 250 см; данный экземпляр — крупнейший из серии рассматриваемых и один из самых крупных

в Крыму. Поверхность изваяния местами повреждена выветриванием и небольшими сколами. Вместе с тем, детали антропоморфа хорошо проработаны, показаны более или менее высоким рельефом, зашлифованы.

Иконографическая схема изваяния в основе своей традиционна — стоящая мужская фигура; левая рука слегка согнута, ее кисть — в верхней части левого бедра, правая рука согнута в локте, кисть ее придерживает древко копья. Руки отделены от туловища сквозными просветами, очень реалистично показаны пальцы левой руки. Ноги также разделены сквозным просветом, на уровне щиколоток "входят" в подпрямоугольный постамент. Высота сохранившейся части постамента 46 см, ширина 44 см, толщина 15 см (однако, так как постамент расколот по толщине примерно надвое, его действительная толщина была вдвое большей). По периметру верхней плоской грани постамента идет горизонтальный бордюр шириной 7 см, высотой до 1,5 см. В целом, постамент кажется непропорционально маленьким по сравнению с размерами самого антропоморфа (сохранился не полностью?).

Воин изображен одетым в короткий скифский кафтан с треугольным, подчеркнутым сдвоенной линией вырезом на груди. Сзади подол кафтана прямой, спереди — немного удлинен к середине тупым углом вниз. Поверх кафтана — комплект защитного доспеха: боевой наборный пояс из вертикальных (в натуре металлических) чешуек высотой 6–7 см, оплечья в виде гладких подпрямоугольных пластин длиной 37–40 см, шириной 15–20 см (в натуре, скорее всего, кожаных или войлочных). Там, где пластины выступают за уровень плеч, видно, что толщина их достигает 3 см. С помощью рельефного валика (кожаного жгута или ремешка), размещенного на плече, каждая пластина соединялась с большой гладкой пластиной толщиной 2 см, прикрывающей верхнюю половину спины и плечи; ее размеры (69–78^ж)х41 см. Верхний край защитной наспинной пластины заовален, нижний — ровный, горизонтальный. Реальный доспех такого типа изготовлялся, скорее всего, из кожи и войлока, возможно, покрывался чешуйчатой броней. Детали крепления доспеха к кафтану не показаны, но судя по археологическим данным⁹, для этого обычно использовались кожаные шнурки и ворворки.

Заслуживает внимания нижняя часть верхней одежды воина.

^ж Число 78 — реконструируемый размер пластины.

Ниже пояса она делится на три горизонтальные зоны, размещенные пирамидообразно, с напуском верхней зоны на нижерасположенную. Две нижние зоны в отличие от верхней воспроизводят ряды крупных прямоугольных пластин в виде панцирного набора: каждая пластина закрывает левый (от зрителя — правый) край соседней пластины по всей ее длине. Аналогичную систему набора демонстрирует и изображение боевого пояса на том же изваянии. В натуре пластины, вероятно, металлические, нашивались прямо на полы кафтана или боевой рубахи. Зона, расположенная непосредственно под поясом, лишена пластин, чтобы не стеснять свободу движений в поясице. Данный доспех мог использоваться как конным, так и пешим воином.

Судя по имеющимся данным, доспех подобного типа (с длинным подолом, нагрудными и наспинной пластинами) заметного распространения у скифов не имел. Точную аналогию ему дает паноплия, изображенная на 2-м черноморском изваянии¹⁰. Определенное внешнее сходство имеет и защитное вооружение воина с лунарным щитом, изображенного на солохском гребне¹¹. Следует отметить, что оно не чисто скифское, а смешанное, скифо-эллиническое. Так, прикрывающая ягодицы и верхнюю часть бедер защитная "юбка" из вертикальных полос кожи, судя по проходящей в нижней части горизонтальной сдвоенной резной линии, состояла из двух заходящих друг на друга горизонтальных рядов свисающих кожаных полос. Подобные "юбки" из двух рядов полосок (усиленных металлическими накладками?) — характерная деталь этрусской и греческой паноплии УП—Ш вв. до н. э.¹² Применялись они в сочетании с кирасами и панцирями, обычно с оплечьями. Нижняя часть изображенного на изваянии из кургана 2 доспеха, внешне напоминая греческую боевую "юбку", очевидно, резко отличается от нее в главном. Судя по конфигурации нижней кромки пластин, они нашиты на подол кафтана, жестко закреплены, а не свисают свободно, как полоски "юбки". Предлагаемая реконструкция — вполне вероятная, но не единственно возможная. Бесспорным же представляется сам факт прямого воздействия греческой паноплии на конструкцию доспеха, воспроизведенную на данном изваянии.

Кистью правой руки воин прижимает к поясу древко копья, показанное высоким рельефом. Наконечник копья удлинненно-ромбической формы длиной 39 см (показано ребро пера) занимает значительную часть правого плеча. Нижний конец древка поме-

щался, очевидно, на левой голени.

На левом боку воина — реалистически выполненное изображение горита. Верхняя часть горита (отделение для лука) сбитая, отделение для стрел сохранилось полностью. В его прямоугольном окошке видны древки 12 стрел. Почти в центре отделения для стрел в высоком (3,5 см) рельефе показан предмет усеченно-конической формы с диаметром основания 7–8 см. Его верхнюю слегка вогнутую грань пересекает глубокая прямая борозда (позднейшего происхождения?). Подобные предметы обычно определяются либо как чаши — фиалы, прикрепляемые к гориту с помощью одного-двух ремешков, либо как умбоны. У правой боковой грани горита видна лопасть отделения для лука, у верхней грани — часть тетивы.

На шее воина — полуторавитковая гривна со слегка утолщающимися концами.

Фрагментами клейменных амфор из тризны курган датируется концом IV — началом III вв. до н.э.

Изваяние из кургана 4. Обнаружено на распаханной насыпи кургана. Раскопать курган не удалось, так как он засажен виноградом. На поверхности насыпи собраны фрагменты амфор IV–III вв. до н.э.

Сохранившийся обломок изваяния (рис. 5, 2) имеет параметры 47x37x15 см, воспроизводит верхнюю половину мужской фигуры (без левой руки). Поверхность его выветрена, правая рука с тыльной стороны повреждена плугом. Лицо уплощено, выделяется подбородок. На висках и затылке правильным рельефным полуovalом показана прическа (шлем?). Весьма реалистично смоделирована шея. Руки отделены от туловища сквозными просветами, причем правая рука под прямым углом согнута в локте. От плеч к середине груди идет углом неглубокая выемка, окаймленная плоским рельефным валиком шириной 2 см, вероятно, оторочкой треугольного выреза кафтана.

Судя по размерам сохранившегося обломка, изваяние не было крупным; высота его вряд ли превышала 140–150 см.

Изваяние из кургана 14. Два обломка антропоморфа и база к нему были обнаружены прямо на поверхности в юго-западном секторе насыпи кургана¹³. Обломки выветрены, выщерблены (рис. 6).

Верхняя часть изваяния сохранилась не полностью: обломаны руки. Размеры ее 68x55x21 см. Голова правильной оваль-

ной формы, кажется "вдавленной" в плечи, так как шея пластически не выделена. Лицевой овал плоский, следы моделировки черт лица не сохранились. Луновидными рельефными валиками показаны уши. Левое плечо выше правого. Судя по аналогиям из более северных степных районов, подобная асимметрия не случайна: если в руке показан ритон, ее плечо обычно выше другого. Сквозные просветы отделяют руки от туловища.

Треугольным вырезом ниже подбородка показан ворот кафтана. Между ним и лицевым овалом изваяния – рельефная однорядная гривна. На голове – полусферический шлем.

В центральной части груди прослеживаются остатки выполненного в рельефе изображения ритона. Ритон устьем соприкасался с острым углом выреза кафтана. Для усиления сходства он, очевидно, был на значительную глубину выдолблен сверху. Подобный прием горельефного воспроизведения ритона известен на скифском изваянии I в. до н.э. с хут.Ковалевского на Кубани¹⁴.

Нижняя часть изваяния представляет собой почти целиком сохранившийся постамент размерами 43х(34–29)х18 см удлиненно-трапециевидной формы. Постамент хорошо обработан; тыльная грань выветрена. По его верхней кромке на лицевой грани проходит невысокий горизонтальный бордюр, помимо декоративной функции игравший роль ограничителя при установке постаamenta изваяния в отверстие каменной базы.

База – неправильной формы плита размерами 106х100х27 см – найдена в непосредственной близости от обломков изваяния. Проритое в ней прямоугольное отверстие на верхней грани плиты имеет размеры 37х(23–28) см, на нижней – 36х(21–25) см. Так как сечение постаamenta изваяния в верхней части, под бордюром, составляет 34,5х17 см, то нет сомнения в принадлежности базы именно этому изваянию.

Описанные выше изваяния, за одним исключением, датируются I в. – началом III вв. до н.э. Воплощая единый иконографический канон, они существенно различаются размерами, количеством изображенных атрибутов, степенью антропоморфности, мастерством их ваятелей. Среди них есть антропоморфные плиты (с.Колоски, курган 13), плоские скульптуры (с.Приветное, курганы 4 и 14 и т.д.), круглые скульптуры (с.Приветное, курган 2). Очень интересны и самобытны изваяния из кургана 10 у с. Колоски, рассчитанные на фронтальное восприятие. По совокуп-

ности морфологических признаков они определяются как плоские скульптуры, хотя по существу являются переходной формой от плоской скульптуры и антропоморфной плиты к статуарному рельефу, также рассчитанному на фронтальное восприятие лицевой грани, несущей основную информационную нагрузку.

Высокий уровень художественного воплощения образа в изваянии из кургана 2 у с.Приветное, особенности изображенной паноплии свидетельствуют об изготовлении его эллинским мастером. Очень близкое данному 2-е черноморское изваяние позволяет с большой долей вероятности предполагать серийное производство антропоморфов по заказу скифской знати в камнерезных мастерских греческих городов Крыма¹⁵ и, следовательно, существование на каком-то этапе (вторая половина IV – начало III вв. до н.э.) весьма прочных экономических связей скифов и эллинов на территории полуострова. Однако, основная масса антропоморфов изготовлялась, несомненно, скифскими ваятелями. Сравнение более раннего (курган I) и более поздних (курган 10) изваяний из Колосковского могильника свидетельствует о заметном падении уровня художественного мастерства скифских камнерезов к началу III в. до н.э. Данный вывод совпадает с результатами наблюдений на материалах скифских изваяний более северных степных районов Причерноморья¹⁶. Отмеченной закономерности не подчиняются, однако, высокохудожественные экземпляры антропоморфов (типа приветинского из кургана 2), выполненные эллинскими мастерами.

Каменные монолитные, реже составные базы, использовавшиеся для закрепления изваяний на курганах, ранее были известны в степях к северу от Перекопа¹⁷. Обнаружение их и в Крыму подтверждает единство основной линии развития скифской антропоморфной скульптуры практически на всей территории степного Причерноморья, Приазовья, Северного Кавказа и Крыма.

Выбор в качестве материала для изготовления изваяний и баз именно известняка – ракушечника, легко обрабатываемого, но недолговечного камня определялся в первую очередь геологическими особенностями полуострова.

Представленная серия антропоморфных изваяний значительно расширяет наши представления о монументальном искусстве скифов Крыма, а также позволяет сделать ряд наблюдений об их использовании в "постсакральный" период их бытования. Немаловажно и то обстоятельство, что большинство изваяний в отличие от ранее известных в Крыму надежно датируется греческой амфорной

И л л ю с т р а ц и и

- Рис.1. Изваяния: 1 - из кургана 1 у с.Колоски; 2 - из кургана 2 у с.Приветное.
- Рис.2. Курган 4 у с.Колоски: 1 - фрагменты изваяния; 2 - база изваяния.
- Рис.3. Курган 10 у с.Колоски: 1 - фрагменты изваяния № 1; 2 - изваяние № 2.
- Рис.4. Изваяния: 1 - из кургана 13 у с.Колоски; 2 - база из кургана 5 у с.Ромашкино.
- Рис.5. Изваяния: 1 - фрагменты из кургана 1 у пгт Штормовое; 2 - из кургана 4 у с.Приветное.
- Рис.6. Курган 14 у с.Приветное: 1 - фрагменты; 2 - база изваяния.

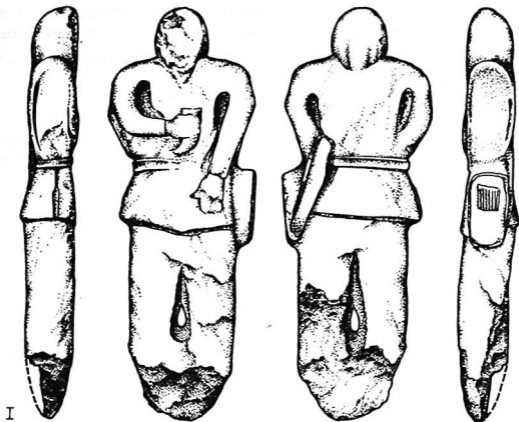
Л и т е р а т у р а

1. Яценко И.В., Ольховский В.С. Раскопки курганов у с.Колоски. -АО 1976 г. М.,1977, с.395.
2. Ольховский В.С. Исследования курганов у с.Колоски. -АО 1979 г. М.,1980, с.316.
3. Ольховский В.С. Исследования курганов в Степном Крыму. -АО 1981 г. М.,1983, с.298.
4. Ольховский В.С. Об алгоритме источниковедческого анализа антропоморфных изваяний. -Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ. Тезисы докладов III конференции молодых ученых ИА АН СССР. М.,1986, с.109.
5. Раевский Д.С. Скифские каменные изваяния в системе религиозно-мифологических представлений ираноязычных народов Евразийских степей. -Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. М.,1983, с.56.
6. Ольховский В.С. Раскопки в Сакском районе Крыма. -АО 1984 г. М.,1986, с.284.
7. Ольховский В.С. Раскопки..., с.284.
8. Ольховский В.С. Раскопки в Северо-Западном Крыму. -АО 1980 г. М.,1981, с.294.
9. Черненко Е.В. Скифский доспех. Киев, 1968, с.48-51.
10. Шульц П.Н. Скифские изваяния Причерноморья. -Античное общество. М.,1967, с.233.
11. Plotrovsky B., Galanina L., Grach N. Scythian art. Leningrad. 1987, Pl.129.
12. Connolly P. Greece and Rome at War. London, 1981, P.P.42,45, 57,58,70.
13. Ольховский В.С. Раскопки курганов в Степном Крыму. -АО 1983 г. М.,1985, с.329.
14. Шульц П.Н., Навротский Н.И. Прикубанские изваяния скифского времени. -СА, 1973, № 4, с.195, рис.3.
15. Ольховский В.С. О некоторых особенностях скифских изваяний Крыма. -Актуальные проблемы историко-археологических исследований. Тезисы докладов VI республиканской конференции

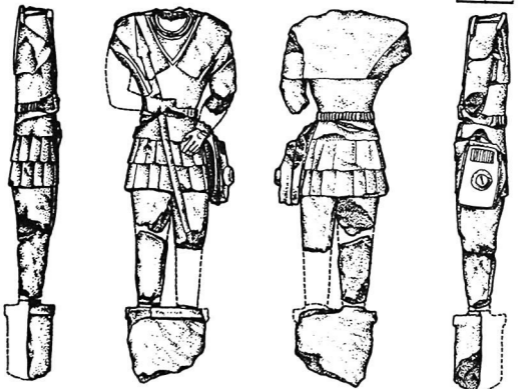
молодых археологов. Киев, 1987, с.122.

16. Евдокимов Г.Л. Памятники скифского монументального искусства. -Новейшие открытия советских археологов. Тезисы докладов на конференции. Ч.П. Киев, 1975, с.21; Белозор В.П. Скифские каменные изваяния VП-IV вв. до н.э. Автореф. дис. ... канд.ист.н. Киев, 1986, с.8.

17. Белозор В.П. Скифские каменные..., с.8; Ляшко С.М., Фрідман М.І. Скифська антропоморфна скульптура Нижнього Подніпров'я. -Археологія. Вип.60, 1987, с.74, 76.

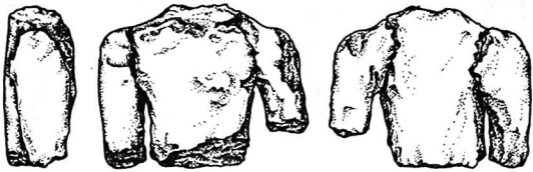

I

2

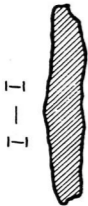
Рис. I

I

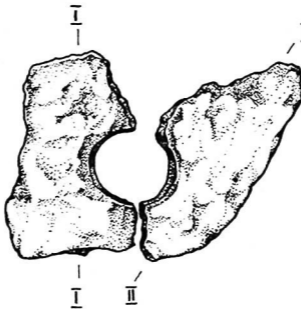

0 40 20

I
—
I

2

I
I II

I
—
I

0 40 20

Рис. 2

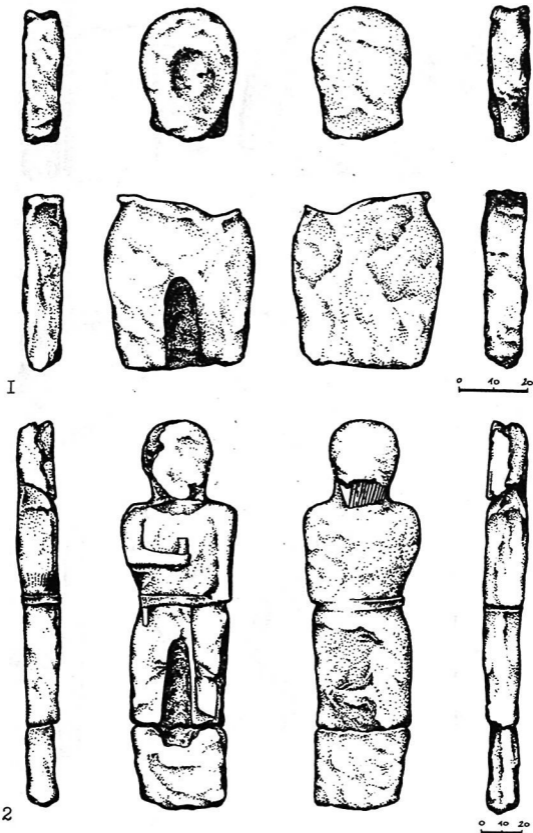

Рис. 3

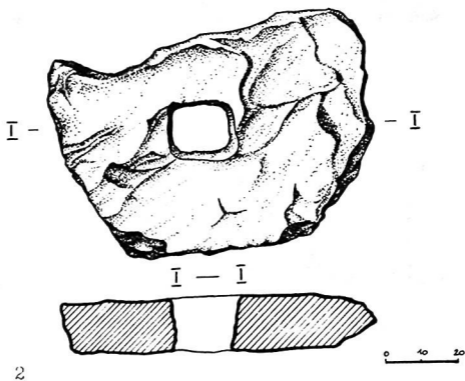
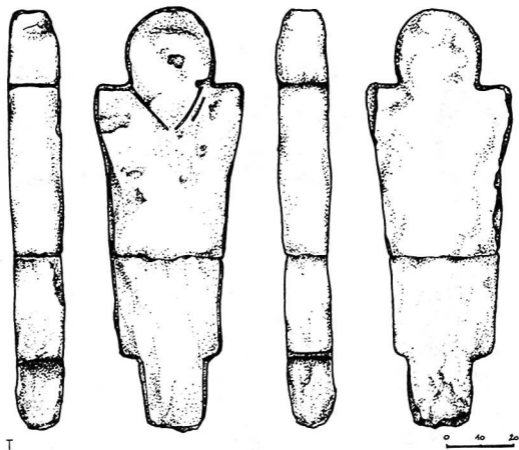

Рис. 4

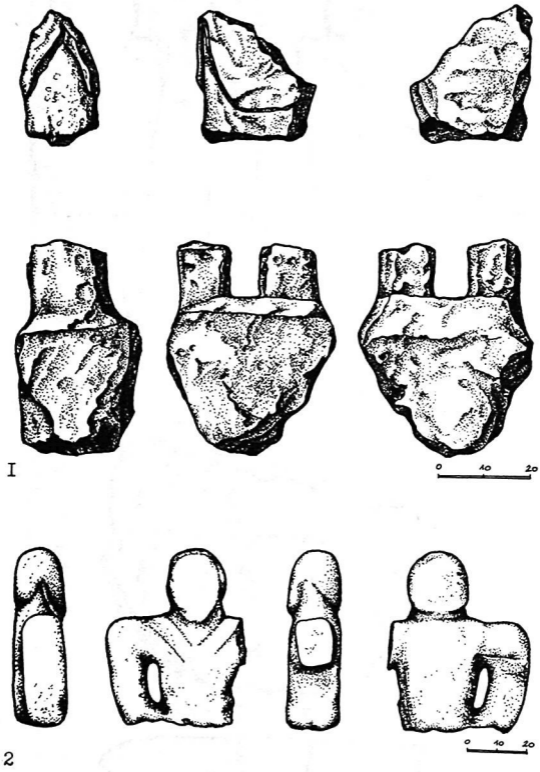
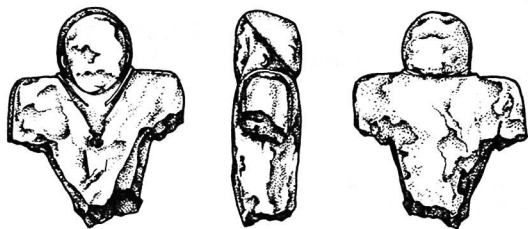

Рис. 5

0 40 20

I

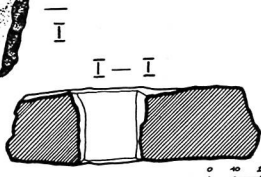
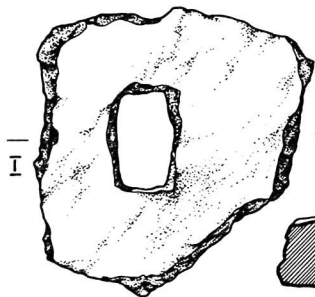

Рис.6

КЫПЧАКСКИЕ СВЯТИЛИЩА НА ЮГЕ КАЗАХСТАНА (Сандыкский перевал, г. Мерке)

Памятники, связанные с раннесредневековыми тюркскими жертвенниками, привлекают к себе все большее внимание. Правда, чаще всего ученые публикуют каменные изваяния, которые были широко распространены на обширной территории Центральной Азии. Каменные "бабы" или изваяния зафиксированы на севере Китая, в Монголии, в Туве, Южной Сибири, на Алтае, в Киргизии и Казахстане. Большие серии памятников опубликованы Д. А. Клеменцем, В. В. Бартольдом, В. В. Радловым, Н. И. Веселовским, М. П. Грязновым, Л. А. Евтиховой, С. В. Киселевым, Л. Р. Кызласовым, А. Д. Грачем, Я. А. Шером, С. А. Плетневой, Р. Ф. Итсом, А. А. Чариковым, Ф. Х. Арслановой, В. П. Мокрынниным, С. М. Ахинжановым и другими. Следует также вспомнить имена А. Сальмони, Л. Йисла, Э. Эсин, Н. Сэр-Оджава, Э. Триярского, Шинэхуу и О. Серткайя.

В данной работе особое внимание мы, как правило, сосредотачиваем на памятниках, сохранившихся непотревоженными, на каменных стелах, стоящих на своих первоначальных местах и в том своем комплексе, как они были установлены на высокогорных плато, перевалах, в горах Азии.

Одним из таких святилищ, сохранившихся *in situ*, и является южно-казахстанская серия памятников, расположенных на высокогорном плато за перевалом Сандык в отрогах Киргизского хребта. Это плато имеет среднюю высоту от 2 тысяч метров и более. Сюда и в древности, и в настоящее время поднимаются только пастухи со стадами и отарами в поисках пастбищ. Именно скотоводами и были впервые открыты святилища в горах.

Святилища эти расположены на нескольких плато, отделенных друг от друга перевалами. Иногда на одном плато обнаруживается несколько скоплений каменных выкладок с изваяниями и без них.

В результате обследования плато зафиксировано около пятидесяти каменных изваяний. Большая часть из них стоит (или

лежит, если упала) в центре или в восточной части каменных выкладок и ориентирована лицом на восток. Так как в распаханных степях Казахстана вероятность открытия таких хорошо сохранившихся святилищ очень мала, в нашу задачу входила полная фиксация всех найденных памятников, в том числе и каменных выкладок, протянувшихся порою на несколько километров. Особо следует отметить, что даже здесь, на высокогорном плато, в стороне от больших дорог уже началось использование каменных изваяний и камней из выкладок жертвенников для строительства загонов. Так, одно из изваяний обнаружено в каменной кладке огромного загона, сооруженного чабанами из десятков каменных курганов.

В целом, все осмотренные и зафиксированные памятники весьма сходны между собой¹. Автор надеется, что из последующего описания памятников возникнет возможность ответить на вопросы, неоднократно поднимавшиеся нашими предшественниками. Прежде всего, уже со времен Н.И.Веселовского обсуждается вопрос, не получивший по сей день ответа, могла ли часть южно-русских скульптур иметь предшественников в Казахстане². Половецкие скульптуры нашли большое отражение в литературе³, на очереди проблема идентификации наиболее ранних памятников из половецких степей и районов Казахстана. Второй вопрос: что же послужило причиной отхода от веками сложившихся традиций и создания не мужских скульптур, а женских фигур без оружия и пояса, и почему часть из них показана не стоящими, а сидящими? Возник вопрос и о назначении каменных изваяний. Были ли только половцы авторами многих значительных перемен в иконографии скульптур, и были ли у них прообразы? Прав ли Г.А. Федоров-Давыдов, утверждавший, что отсутствие каменных оградок около статуй, найденных в южно-русских степях, не является последним аргументом, ибо вследствие отсутствия данных "пока ничего не может представить нам для характеристики культур у кочевников Восточной Европы"⁴. Следовательно, те материалы, которые мы обнаруживаем в Казахстане, могут быть достаточно интересны и для рассмотрения отдельных вопросов, связанных с каменными изваяниями и жертвенниками половцев южно-русских степей.

Цель данной статьи дать описание конкретного памятника из Южного Казахстана, сохранившегося в условиях ненаселенного высокогорья. Это каменные изваяния и каменные выкладки вокруг

них или ряды жертвенников, являющиеся связующим звеном между подобными жертвенниками Востока и Запада.

На самой вершине Меркенского перевала при входе в Сандыкскую долину (или плато) у верховьев реки Жаланаш у подножья невысоких горных выходов, покрытых плохо сохранившимися наскальными рисунками, обнаружено два кургана (диаметр первого 4,5 м, второго — 21 м, высота, соответственно, 0,3 и 0,5 м, расстояние между ними 6 м). В 75 м к западу от большого кургана лежит каменная стела (в настоящее время она упала и раскололась). Первоначально она стояла на большом кургане, в его центре (свидетельства очевидцев). Она высечена из серого гранита (высота 1,05, ширина 0,25, толщина 0,12 м). Обработана лишь одна сторона. Показана женщина в высоком головном уборе, с сосудом, который она держит двумя руками. Это каменное изваяние № 1. Ширина головы равна по ширине туловищу. Голова выделена выемкой, отделяющей ее от туловища. Брови, глаза, щеки, подбородок, груди, руки и сосуд выпуклые. Длинный прямой нос и брови переданы выпуклой линией Т-образной формы, овальными выступами переданы глаза и рот с углублениями внутри. В результате лицо передает изящные черты, а неправильные круги на щеках прекрасно имитируют румянец. Женщина показана обнаженной, кисти рук не проработаны, а руки не согнуты в локтях. Сосуд имеет пиалообразную форму, но дна его не видно (рис. I, I).

В той же Сандыкской долине, в ее восточной части, в верховьях реки Жаланаш найдены три изваяния, расположенные на двух курганах, связанных территориально: они насыпаны на одном и том же холме. Это жертвенник с каменными скульптурами № 2, 3 и 4. Каменные изваяния № 2 и № 3 лежат в центре кургана в грабительской яме. Они потревожены и сдвинуты с первоначальных мест, в результате стела № 2 в настоящее время стоит вертикально, но вниз головой.

Изваяние № 2 (рис. I, 2) вытесано из красного гранита (размеры его: 0,74x0,29x0,19 м). Голова отбита. Руки показаны параллельно туловищу, согнуты в локтях. Не проработаны ни кисти рук, ни пальцы. Сосуд в обеих руках имеет битреугольную форму, подобно кубку (диаметр венчика равен диаметру доннышка — 9 см).

Изваяние № 3 (рис. I, 3) вытесано из такого же красного гранита, как и предыдущее (№ 2). В настоящее время они лежат

рядом. Размеры этого изваяния: 0,62x0,25x0,18 м. Обломана нижняя часть, однако, создается впечатление, что сосуд не был показан, хотя руки расположены параллельно туловищу и слегка согнуты в локтях. Проработана лишь одна (лицевая) сторона скульптуры. Единственная деталь, показанная с боковых сторон, раковина уха без серьги. Голова отделена от туловища небольшим углублением. Характерно переданы нос и брови в виде единой Т-образной фигуры, глаза — в виде миндальных выпуклин, выпуклый овал рта.

Изваяние № 4 (рис. I, 4) относится к той же группе жертвенника, что второе и третье изваяния. Оно вытесано из мелкозернистого красного гранита (0,68x0,28x0,16 м). В верховьях реки Жаланаш насыпан курган диаметром 8,5 м. Изваяние установлено в центре и обращено лицом на северо-восток. Проработана лишь одна сторона камня: на ровном блоке едва заметным углублением выделена линия шеи, отделяющая голову (ширина лица и туловища одинаковая). Лицо передано схематично: Т-образная линия бровей и носа едва выступает также, как и полукруглая глаз и прямоугольник рта. Острый подбородок не имеет следов бороды. Вообще никаких признаков пола не отмечено, как не показана и одежда; не видно ни рук, ни сосуда, ни украшений.

В том же Жаланаш сае, в верховьях реки Жаланаш, в нескольких километрах от Сандыкского хребта обнаружена каменная выкладка диаметром 7,5 м и высотой 1 м. В центре выкладки стоят две стелы, рядом, обе лицом на восток. Это каменные изваяния № 5 и 6.

Изваяние № 5 (рис. I, 5) вытесано из красного гранита (0,82x0,36x0,16 м). Обработана лишь одна сторона, с боков показаны только уши. Голова отделена от туловища углублением. Глубоким рельефом подчеркнуты руки, согнутые в локтях; в обеих руках показан сосуд, скорее всего, стаканообразной формы с широким горлом. Под руками вытесана полоса шириной около 7 см, а далее камень не обработан. На широком лице с кругами глаз и рта брови и нос образуют Т-образную фигуру.

Изваяние № 6 (рис. I, 6) вытесано из красного гранита (0,59x0,18x0,11 м), стоит рядом с № 5, также обращено лицом на восток. Очевидно, сохранилось его первоначальное положение. Стандартно показаны одной фигурой брови и нос. Глаза, нос, рот и брови выпуклые благодаря тому, что углублен фон

вкруг них. Линии шеи и рук едва намечены. Руки показаны вытянутыми вдоль тела. Не видно ни кистей рук, ни сосуда.

Изваяние № 7 (рис. П, 7) лежало посредине каменного кургана (диаметр 9 м), сложенного из крупных блоков, часть которых имеет высоту более метра. Изваяние (0,96x0,33x0,17 м) вытесано из серовато-коричневого гранита. Курган расположен в Жаланаш саяе в Сандыкской долине в 1,5 км от скалы с наскальными рисунками. Стела упала там, где стояла, поэтому легко реконструировать, что она первоначально была обращена лицом на восток. Высокие камни, окружающие стелу, составляют прямоугольную камеру, которую окружает груда камней. Голова изваяния обломана и не обнаружена среди завала камней. Туловище проработано по обычному стандарту: опущенные вдоль тела руки показаны весьма схематично и непропорционально, ибо часть руки до локтя много длиннее остальной части; не проработаны кисти рук, едва намечены линии пальцев. В обеих руках — высокий сосуд в виде стакана, не расширяющийся ни книзу, ни вверх.

Изваяние № 8 (рис. П, 8) найдено в следующем, Тоган саяе той же Сандыкской долины. Оно стояло посредине каменного кургана, расположенного на высоком мысу, над самым летником чабанов. Размеры кургана: диаметр 5 м, высота 0,5 м. Изваяние вытесано из розового гранита (1,24x0,25x0,30 м). Округлая форма головы, Т-образная фигура бровей и носа, четко очерченные полукружия глаз и рта. Изящной изогнутой выпуклой линией показаны усы. Руки подчеркнуты с помощью углублений, выбитых параллельно боковым граням камня. Едва намеченными изгибами переданы локти. Также как и у предыдущих изваяний сосуд показан в обеих руках.

Изваяние № 9 (рис. П, 9) обнаружено также в Тоган саяе, в сандыкской долине, в 100 м к югу от Сандыкского хребта, в 4 км от Меркенского хребта. На трех холмах, возвышающихся над летником чабанов, зафиксирована серия каменных курганов, возможно, жертвенников тюркского времени. Около одного из курганов (диаметр 4,5 м, высота 0,5 м) лежало изваяние женщины, сделанное из крупнозернистого гранита темно-серого цвета. Стела лежала с северо-западной стороны кургана, сложенного из крупных блоков. Заготовкой изваяния послужил уплощенный камень с округлыми краями. Чтобы отделить голову от туловища, мастер, было достаточно выбить рельефную линию, которая под-

черкнула шею и острый подбородок. Выступом подчеркнуты большой нос и надбровные дуги. Линиями, слабо углубленными, переданы глаза и рот. Фигура показана обнаженной; поэтому видны два круглых выступа груди и руки. Последние переданы слабо изогнутыми в локтях и расположенными параллельно туловищу. Простыми параллельными углублениями показаны пальцы рук, что вообще характерно для изваяний этого района. Сосуд битреугольной формы помещен в обеих руках.

Изваяние № 10 (рис. III, 10). найдено в 1 км от Тоган сая, на перекрестке дорог из ущелий Тоган сай, Карасай и Мулалы. На высоком холме насыпан каменный курган, в центре которого раньше стояли три каменные бабы. В настоящее время на кургане осталось два изваяния (№ 11 и № 12), а третье лежит рядом с курганом у его северной стороны. (Это и есть изваяние № 10. Скульптура высечена из плоского камня (розовый гранит; 1,26x0,32-0,40x0,70 м)⁵, верхушка обломана по линии шеи. Обработана только лицевая сторона. Голова даже в самом широком месте уже, чем туловище. Голова с острой макушкой, но шапка не показана. В данном случае использована форма камня. На лице плохо различимы брови и нос, подчеркнутые едва выступающими линиями. Глаза миндалевидной формы, выпуклые, с углублениями внутри каждого. Рта не видно, ибо в этой части головы проходит трещина. Руки вытянуты вдоль туловища, согнуты в локтях. Сосуд показан в обеих руках, высокий, с едва намеченной битреугольностью.

Изваяние № 11 (рис. III, 11) находится в том же месте, на перекрестке дорог, в центре кургана, у края которого лежало изваяние № 10. Десять лет назад в центре кургана стояло три изваяния и все они были обращены лицом на восток. В настоящее время стела № 11 лежит, ее размеры: 1,24x0,24-0,27x0,12 м, сделана она из розового крупнозернистого гранита. Стела слабо обработана: на боковых сторонах показаны только выпуклые раковины ушей, голова четко отделена от туловища, едва намечена шея. На плоскости лица выделены рельефом брови и нос, выпуклины глаз и рта, слабо прочерчена линия усов. В обеих руках, показанных линиями, параллельными туловищу, согнутых в локтях, хорошо виден сосуд. Он имеет кубкообразную форму с большим поддоном; его размеры: высота 0,18 м, диаметр венчика 0,07, диаметр дна 0,08 м.

Изваяние № 12 (рис. III, 12) — оно также некогда стояло в

центре каменной выкладки. Сделано тоже из розового крупнозернистого гранита. В настоящее время упало и лежит рядом с № II. Его размеры: 1,28x0,4-0,26x0,17 м. Голова отделена от туловища выемкой, передающей шею. Дуги бровей соединены с прямым носом, образуют Т-образную форму. Глаза имеют вид выпуклых миндалин, внутри них едва заметны углубления. Руки вытянуты вдоль тела, согнуты в локтях. В руках показан сосуд, высота которого 20 см, диаметр венчика 9, диаметр дна 9 см. Лишайник, покрывающий большую часть камня, мешает определить, были ли показаны уши; можно предположить, что были.

Большой комплекс расположен вдоль обрыва в ущелье Мулалы. Этот жертвенник протянулся с севера на юг на несколько сот метров. Он начинается у подножья Киргизского хребта и заканчивается недалеко от Каралас сая. Около десяти крупных каменных выкладок (от некоторых остались лишь следы) окружены мелкими кольцеобразными насыпями диаметром от 4 до 20 м. С этим комплексом связаны изваяния № 13, 14 и 15. Каменная скульптура № 13 стоит в центре самого северного кургана. Изваяние № 14 лежит у края другого кургана, отстоящего от первого на 120 м к югу. Изваяние № 15 лежит рядом с № 14 около того же кургана (рис. IV).

Изваяние № 13 (рис. IV, 13) стоит в центре кургана, диаметр которого 7-5 м, высота 0,5 м. Изваяние стоит непоколебимое, на первоначальном месте, обращено лицом на восток. Хорошо видно издали. Серый гранит очень испорчен, обработана лишь одна сторона камня. Ширина лица и туловища одинакова. Островерхий головной убор может быть предположен исходя из формы камня, но графически он не показан. Брови и нос переданы рельефом; глаза в виде двух овалов с углублениями внутри. Слабо намечены линии рук, плохо виден сосуд, расширяющийся кверху.

Изваяние № 14 (рис. IV, 14): его размеры 1,11x0,32x0,19 м, лежит у края кургана, диаметр которого 7 м, высота 0,6 м. Скульптура сделана из светло-серого гранита. Это изображение женщины: подчеркнуты линии груди, большое ожерелье, высокий головной убор, опускающийся мысом над бровями. Хорошо проработанное лицо с полукружиями бровей и прямым носом. Изящно очерчен маленький рот. Руки согнуты в локтях, и в обеих показан сосуд битреугольной формы (его диаметры: венчика 0,09 и дна 0,08 м). Изваяние № 14 по форме и отдельным деталям отли-

чается от предыдущих скульптур и имеет немало сходства с некоторыми половецкими бабами, о чем следует сказать особо.

Изваяние № 15 (рис.У,15) лежит рядом с предыдущим около кургана. Скульптура сделана из розового гранита. Голова отбита (обломки не найдены). Руки показаны вытянутыми вдоль тела, согнутыми в локтях. В обеих руках изображен сосуд стаканообразной формы: высота 0,19 м, диаметры 0,10 и 0,09 м.

Следующее изваяние находится за несколькими саями и перекладинами к западу от описанного выше жертвенника, на вершине Мулалы.

Изваяние № 16 (рис.У,16) находится в верховьях реки Мулалы, на вершине горы того же названия. Памятник хорошо виден со всех сторон. Он связан с каменной выкладкой-курганом. Диаметр кургана 11 м, высота 0,7 м. Он насыпан из крупных каменных блоков величиной до 0,5 м. В центре выкладки сохранилось углубление, возможно, первоначально именно там и стояло изваяние. В настоящее время оно стоит у юго-восточной стороны каменной насыпи. Размеры изваяния: 1,08х0,23х0,22 м. Оно вытесано из серого гранита с черными вкраплениями, поэтому рельеф виден очень плохо. Ширина головы не отличается от ширины туловища, линия шеи едва намечена. Голове даже не попытались придать округлую форму. На лице хорошо проработаны дуги бровей, выпуклый большой нос (больше, чем обычно). Глаза немного сдвинуты внешними углами вниз. Усы подчеркивают принадлежность к мужскому полу, они обрамляют длинный прямоугольный рот, переданный углублением. Свисающий тяжелый прямоугольный подбородок, возможно, обозначает бороду. Руки вытянуты вдоль тела, согнуты в локтях, держат сосуд. Длинный стаканообразной формы сосуд имеет одинаковые диаметры венчика и дна.

Каменные изваяния № 17, 18 и 19 – все найдены в Каралас саяе, причем первые два относятся к одному жертвеннику.

Изваяние № 17 (рис.У,17) стояло с южной стороны каменной выкладки, оно было обращено лицом на восток, сделано из серого гранита (1,13х0,27-0,28х0,14 м). Рисунок показан лишь с одной стороны скульптуры. Чуть продолговатое лицо отделено от туловища глубоким желобком (и этот желобок показан только спереди). Параллельно линии шеи выпуклой дугой изображено ожерелье. Прямая форма носа, сдвинутые брови, опущенные внешними концами вниз, прямой рот придают лицу суровое выражение.

С боков ракушкообразные уши. Очертания грудей, преувеличенно длинные руки передают женскую фигуру. Руки согнуты в локтях; несмотря на схематизм, левая рука изображена с кистью и проработанными четырьмя пальцами. Сосуд показан в обеих руках: высокий, стаканообразный, диаметры венчика и дна равны.

Изваяние № 18 (рис.У,18) — (0,93x0,29x0,19 м) связано с той же каменной выкладкой, что и изваяние № 17. Диаметр выкладки 7,5 м. Использованный для изготовления стелы камень имеет неправильную форму сужающегося книзу бруска. Это красный гранит, высеченный на нем рисунок почти не виден. На плоскости лица можно рассмотреть брови, переходящие в линию носа, прямоугольник рта и по бокам — уши. Руки, скорее всего, не были проработаны. Если изваяние № 17 стояло около кургана, то изваяние № 18 некогда стояло в центре его, а к настоящему времени упало.

Изваяние № 19 (рис.У,19) — (0,99x0,22x0,27 м) обнаружено нами в том же Каралас саяе на склоне горы, рядом с каменной выкладкой, диаметр которой 2 м. Стела стоит, скорее всего, на своем месте, не потревожена, т.е. около жертвенной ограды, обращена лицом на восток. Сделана из красноватого гранита, большая часть туловища покрыта лишайником. Круглый овал лица с широкими скулами (или щеками), традиционной Т-образной формы линия бровей и носа, выпуклые овалы глаз и рта. Вытянутые вдоль тела руки показаны согнутыми в локте, но без сосуда.

Изваяния № 20, 21 и 22 найдены все вместе около каменной выкладки, созданной в двух километрах от Сандыкского перевала, в междуречье рек Судусай и Карасай. Жертвенник насыпан из крупных камней на высоком холме. Его диаметр 9, высота 0,5 м (рис.У1).

Изваяние № 20 (рис.УП,20) — (0,99x0,32x0,16 м) стояло у восточной части выкладки, вытесано из оранжево-розового гранита. Камень был сломан и собран из трех частей. Изображения видны лишь с одной стороны (лицевой). Почти третью часть монумента (0,35 м) составляет голова, причем, наибольшая ширина лица равна ширине туловища; Т-образная фигура бровей и носа, выпуклые глаза и рот с углублениями внутри. Руки показаны более массивными, чем обычно. В обеих руках сосуд стаканообразной формы. Под руками и сосудом камень не тронут, рисунка нет.

Изваяние № 21 (рис. УП, 21) — (1,19x0,35x0,15 м) стояло рядом с изваянием № 20, в двух метрах от него. Изваяние вытесано из серовато-розового гранита. Голова была сломана и собрана нами из четырех частей. Черты лица переданы обычным стандартом того времени: линия бровей соединена с прямой полосой носа, щелочки глаз, прямоугольник рта. Небольшим углублением голова отделена от туловища. Параллельно этой линии передано выпуклое ожерелье. Руки длинные, согнуты в локтях, в них помещен сосуд. Стандартна и форма сосуда.

Изваяние № 22 (рис. УП, 22) — (1,46x0,36x0,17 м) лежало рядом со стоящими изваяниями. Вытесано из серого гранита и обработано тщательнее, чем остальные. Отделка тоже велась по принципу изъятия лишнего камня, так что выпуклый рельеф создавал брови, нос и глаза на плоском лице; рот передан углублением. Руки показаны с помощью желобков, вертикально выбитых на расстоянии 0,08–0,09 м от края камня. В руках сосуд прямоугольной формы. Ноги скрещены по-турецки.

Изваяние № 23 (рис. УШ, 23) — (1,02x0,28x0,12 м) найдено в той же долине, что и предыдущие три, в междуречье Карасая и Сулусая. Изваяние стояло на каменной выкладке, диаметр которой 7 м и высота 0,4 м. Рядом видны остатки большого кургана, разобранного чабанами, которые выложили из тех же камней надпись "МУРАТБЕК". Изваяние стоит в центре каменного кургана, обращено лицом на восток. Лицо, вытесанное обычными приемами, все-таки имеет индивидуальные черты и даже выражение, благодаря узким, близко посаженным глазам, тонким, четко очерченным губам, узкому длинному носу. Руки едва проработаны лишь в верхней части туловища. На остальной части изваяния — нетронутая порода камня, потому нет и изображения сосуда.

Изваяние № 24 (рис. УШ, 24) — (1,12x0,39–0,32x0,16 м) найдено в той же местности, что и изваяние № 23; в 250 м к востоку от него отмечен небольшой курган диаметром 7 м высотой 0,2 м. В центре кургана-выкладки лежало слабо обработанное изваяние. Следы обтески видны лишь в головной части: показаны брови, нос, глаза и рот. Ни шея, ни овал лица, ни руки — не проработаны.

Изваяние № 25 (рис. IX, 25) — (0,79x0,28x0,1 м) найдено в урочище Карасай Сандыкской долины в 800 м от Меркенского перевала. Стела лежала около плоского кургана диаметром 7,5 м

и высотой 0,3 м. Изваяние сделано из розового гранита, разломано на три части: две найдены, третьей нет. Сохранившиеся части демонстрируют туловище с руками, вытянутыми вдоль тела, сосуд в обеих руках (высота сосуда 0,1, диаметры: 0,05 и 0,55 м). Сосуд имеет стаканообразную форму.

Изваяние № 26 (рис. IX, 26) — (1,06x0,22x0,19 м) лежало в 15 м на восток от каменной выкладки, диаметр которой 9,5 м и высота 0,3 м. Курган насыпан на склоне горы, спускающейся к руслу р. Карасай. Стела вытесана из розового гранита, проработанного только в лицевой части. Дуги бровей спускаются концами вниз, сливаются в середине с носом; глаза — выпуклые миндалины, рот — небольшое углубление. Туловище не обозначено, нет ни рук, ни сосуда.

Изваяние № 27 (рис. IX, 27) — (1,01x0,27x0,09 м) лежало на высоком мысу у верховьев Чулака, к востоку от Меркенского перевала, рядом с каменной выкладкой (диаметром 7, высотой 0,6 м), насыпанной из крупных камней. Изваяние находится в 10 м от камней (к востоку). Оно сломано, голова отбита давно, найти ее не удалось. Гранит темно-красный, рисунок показан лишь с одной стороны: руки вытянуты вдоль туловища, в них сосуд баночной формы.

Изваяние № 28 (рис. X, 28) — (1,25x0,26x0,27 м) лежит в местности Жамбас. Высоко на горе сооружена единственная каменная кладка в виде кургана (диаметром 7 и высотой 0,8 м) из крупных камней до 40–50 см в длину. В 7 км к юго-востоку от кургана лежало изваяние, сделанное из розовато-красного гранита. Рядом с курганом выложены каменные кладки современников: "ДАНИЯР", "НУРМАХАН" и "АЯТБЕК", что означает, что ранее здесь были насыпаны курганы, из которых чабаны с этими именами и взяли камни для выкладок. У стелы хорошо проработана голова, расширяющаяся от макушки к скулам. Глубокий желоб отделяет голову от туловища, образуя шею. На плоскости лица выделены глаза с четко прорисованными зрачками, прямой нос, образующий с бровями линию Т-образной формы. Красиво изогнутые губы разделены небольшим углублением. Руки слабо проработаны, показана лишь изогнутость от плеча к локтю; нет ни кистей рук, ни пальцев. Зато с большим тщанием изображен сосуд кринкообразной формы: его высота 0,11 м, наибольшая ширина тулова 0,09 м и диаметры: венчика — 0,07 и дна — 0,06 м. Ниже сосуда и рук камень не обработан, это понятно, ибо нижняя

часть стелы должна была находиться в земле и в декоре не нуждалась.

Изваяние № 29 (рис. X, 29) — (0,66x0,31x0,14 м) найдено в местности Жамбас Сандыкской долины, около каменной выкладки, сложенной из крупных камней (диаметр выкладки 10 м и высота 1,2 м). Рядом с лежащей стелой № 29 у края каменной выкладки стояла стела № 30. Изваяние № 29 лежало у восточной части выкладки. Возможно, при раскопках можно будет найти и голову изваяния. Стела вытесана из серого ровного гранита, туловище чисто отесано. Руки переданы предельно схематично, согнуты в локтях, нет ни кистей, ни пальцев на руках. В обеих руках показан сосуд стаканообразной формы, у которого диаметры венчика и дна одинаковы.

Изваяние № 30 (рис. X, 30) — (1,03x0,21-0,22x0,17 м) было зарыто и завалено камнями и находилось у самого края кладки, ориентировано лицом на восток. Изваяние вытесано из серо-коричневого гранита. Выбивку делали острым предметом, точечные следы ударов которого удастся проследить. Вообще, работа очень тщательная: выбиты углубления вокруг глаз и носа, тонко очерчены брови и изгибы рта. Четкий, аккуратно очерченный овал лица и выемка шеи, рельефно выделяющиеся руки — все это приближает изображение к глубокому рельефу. Не показаны кисти рук, не видно сосуда.

Изваяние № 31 (рис. XI, 31) — (1,17x0,22-0,29x0,25 м) стоит в Чульсае Сандыкской долины. Недалеко от этого места найдена каменная кладка (в 30 м на юго-восток от стелы). Кладка эта (диаметром 10-11 м и высотой 0,7 м) сложена из крупных камней подквадратной формы. Кладка была разрушена в древности. Очевидно, первоначально изваяние стояло в центре выкладки или около нее. Вытесанное из темно-серого гранита, изваяние отличается законченностью и тщательностью отделки. Удлиненной формы голова уже, чем туловище, четко отделена от тела, что приближает изваяние к скульптуре. Линию овала лица дублирует линия выпуклого ожерелья. Показаны овальной формы глаза, прямоугольник рта с углублением, раковины ушей по бокам. Две выпуклые точки — груди. Округлой формы руки проработаны от плеча до локтя. В обеих руках сосуд битреугольной формы (высота сосуда 0,16 м и диаметры 0,07 и 0,06 м).

Изваяние № 32 (рис. XI, 32) — (0,83x0,25-0,28x0,13 м) стоит особняком в ущелье Чульсае, в 50 м от каменной выкладки. Кур-

Ган или выкладка (диаметр 12 м) довольно высокий (высота 1 м). Изваяние вытесано из красноватого гранитного блока. Голова круглой формы с заостренным подбородком. Брови и нос выпуклые за счет углублений, выбитых вокруг них, они образуют Т-образную форму. Глаза и рот переданы тремя углублениями внутри выпуклых овалов. Прямые линии рук параллельны туловищу, согнуты в локтях. Руки держат сосуд. В данном случае показаны пальцы обеих рук. Сосуд высокий и широкий, банкообразной формы. (высота 0,13 и диаметры по 0,09 м). Оригинально переданы уши — каждое двумя concentрическими кругами.

Изваяние № 33 (рис. XI, 33) — (0,99x0,26x0,18 м). В междуречье Судусая и Сундука Сандынской долины, юго-восточнее Меркенского перевала первоначально был насыпан курган или жертвенник, диаметр которого был 6—7 м. Чабаны разобрали его и выложили из тех же камней рядом с бывшим курганом каменную кольцевую выкладку, возможно, загон для скота. На месте жертвенника-кургана остались грабительская яма и следы ограды. Каменное изваяние стоит около жертвенника. Это скульптура красновато-желтого цвета, однако, скульптурой изваяние можно назвать весьма условно. Обработана только лицевая часть. Голова выделена двумя небольшими углублениями на месте шеи и плеч. Четко обозначены брови и нос, глаза и рот. Так как нет ни рук, ни сосуда, то о характере изваяния можно говорить, основываясь лишь на иконографических приемах изображения лица. Это каменное изваяние не уступает по выразительности вышеописанным, вполне может быть включено в серию самобытных, весьма характерных скульптур этого плато.

Изваяние № 34 (рис. XII, 34) — (1,16x0,23x0,27 м) найдено на юго-западе от Меркенского перевала, к югу от Судусая. Стоит около жертвенника (размерами: диаметр 11 м, высота 0,4 м). Южнее этого жертвенника в 75,5 м находится еще одна каменная выкладка (диаметр 14 м и высота 0,6 м) с грабительской ямой внутри. Изваяние стоит у юго-восточной стороны первой выкладки; оно вытесано из сигарообразного блока светлого, почти белого гранита. Обработана лишь одна сторона, притом, только лицо. Ниже сохраняется нетронутая порода камня (проведены лишь линии рук параллельно туловищу). Голова имеет форму усеченной пирамиды, возможно, имелся в виду и головной убор. Нос и брови переданы способом заглубления поверхности вокруг них, щеки, таким образом, тоже выпуклые. Рот показан простым

углублением. Подбородок утяжелен, можно было бы допустить, что так изображена борода, однако, эта деталь ни разу не подчеркнута, никак не показана в изваяниях Сандыкской долины, поэтому, скорее всего, здесь этот элемент просто не имелся в виду. В таком случае это тяжелый подбородок, часто показываемый на каменных изваяниях.

Изваяние № 35 (рис. XII, 35) — (I, 14x0,29—0,32x0,1 м) найдено в том же небольшом ущелье на узком мысу, спускающемся к тому месту, где сливаются горные речки Сулусай и Сувндук. Изваяние стоит в центре каменной выкладки (диаметр 6, высота 0,5 м), ориентировано лицом на юг. Но, так как оно было потревожено, то можно допустить, что первоначально оно стояло здесь же, хотя, вероятно, имело иную ориентацию. Изваяние вытесано из красноватого крупнозернистого гранита. Четко выделена голова круглой формы, подчеркнута линия шеи и плеч. Близко посаженные глаза показаны овальными выпуклостями, прямой нос передан за счет углубления фона вокруг него. Рот имеет форму углубленного прямоугольника. На туловище подчеркнута только одна деталь, но весьма значительная для определения пола, — близко расположенные друг к другу две выпуклые точки груди.

Изваяние № 36 (рис. XIII, 36) — (0,68x0,29x0,23 м) из ущелья Улусай Сандыкского плато. Оно расположено на перевале, на высокой горе. Каменная выкладка сохранилась не полностью, рядом с древней выкладкой насыпана новая, поэтому трудно судить о размерах древнего жертвенника. Изваяние сломано, его основание врыто глубоко в каменной кладке, вторая часть лежит здесь же. Лицо видно нечетко, на серой породе гранита едва различимы глаза и нос. На туловище можно заметить два круга груди и верхнюю часть сосуда, расширяющегося кверху, очевидно, битреугольной формы.

Изваяние № 37 (рис. XIII, 37) — (0,9x0,28—0,25x0,13 м) также найдено в Улусае, под той горой, на которой стоит изваяние № 36. Жертвенник, на котором стоит изваяние № 37, густо порос арчой, но его можно измерить: его диаметр 6—5,6 м, высота около 0,6 м. Изваяние вытесано из серого гранита и ориентировано лицом на восток. Также, как и у предыдущих, обработана только одна сторона изваяния. Голова почти квадратной формы, лицо с острым подбородком, резко выступающими бровями, прямым длинным носом. Рот, в отличие от всех вышеописанных фигур,

прорисован тщательно, показан в улыбке, с уголками, поднятыми вверх. Голова отделена от туловища глубоким желобком. Руки вытянуты вдоль тела, согнуты в локтях. Сосуд показан в обеих руках, видны также пальцы обеих рук. Сосуд высокий, стаканообразной формы. Показаны также ноги в мягких сапогах, они изображены непропорционально маленькими, согнутыми в коленях, но не скрещенными.

Изваяния № 38, 39, 40 и 41 находятся в Улусае на одной и той же каменной кладке, насыпанной в центре плато. Они хорошо видны со всех сторон. Выкладка имела, возможно, форму квадрата со сторонами 13 м (современная длина одной стороны 9 м), высотой 0,8 м. Жертвенник выложен из больших глыб, но в настоящее время частично разрушен.

Изваяние № 38 (рис. XIV, 38) — (0,81x0,37x0,19 м) стояло наклонно у северной стороны жертвенника. Оно было обломано и, судя по тому, что его основание врыто в центре выкладки, можно полагать, что и весь памятник первоначально стоял в центре (см. рис. XIV). Оно сделано из серого гранита. Голова уже туловища, отделена линией подбородка, подчеркнуты широкие плечи. Традиционно изображены брови и прямой нос одной Т-образной фигурой; глаза в виде двух миндалин, рот чуть изогнут уголками вверх, четко очерчены выпуклые губы. В вытянутых руках, едва согнутых в локтях, изображен сосуд, по-видимому, стаканообразной формы. По линии сосуда изваяние обломано.

Изваяние № 39 (рис. XIV, 39) — (0,95x0,24x0,14 м) из Улусая стояло рядом с изваянием № 38 около выкладки. Вытесано из бежево-серого гранита, рисунок показан лишь с одной стороны. С боков на голове видны выпуклые раковины ушей с углублениями внутри. Голова скульптурно выделена, обычное изображение бровей и носа единой непрерывной выпуклой линией, рот с углублением внутри. Это изваяние отличают глаза, переданные двумя кругами. Руки вытянуты вдоль тела, согнуты в локтях, в обеих руках сосуд, который имеет стаканообразную форму: высота 0,13 м, диаметр венчика и дна почти одинаков — 0,06 и 0,07 м. Камень обломан внизу, в той части, где не было рисунка.

Изваяние № 40 (рис. XIV, 40) — (0,74x0,2x0,18 м) из того же Улусая. Он вытесан из серого гранита, рисунок виден плохо. На лицевой стороне проработана голова, четкой овальной линией отделенная от туловища, две руки и в них сосуд. Далее ка-

мень обломан. Можно предположить, что сосуд имел стаканообразную форму. Лицо несколько выступает подбородком вперед, с боков видны уши в виде двух концентрических овалов. Позднее была найдена нижняя часть этого изваяния.

Изваяние № 41 (рис. XIV, 41). Сохранилась нижняя часть; возможно, при раскопках удастся обнаружить и верхнюю часть стелы. Она была вкопана внутри выкладки, там же, где и три предыдущие изваяния. На сохранившейся части видны рука, держащая сосуд, и сам сосуд стаканообразной формы.

Изваяние № 42 (рис. XV, 42) найдено в ущелье Улусай, у входа в ущелье Коянсай. Скульптура стояла среди крупных камней выкладки. Рисунок намечен очень схематично: на треугольной формы лице намечены три углубления — глаза и рот.

Изваяние № 43 (рис. XV, 43) стояло на высокой горе, расположенной на противоположной стороне ущелья Улусай. На самом мысу горы насыпана каменная выкладка, в центре которой врыто изваяние (0,55x0,29x0,40 м). Вытесано из серого гранита. Видно лицо с Т-образной фигурой бровей и носа. Глаза опущены уголками вниз. Рот прямоугольный, выпуклый, с углублением внутри. Рук не показано, сосуда нет.

Изваяния № 44 и 45 лежат около каменной выкладки, высота которой 10 см. Обе стелы изображают женские портреты с головными уборами (рис. XVI, 44, 45).

Изваяние № 44 (рис. XVI, 44) лежало около кургана. Его высота 110 см, ширина 24–25 см. Следует отметить, что у скульптуры показаны два выпуклых круга груди, а также высокий головной убор (скорее всего, женский). Проработаны, в основном, только детали лицевой части стелы, с боков показаны лишь раковины ушей. Брови и нос образуют единую Т-образную фигуру. Глаза и рот переданы прямоугольниками с углублениями внутри. На туловище трактованы двумя выпуклыми полосами руки, согнутые в локтях. В обеих руках сжат сосуд, видны пальцы. Сосуд имеет форму стакана, горловина которого шире, чем дно.

Изваяние № 45 (рис. XVI, 45) первоначально стояло также, как и предыдущее; в настоящее время оба лежат рядом с каменной выкладкой. Голова сломана. Размеры: 138x25x15 см. Изваяние высечено из серого гранита. Высокий, сужающийся кверху головной убор и две точки груди позволяют думать, что это — женское изображение. Единой линией переданы брови и нос. Глаза — маленькие выпуклые овалы, рот в виде прямоугольника с

углублением внутри. Руки переданы линиями, параллельными туловищу, согнутыми в локтях. Сосуд помещен в обеих руках и имеет форму стакана. Намечены пальцы рук.

Мы описали большую часть изваяний Сандыкского плато, оставив вне внимания плохо сохранившиеся или мало выразительные стелы. Можно уверенно сказать, что все описанные жертвенники объединяются по ряду признаков в самостоятельную локальную группу. Все стелы этого региона, стоящие непоколебленными, поставлены на восточном краю или в центре жертвенников, представленных в виде каменной выкладки круглой или квадратной формы. Большая часть каменных изваяний обращена лицом на восток. Среди пятидесяти стел ни разу не показан пояс, ни разу не изображено оружие, что было неотъемлемой частью турецких каменных изваяний Центральной Азии и Казахстана. Не встречено ни одного случая изображения сосуда в одной руке: он либо в обеих руках на уровне живота, либо отсутствует. Часто подчеркнуты такие женские черты как два круга груди, иногда "румяна" на щеках в виде двух кругов. Ни кафтанов, ни каких-либо деталей одежды также не отмечено, зато несколько раз подчеркнуты большие массивные витые гривны. Отсутствие пояса косвенно свидетельствует в пользу женского изображения. Интересно вспомнить в этой связи, что в Монголии женщину до сих пор называют "бусгуй" — "беспоясная". Правда, среди древних скульптур Казахстана (на Сандыкском плато) и мужские фигуры также показаны без пояса и без оружия. Единственный и наиболее яркий признак мужского пола — усы. Самое характерное украшение — серьга.

Особенно интересны с точки зрения датировки памятников изображения сосудов в руках предков: преобладает стаканообразная форма, мало характерная для других районов Казахстана и Центральной Азии. В пределах Казахстана подобные сосуды датируются IX—XI вв.⁶, а половецкие "бабы" с такими сосудами относятся к X—XI вв.⁷. Многочисленны и изображения сосудов битреугольной формы, напоминающих кубки на высоких ножках. Возможно, что это не глиняные сосуды, а металлические: кубки уже были известны и на семиреченских фигурах, и на половецких⁸. И, наконец, дважды на изваяниях показаны кувшинообразные криньки (№ 27 и 28). Подобные горшки известны и на изваяниях более ранних (в Семиречье и в Туве)⁹, и на более поздних — половецких.

О близости каменных изваяний Казахстана половецким свидетелем являются гривны, показанные несколько раз. Они не были типичным элементом древнетюркских изваяний мужчин. Скорее всего, гривны можно рассматривать и как свидетельство этнического родства создателей скульптур, и как доказательство более поздней, сравнительно с древнетюркскими "бабами", дате сандыкских статуй.

Нужно также упомянуть о высоких головных уборах, иногда показанных на наших скульптурах. Подобные головные уборы совершенно отсутствуют в Монголии, это — исключительное отличие казахстанских "баб", скорее всего, женского рода. Кстати, эти головные уборы напоминают казахские женские шапки — кимешек, существовавшие вплоть до конца XIX века¹⁰. О наличии связей между сходными формами сосудов и головных уборов как свидетельств этногенетической и культурной близости племен кыпчаков Казахстана и южно-русских кыпчаков — половцев уже говорилось неоднократно¹¹.

Итак, аналогии в манере держать сосуд в двух руках, формы сосудов, изображение груди, отсутствие пояса с оружием — все это позволяет сравнивать жертвенники Сандыкского плато с изваяниями IX—XI вв. из Семиречья и Прииртышья, а также с некоторыми половецкими "бабами" южно-русских степей. Последние датируются XII—XIII веками и связаны с продвижением кыпчаков из Казахстана в степи Восточной Европы.

Можно допустить, что между племенами древних тюрков на Орхоне, Тувы, Казахстана и Киргизии (VI—VIII вв.) с одной стороны, и половцами и другими тюркоязычными племенами Восточной Европы — с другой, лежит целая историческая эпоха. И, естественно, что трансформируясь во времени и пространстве, обряды и культы древних тюрков претерпели серьезные изменения; но в общих чертах, главная идея не была утрачена ни в обряде, ни в сути жертвоприношений и установки идолов в честь предков¹².

Вот почему обряд поминания предков, описанный В. Рубруком по его наблюдениям над половцами, представляет бесспорный интерес и для понимания описанных жертвенников Казахстана. "Команы (или кыпчаки — Э.Н.) насыпают большой холм над усопшим и воздвигают ему статую, обращенную лицом к востоку и держащую у себя в руках перед пупком чашу... Я видел недавно одного умершего, около которого они повесили на высоких

жердях шестнадцать шкур лошадей, по четыре с каждой стороны мира, и они поставили перед ним для питья кумыс, для еды мясо, хотя и говорили про него, что он был окрещен. Я видел другие погребения в направлении к востоку, именно большие площади, вымощенные камнями, одни круглые, другие четырехугольные, и затем четыре длинные камня, воздвигнутые с четырех сторон мира..."¹³.

Из этих строк можно сделать заключение, что кыпчаки (половцы) были язычниками, а также, что сосуд, изображенный в руках предков, очевидно, был предназначен для такого напитка, как кумыс. В день поминок (день поклонения) родственники собирались перед каменным изображением; совершали обряды (очевидно, на определенных площадках в оградках из камней). Сам предок как бы тоже присутствовал и был воплощен в каменном изваянии с сосудом в руках. Сравним описание В. Рубрука с более древними свидетельствами самих тюрков. Древнетюркская надпись на восточной части поминального комплекса в долине Асхате в Монголии высечена над рельефным изображением двух юношей в одинаковых одеждах, сидящих по обе стороны от их умершего отца, показанного в высоком головном уборе, гласит: "(Памятник) Текеша, младшего брата Кюль-тудуна... в день поклонения я вырезал. Муж Азганаз хорошо устроил. Так как мы не могли быть на похоронах Алтун Тамган-тархана, младшего брата Кюль-тудуна (мы сделали этот памятник)... Оставшиеся два сына его, Торгул и Йэльгек, в год свињи вы умерли. По уходе мы грустим, разлучившись (с вами)."¹⁴ Здесь же, над головой правой фигуры высечена родовая тамга, позволяющая датировать памятник VIII в, а между тамгой и надписью изображена птица – символ отлетевшей души покойного. Интересно, что в Казахстане, и более всего, в Семиречье весьма часто на каменных изваяниях высечена птица на одной руке и сосуд – в другой.

Итак, веками сохраняли тюркские племена традиции сооружения каменных идолов в память о предках, культ солнца и в связи с ним культ востока, а также культ предков. Следы этих культов обнаружены в Синьцзяне, Монголии, Казахстане и на юге России. Обряд поминания предка был первоначально связан с каменной оградкой или выкладкой. Именно такие оградки или выкладки мы обнаружили и в Казахстане. На Сандыкском плато мы зафиксировали сотни квадратных и округлых ог-

рад. Каменное изваяние стоит иногда с восточной стороны оградки, иногда – в центре ее. Вероятнее всего, каменных идолов ставили только знатым и именитым предкам, а для совершения поминок рядового члена рода достаточно было и каменной оградки или кургана. Об этом находим упоминания и у китайских авторов: "После похорон они складывают слоями (нагромождают) камни и ставят затем столб..."¹⁵. Именно такие каменные нагромождения отмечены нами на Сандыкском плато.

Итак, ясно происхождение чисто тюркского обычая ставить каменных идолов в память о предках, сооружать оградки и ориентировать скульптуры на восток. Остается вопрос: когда и где появился культ женщин и связанный с ним обычай вытесывать женские изваяния? Канон изображения женщин в высоких головных уборах, без поясов и оружия, но с сосудом в двух руках приходит вместе с кыпчаками из Восточного и Южного Казахстана в южно-русские степи. Можно ли объяснить этот обычай только влиянием времени, новым этапом в искусстве тюркских племен Евразии? Скорее всего, процесс шел сложнее. Культ матери-прародительницы, культ матери-земли, богини Умай, чье имя упоминается неоднократно в древнетюркских текстах, был одним из древнейших в Центральной Азии. Умай – богиня плодородия, покровительница детей отождествлялась по изображениям на камне в Казахстане и на Алтае, где показана богиня в трехрогой короне¹⁶. Если предположить, что каменные идолы женского рода появились лишь в позднетюркское время, в эпоху кыпчаков и трансформировались вместе с ними в половецких степях, то это значит исключить из эволюции женские фигурки в виде миниатюрных кукол, костяных и бронзовых амулетов, известных от Монголии и Якутии до Северного Кавказа. Удивительна устойчивость в передаче и трактовке хранительницы тюркского очага – обязательно с сосудом в обеих руках, часто в высоком головном уборе и с подчеркнутыми линиями больших грудей. А если такие находки сделаны и в Якутии – на периферии древнетюркского мира, то можно предположить, что идея возникла не в Казахстане и тем более не в южно-русских степях, а много ранее, еще в докыпчакский период, скорее всего в Монголии или южнее.

Именно глубокая древность ритуала, связь женского образа с мифологией древних тюрков и объясняет столь долгую живучесть отдельных ее элементов. Так известно, что веками сохра-

няются древние традиции на территории турков. Известны оградки, где в день поминок устраивают жертвоприношения казахи начала XIX века. Казахи Средней Орды (а в нее входили и племена кыпчаков) до XIX в. оплакивали умершего "перед куклой или болваном, который, будучи одет в платье покойного, служит плачущим вместо его изображения"¹⁷. На могиле они сооружали пирамиды из камня и глины, высокие ограды, где оставляли жертвоприношения.

Описанный вкратце памятник представляет хорошо сохранившееся и потому уникальное святилище кыпчакских племен, оставленное высоко в горах Кыргызского хребта в IX-XI вв. Новые материалы показывают, что в кыпчакских жертвенниках Казахстана женские изваяния преобладали, и что за редким исключением все они высечены с сосудом в двух руках; следовательно, можно считать, что эта традиция принесена в южно-русские степи отсюда.

На примере Сандыкского святилища можно также утверждать, что оградки и каменные выкладки, похожие на курганы, существовали в Казахстане вплоть до XI века, а также, что на этом памятнике каменные изваяния столбообразной формы со схематически переданными лицами существовали рядом и, очевидно, одновременно с более тонко проработанными скульптурами, у которых показаны гривны, груди, головные уборы и сосуды. Возможно также, различие между этими двумя типами не хронологическое, а объясняется социальными причинами.

Все вышесказанное позволяет считать жертвенники Казахстана промежуточным звеном между центральноазиатскими древнетюркскими каменными бабами мужского рода и половецкими женскими изваяниями южно-русских степей. Кыпчакские скульптуры Сандыкского плато замыкают в единую цепь все памятники тюркоязычных народов Евразии — свидетельства самобытной культуры кочевников, охватившей широкий регион.

И л л у с т р а ц и и

- I. Сандыкская долина, верховья реки Жаланаш.
2. Сандыкская долина, верховья реки Жаланаш.
3. Сандыкская долина, верховья реки Жаланаш.
4. Сандыкская долина, верховья реки Жаланаш.
5. Сандыкская долина, Жаланаш-сай.
6. Сандыкская долина, Жаланаш-сай.
7. Сандыкская долина, Жаланаш-сай.
8. Сандыкская долина, Тоган-сай.
9. Сандыкская долина, Тоган-сай.
10. Сандыкская долина, Тоган-сай.
- II. Сандыкская долина, Тоган-сай.
12. Сандыкская долина, Тоган-сай.
13. Сандыкская долина, ущелье Мулалы.
14. Сандыкская долина, ущелье Мулалы.
15. Сандыкская долина, ущелье Мулалы.
16. Сандыкская долина, верховья реки Мулалы.
17. Сандыкская долина, Каралас-сай.
18. Сандыкская долина, Каралас-сай.
19. Сандыкская долина, Каралас-сай.
20. Сандыкская долина, междуречье Сулусая и Карасая.
21. Сандыкская долина, междуречье Сулусая и Карасая.
22. Сандыкская долина, междуречье Сулусая и Карасая.
23. Сандыкская долина, междуречье Сулусая и Карасая.
24. Сандыкская долина, междуречье Сулусая и Карасая.
25. Сандыкская долина, урочище Карасай.
26. Сандыкская долина, урочище Карасай.
27. Сандыкская долина, верховья Чулака.
28. Сандыкская долина, Жамбас.

29. Сандыкская долина, Жамбас.
30. Сандыкская долина, Жамбас.
31. Сандыкская долина, Чульсай.
32. Сандыкская долина, Чульсай.
33. Сандыкская долина, междуречье Сулусая и Суюндука.
34. Сандыкская долина, к югу от Сулусая.
35. Сандыкская долина, Улусай.
36. Сандыкская долина, Улусай.
37. Сандыкская долина, Улусай.
38. Сандыкская долина, Улусай.
39. Сандыкская долина, Улусай.
40. Сандыкская долина, Улусай.
41. Сандыкская долина, Улусай.
42. Сандыкская долина, у входа в ущелье Коянсай.
43. Сандыкская долина, ущелье Улусай.
44. Сандыкская долина, ущелье Улусай.
45. Сандыкская долина, ущелье Улусай.

Л и т е р а т у р а

- I. Первую краткую сводку открытых памятников мы дали в статье Новгородова Э., Печерский А. Раннесредневековые скульптуры кыпчаков (новые находки 1984 г. в Джамбульской области). – Информационный бюллетень МАИКЦА, вып. 10. М., 1986.
2. Веселовский Н.И. О каменных бабах в Таврической губернии. – Археологические известия и заметки, т. 3. М., 1895, № 2-3.
3. Дашкевич Я.Р., Трыарски Э. Каменные бабы причерноморских степей. Коллекция из Аскании-Нова. Варшава, Краков, 1982; Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния. – Свод археологических источников, вып. Е 4-2. М., 1974; Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золото-ордынских ханов. М., 1966.
4. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники..., с. 193.
5. Две средние цифры обозначают ширину скульптуры сверху и внизу.
6. Сенигова Т.Н. Средневековый Тараз. Алма-Ата, 1972.
7. Плетнева С.А. Половецкие....
8. Чариков А.А. О локальных особенностях каменных изваяний Прииртышья. – СА, 1979, № 2, с. 184, 185.
9. Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. М., 1966, XXVI, 124.
10. Галимбаева А. Казахская национальная одежда. Алма-Ата, 1976, с. 56.
11. Чариков А.А. О локальных особенностях..., с. 185.
12. Каменные изваяния с сосудом в двух руках изредка встречаются и в монголии. Но особенно интересен памятник из Унгету, где обнаружены каменные изваяния без пояса, без оружия, иногда в высоком головном уборе и почти всегда со скрещенными на груди руками. См.: Ядринцев Н.М. Предварительный отчет об исследованиях по реке Толе, Орхону и в Южном Хангае. – СТОЗ, вып. I, СПб, 1892; Войтов В.Е. Каменные изваяния из Унгету. – Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М., 1987, рис. I-4.
13. Рубрук В. Путешествие в восточные страны. (Перевод Малей-

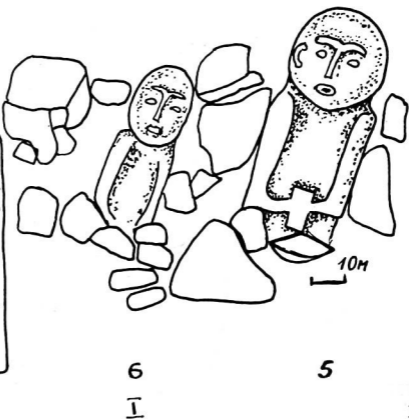
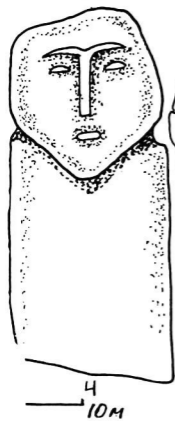
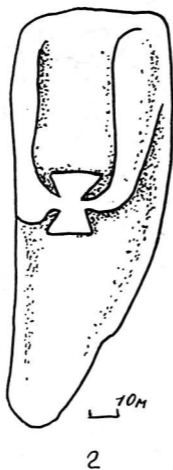
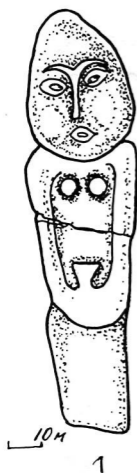
на). -Путешествие в восточные страны ПIANO Карпини и Рубрука. М.,1957, с.102.

14. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. 1959, с.45.

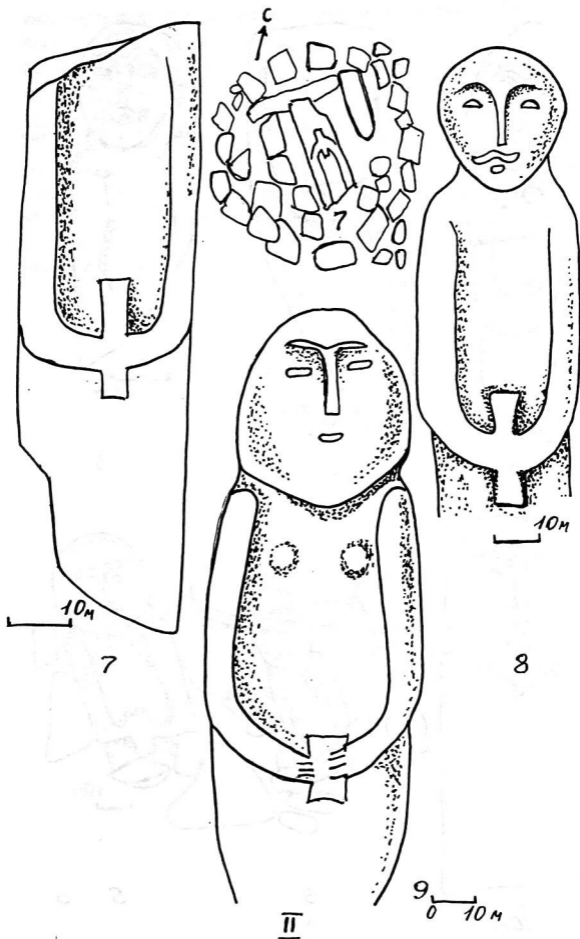
15. Liu Mau-tsai. Die chinsicen Nachrichten zur Geschichte der Ost-türken (T'u-küe). Wiesbaden, 1958, p.9

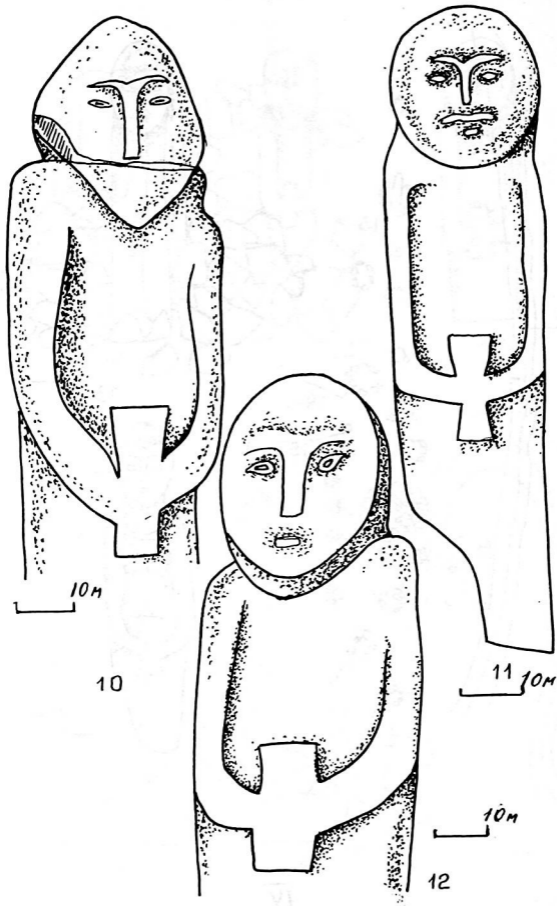
16. Ахинжанов С.М. Об этнической принадлежности каменных изваяний в "трехрогих" головных уборах из Семиречья-Арх. -Памятники Казахстана. Алма-Ата, 1978.

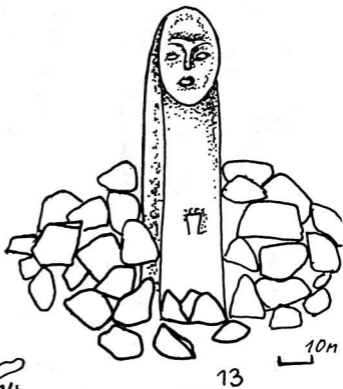
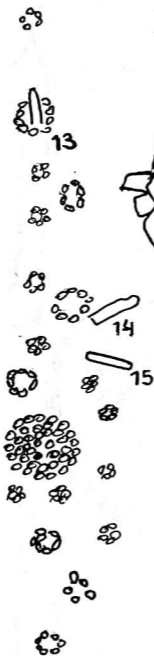
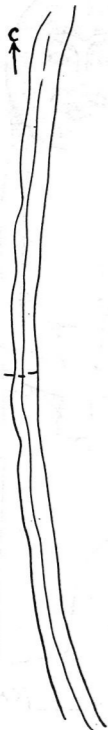
17. Левшин А. Описание киргиз-кайсацких орд и степей. Ч.Ш. - Этнографические известия. СПб, 1882, с.110.

6
I

IV

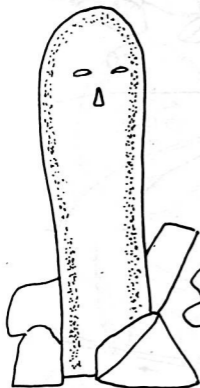
15

16

17

18

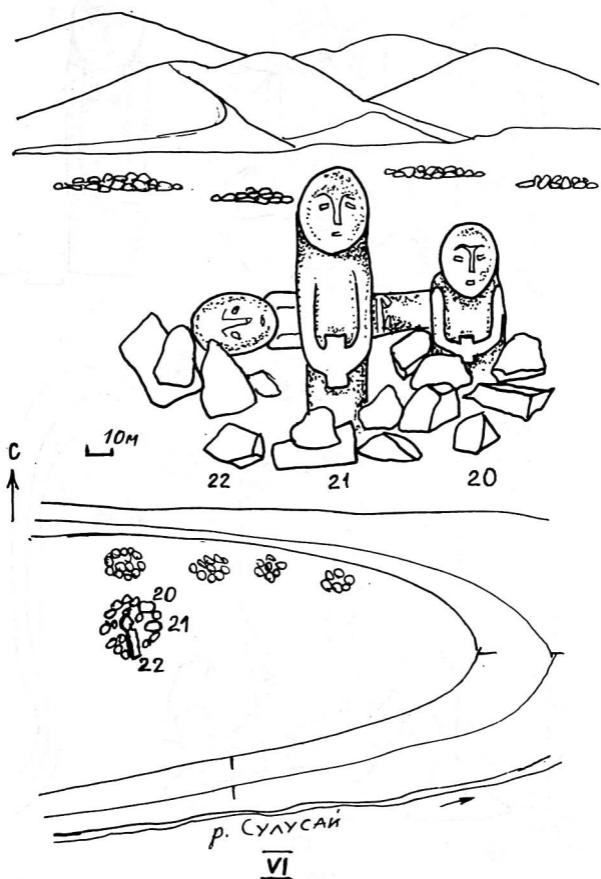

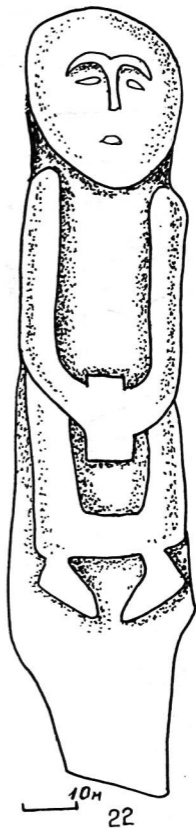
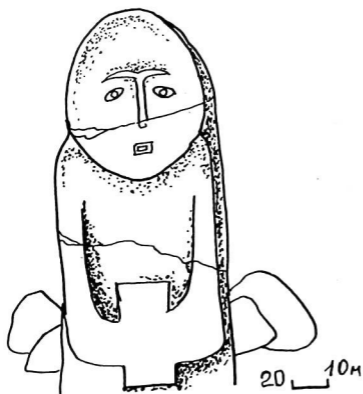
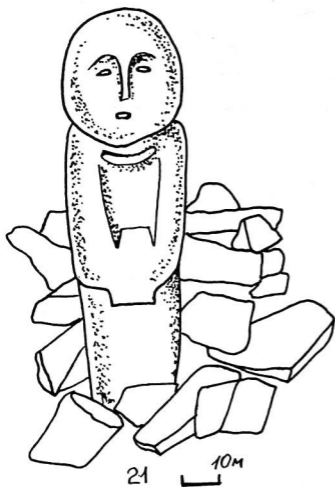
19

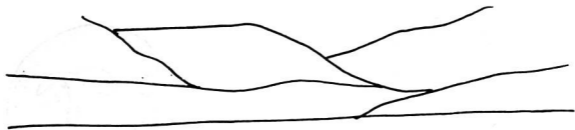

18

17

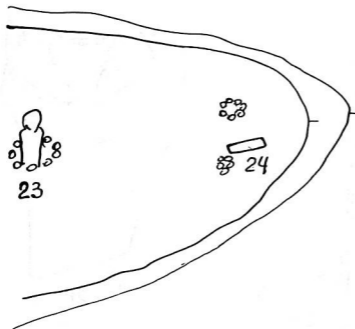

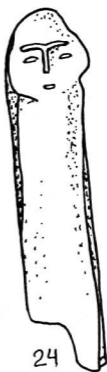
23

10 M

23

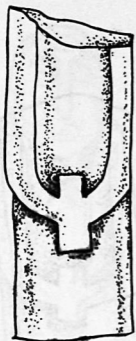
24

24

10 M

VII

10m 25

26

10m

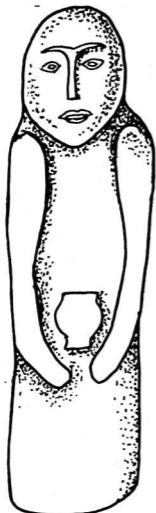
27

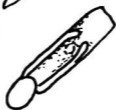
27

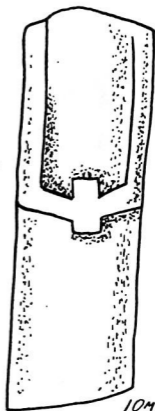
27

10m 28

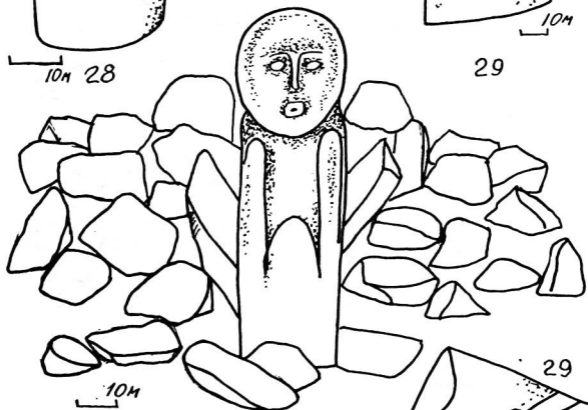

28

10m

29

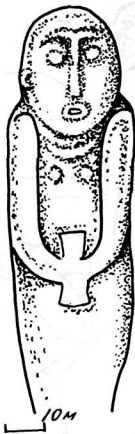
10m

30

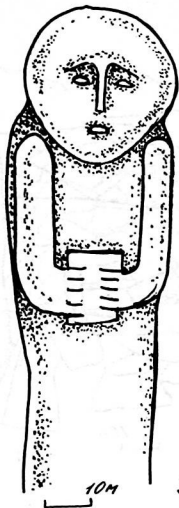
X

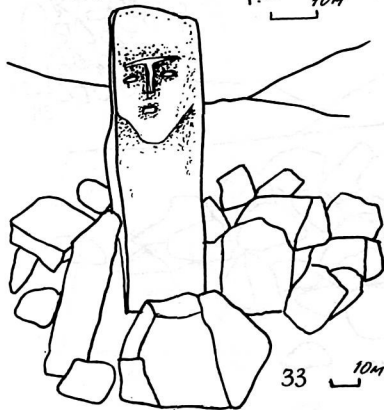
29

31

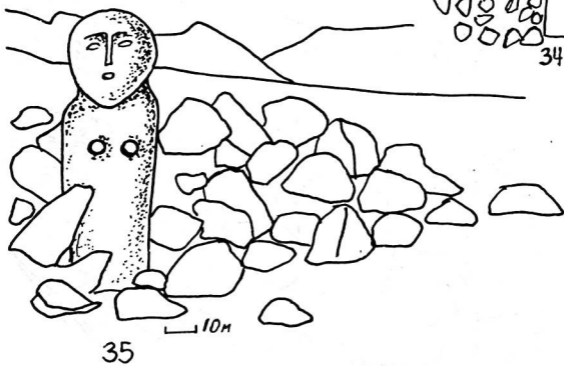
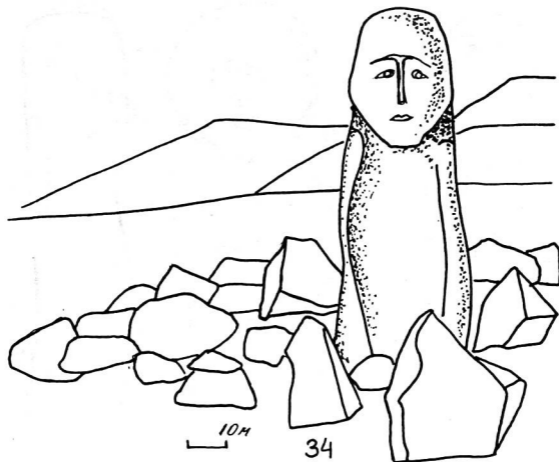

32

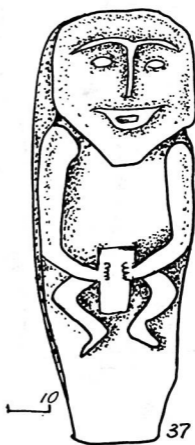
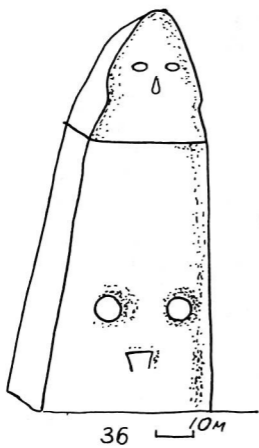
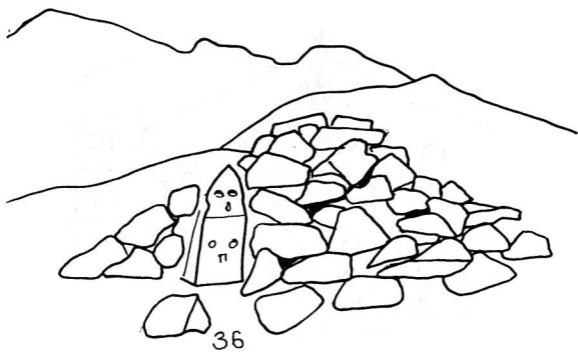

33

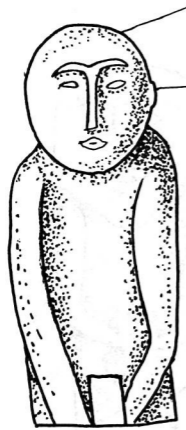
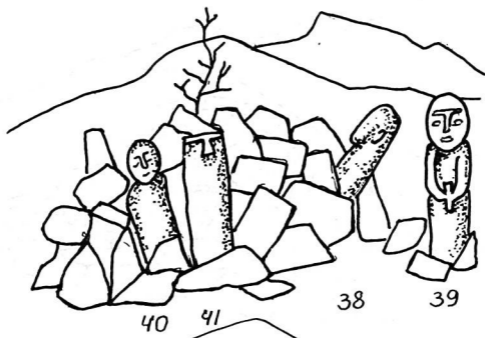

XII

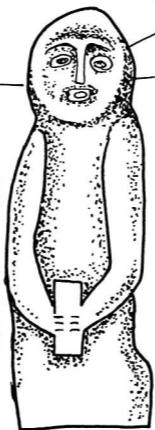

XIII

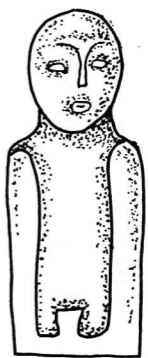
10 M

38

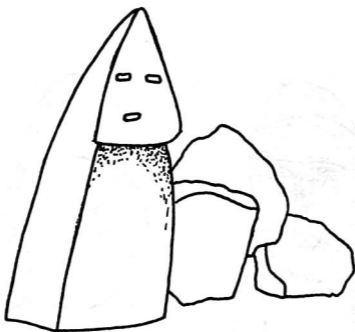
10 M

39

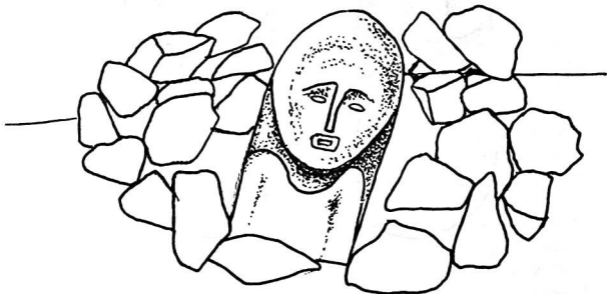

10 M

40

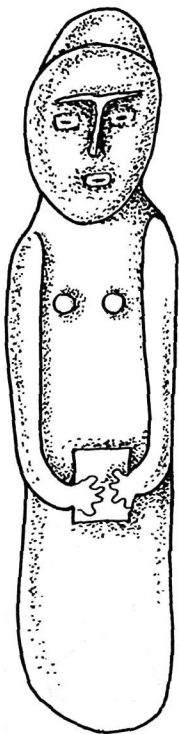
42

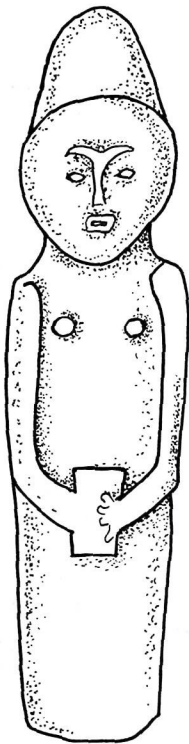
43

10M

XV

44

45

10M

XVI

ТАХТИ САНГИН. АЛТАРНО-БАШЕННОЕ ПОМЕЩЕНИЕ.

В 1985 г. на городище Тахти Сангин (Кабодиенский район Тадж.ССР) для завершения раскопок храма Окса проводились исследования в северо-западном участке теменоса — площади на востоке перед фасадом храма. На этом участке была открыта северо-восточная башня № 2 и алтарь № 2, аналогичные и симметричные башне № 1 и алтарю № 1 — юго-восточным, раскопанным в 1984 г. Тем самым, изучение планировочной композиции храма Окса полностью завершено.

Исследование восточного участка храма Окса показало, что башня № 2, возведенная в конце IV — начале III вв. до н.э., многократно перестраивалась, в результате чего было образовано помещение, первоначально обрамляющее алтарь № 1, а впоследствии полностью перекрывшее и алтарь, и башню № 2. В 1984–1985 гг. было выяснено, что площадь-теменос, расположенная к востоку от фасада храма Окса, была обрамлена мощной стеной, сложенной из того же крупноформатного кирпича (50x50x14 см), что и стены храма Окса первого строительного периода. Стена образовывала ограду. Прослеженная лишь поверху площадь священного участка была вытянута с юга на север (60x24 м). Раскопки, проведенные в 1985 г. на ее северном участке, показали, что северная часть площади к северу от алтаря № 2 в вэчкийско-кушанский период подверглась последовательной застройке, характер которой свидетельствовал о потере в этот период алтарем № 2 своего первоначального назначения.

В данной работе дается описание поздних построек и сложной стратиграфии северо-восточного священного участка: башни № 2 и возникшего над башней и алтарем № 2 алтарно-башенного помещения. Интересующий нас хронологический период охватывает I в. до н.э. — IV в. н.э. Наблюдения подтверждают зафиксированную в самом храме Окса картину: удаление более ранних греко-бактрийских полов и многократные подчистки перед настланием

в пачжийский период новых полов на том же месте и на том же уровне. Позже, қушанские строители, настилая полы, просто nivelировали уровень застройки присыпкой и трамбовкой участка. Последний способ приводил к сильному повышению уровня застройки.

Описание позднего этапа функционирования священного участка в северной части теменоса храма Окса необходимо предварить несколькими замечаниями. Во-первых, башни № 1 и 2 – единственные части храма Окса, дошедшие в плохой сохранности. От первого строительного периода башен сохранились лишь остатки 1–2 рядов первоначальной кладки из сырцовых кирпичей крупного формата (50x50x14 см), свойственной всей конструкции стен храма Окса в целом¹. Во-вторых, башни на фасаде храма Окса с самого начала не несли оборонительных функций. Дверные проемы их были обращены наружу, а не внутрь храма, что указывает на иное их назначение: они осуществляли функции приалтарных помещений. В-третьих, пока не открыты жертвенники первого строительного периода, находящиеся под монументальными каменными алтарями № 1 и 2 греко-бактрийского времени (III–II вв. до н.э.). Эти алтари стоят на культурном слое в 0,2 м, состоящем, преимущественно, из печины, углей и обожженных костей. Датировка алтарей обусловлена не только стратиграфией, но и палеографическим анализом меток каменотесов в виде букв греческого алфавита, выбитых на верхних поверхностях блоков известняка². Эпиграфический анализ букв, профилировок и форм монументальных каменных алтарей № 1 и 2 позволил датировать алтари концом III – началом II в. до н.э.³ (рис. 3, 2).

На том же стратиграфическом уровне, что и алтарь № 1, к югу от него, была установлена торовидная база на двуступенчатом постаменте со съёмным тором явно вторичного использования. Базы со съёмным тором должны быть датированы концом IV – началом III вв. до н.э.⁴

Последнее замечание: материк на площади-теменосе залегает на уровне –I м по реперу. Это связано с падением материка с запада (со стороны гор) на восток (в сторону реки), что дало следующие уровни планировки террасы, на которой возводилось здание храма: западный коридор № 6 +I по реперу, центральный зал и вся поперечная ось по коридорам № 1 и 3 0 по реперу, айван –0,6 и большая площадь-теменос –I м. Как видим, планировка основания храма дает на расстоянии 5I м

по продольной оси падение материка равное 2 м при полной горизонтальности помещений и коридоров. Это столь значительное, но совершенно незаметное для глаза падение материка, было достигнуто благодаря мощным поперечным стенам, вставленным в подрубленную ступеньками материковую террасу, спускающуюся с гор в сторону реки.

Стратиграфия строительных остатков исследованного раскопками участка представляется в виде напластований девяти строительных периодов (рис.2).

1. К первому строительному периоду относятся остатки сырцовый башни, обслуживающей сырцовый жертвенник, находящийся под каменным алтарем № 2, и сам жертвенник. Кирпичи большого стандарта башни № 2 вскрыты изнутри и снаружи, все они заглублены в материк. Кирпичи I-го строительного периода большого формата (50x50x14 см), сохранившиеся не более двух рядов, как по формату, так и по характеру кладки и кирпичного теста не отличаются от кирпичей I-го строительного периода храма Окса. Башня № 2 примыкает непосредственно к северному комплексу прирайванных помещений с востока как продолжение продольных стен коридора № 5.

2. Ко второму строительному периоду относятся алтарь и торовидная база на двуступенчатом плинте. Если алтарь, как предполагается, установлен непосредственно над сырцовым жертвенником, то база — явно вторичного использования. Монументальный алтарь стоит на культурном слое мощностью до 0,2 м. Характер слоя над алтарем невозможно определить без разборки алтаря, но, как говорилось выше, алтарь может быть достаточно точно датирован благодаря меткам камнотесов, профилировке и пропорциям концом III — началом II вв. до н.э. Культурный слой I-го и 2-го строительных периодов на исследуемом участке не сохранился.

3. К третьему строительному периоду относится каменная башня, возведенная на снесенных почти до основания сырцовых стенах I-го строительного периода. Нижний уровень каменного фундамента башни соответствует уровню 0,2 м над материком (-0,8 по реперу). Раскрытый раскопками восточный фасад демонстрирует сложные перестройки и заклады каменной башни и ее дверного проема. Фундамент башни был выложен в один ряд бутовой кладкой из камней среднего размера — от 18 до 36 см в псперечнике. Восточный фасад каменной башни 3-го

строительного периода делится на три отрезка: южный, центральный (дверной проем) и северный (рис. 2).

Южный отрезок восточного фасада (до дверного проема) был длиной около 3 м. Камни заложены плотным раствором глины, поверх которого лежат глиняные блоки длиной 30–32 и толщиной до 20 см. Глина светло-коричневого цвета. Над глиной лежат кирпичи, уложенные в один ряд, их средние размеры слегка превышают рамки 40-сантиметрового стандарта. Тесто серого цвета с примесью алебастровой крошки, угольков и мелких камней. Размеры кирпичей: 40х ? х9-II (2 экз.), 4Iх ? х 9-II (2 экз.), 39,5х ? х9 (I экз.), 40,5х ? х10 см (I экз.). Швы между кирпичами I–6 см. Над кирпичами уложен слой глины толщиной 6–13 см. Над этим слоем – ряд камней; камни несколько мельче, чем в нижнем ряду, длиной от 18 до 24 см. Над ними – пахсовая прокладка, выше – ряд камней крупных размеров (от 17 до 45 см). Этот ряд камней перекрывает первоначальный дверной проем и заканчивается не доходя до северной щеки башни на 45 см. Общая ширина ряда I,9 м. Общая сохранившаяся высота этой сложной конструкции из камней и пахсовых прокладок около 0,9 м.

Дверной проем шириной 1,5 м устроен в центре восточного фасада каменной башни. В проеме, непосредственно над материком, открыты остатки сырцовых кирпичей, первоначальный размер которых остался неясным. Над ними – развал кирпичей, упирающийся в большой камень, заглубленный в материк и заходящий за северную щеку прохода. Обмазка материка дает вырубку на этот камень. Пахсовая забутовка, нивелирующая поверхность прохода, идет по уровню 0,30–0,35 см над материком. Над ней явственно прослеживается пол, видимо, соответствующий нижним камням южного участка восточного фасада башни. Над полом – сплошная прослойка натека толщиной 8 см. Над ней – ряд из девяти камней размером от 8 до 22 см, служащих основанием двум большим блокам порога длиной 0,7 и 0,84, шириной 0,18 и 0,19 см. Над порогом – саманная штукатурка. Выше – ряд камней, перекрывающих всю конструкцию восточного фасада башни.

Северный участок восточного фасада по конструкции каменной кладки, чередующейся с пахсовыми прослойками, соответствует южному участку фасада. Укладка камней начинается с уровня 0,25–0,30 см над материком. Камни обмазаны той же

глиной, что и на восточном участке. В нижнем ряду камни длиной 0,45–0,55 м. Над ними – ряд разноформатных камней (от 13 до 45 см, вероятно, уложенных вперевязку с примыкающей к башне перпендикулярно с севера каменной стеной, ограждающей с севера алтарное помещение. Третий ряд кладки башни выложен из более мелких камней (от 14 до 33 см). Он перекрыт упомянутым выше кроющим рядом камней, идущим по всей длине восточного фасада башни. Общая штукатурка покрывала как северный участок восточного фасада башни, так и лицевую поверхность камней северной стены алтарного помещения (рис. 3, I).

К третьему строительному периоду должны относиться каменная стена, идущая с севера параллельно и почти вплотную за северным фасадом монументального каменного алтаря № 2, а также южная пахсовая стена, отделяющая алтарь от площади-теменоса и создававшая собственно алтарное помещение.

Прежде, чем описывать северную стену 3-го строительного периода, необходимо описать довольно сложное ее основание, соответствующее ее направлению, но относящееся, несомненно, к более ранним I или 2 строительным периодам. Самым нижним ее основанием была подрубка материка ступенькой высотой 0,2 м, обмазанная штукатуркой. Горизонтальная поверхность материка покрыта серым полом со следами алебастровой крошки. По линии материковой ступеньки вверх поднималась желтая штукатурка, перекрывающая перепад верха материковой ступеньки. Над подружкой материка лежала пахсовая стена, обмазанная алебастром и серой саманной штукатуркой, выкруживающаяся на материк алтарного помещения. Штукатурка уходила под каменную стену башни. Эта первая пахсовая стена выступала на юг на 0,2 м и опускалась на 0,05 м ниже верха ступеньки материка. Над подружкой материка располагались следующие прослойки: песчаная подсыпка толщиной 4 см, затем лежал серый, четко выделяемый пол, над которым шел культурный слой толщиной 15 см, а над ним – пахсовая прокладка высотой около 0,35 см. Основание пахсовой прокладки соответствует нижнему ряду каменной кладки восточного фасада башни. Пахсовая прокладка обмазана штукатуркой толщиной около 8 см. Поверху она обрывается, образуя шов между прокладкой пахсы и вышележащей кладкой из бутового камня третьего строительного периода, проходящей на уровне 50 см над материком.

Эта северная каменная стена 3-го строительного периода

шла перпендикулярно от восточного фасада башни до восточной стены, образующая северную границу алтарного помещения. Стена покрыта двумя слоями саманной штукатурки. Нижний слой штукатурки соответствует основанию стен, верхний — выкруживается на пол на уровне 0,5 м над материком. Верхний и нижний слой штукатурки покрыт алебастром. В северо-западном углу обмазка стены, как указывалось, переходит на обмазку восточной стены каменной башни.

С юга алтарное помещение, образованное в конце 3-го строительного периода, ограничивает пахсовая стена, идущая в направлении восток-запад и отделяющая алтарь от площади-темноса. Она возведена параллельно северной стене на расстоянии 5 м. Ее толщина — 1,65 м. Западный торец этой стены соответствовал каменному постаменту торовидной базы. От нее до каменной башни был вход в алтарное помещение с юга. Внешние (северная и южная) поверхности стены аккуратно выровнены и покрыты саманной штукатуркой. Стена стоит на алебастровом полу (0,1–0,2 м над материком), она несколько сужается вверх. Сохранилась эта стена на высоту не более 0,8 м.

4. В четвертый строительный период восточный участок северной стены длиной 2,5 м был надстроен кирпичной стеной. Ее основание соответствует 0,5 м над материком (–0,5 по реперу), а вверх она сохранилась до современной дневной поверхности в 16 рядов кирпичей. Ширина этой северной приставной стены около 1,85 м. Обмеры ее кирпичей дают разную высоту: 9, 10, 11, 12, 13 (три ряда), 15 см, причем, толщина кирпича от его длины не зависит. Размеры кирпичей: 34х34х9–15 (9 экз.), 35х35х9–15 (6 экз.), 36х36х9–15 (3 экз.), 39х39х9–15 см (3 экз.). Все кирпичи разного теста, и не наблюдается устойчивая связь теста с размерами кирпичей. Тесто либо красно-коричневое, либо серое с желто-зелеными пятнами. Оно сильно различается и по плотности: от очень плотного до рыхлого. Примерно в центре стены большая промоина зашпаклевана штукатуркой. В северо-восточном углу сохранилась обмазка стены толщиной в 6 см. На внешней стороне штукатурки имеются следы алебастрового покрытия. Стена стоит на натеках толщиной от 0,1 до 0,25 м. Под натеками — рыхлый натечно-надувной слой слоистой структуры мощностью 0,2 м, лежащий на остатках серого строительного пола. Под полом — рыхлый слой толщиной около 0,09 м, лежащий на обмазке материка. (рис. 1).

Восточная стена алтарного помещения прослежена на длину 3,15 м, она образует прямой угол со стеной к востоку от алтаря и, по-видимому, поднимается с одного с ней уровня. Толщину и размеры кирпича из-за мощной штукатурки (не менее 0,1 м) пока проследить не удалось. Штукатурка ганчевая на саманном грунте, состоит она более чем из трех алебастровых обмазок. Расчистка стены была доведена до 0,85 м над материком, так как с этого уровня был спущен ботрос длиной 2,8 и шириной около 1,9 м. Его западной границей служил восточный фас алтаря. Северный борт ботроса отступал от северной стены на 0,25 м. Восточный борт отстоял от восточной стены приблизительно на 0,44–0,5 м. Ботрос имел овальную форму и опускался до отметки 0,25 м над материком. При этом, граница ботроса прослежена по самой поздней обмазке, которых было не менее трех. Последняя из обмазок выкруживалась на пол, соответствующий верхней поверхности алтаря № 2 (уровень 0,80–0,85 м над материком). Этот пол, в свою очередь, выкруживается на восточную и северную стены. Ботрос прорезал накопившиеся культурные напластования до уровня 0,85 м над материком, косвенным образом датируя их (в ботросе была найдена на уровне 0,25 м над материком монета Хувишки (?)). Следовательно, если учитывать ее датировку, то уровень пола 0,8 м может быть датирован этой кушанской монетой.

5. К пятому строительному периоду относится наиболее монументальная и хорошо сохранившаяся стена, ограждающая алтарное помещение с севера от анфилады северных кушанских помещений. Стена, начинаясь от восточного торца северной стены коридора № 5 храма, проходит вдоль северного края алтаря, заканчиваясь у его северо-восточного угла. Стена толщиной 1,5 м, сложена в четыре кирпича, основание ее около 96 см над материком, вверх прослежена на 12 рядов до современной дневной поверхности. В западной части стена перекрывает каменную кладку башни, в восточной – сильно размыта.

Всего удалось измерить 43 кирпича этой стены. Обмеры показали довольно большое колебание в размерах (34–37х34–37х12–14 см), однако, явно преобладающим оказался формат 36х36х14 см: 36х36х12–14 (19 экз.), 36,5х36,5х12–14 (6 экз.), 35х35х12–14 (10 экз.), 34х34х12–14 (15 экз.), 37х37х12–14 (3 экз.). Вертикальные швы между кирпичами от 1 до 10 см, горизонтальные – от 2 до 4 см. Глина кирпичей коричневого цвета со зна-

чительной примесью мелких камней, алебастровой крошки, костей и керамики. Характерная особенность: кирпич и раствор по структуре и цвету почти не различаются. Кирпичи имеют метки, требующие специального рассмотрения.

К пятому периоду относится стена, идущая вплотную параллельно вышеописанной, но возведена она южнее и оконтуривает остатки каменной башни с юга. Эта стена оказалась стоящей одновременно на двух уровнях: на каменном фундаменте башни (отметка 0 по реперу) и на кирпичях первоначальной башни эллинистического периода (около 10 см над материком, около 0,9 м ниже реперной отметки), выступавших из-под каменного фундамента с юга и востока. Западная оконечность этой стены, видимо, упирается в восточную стену храма. Общая толщина стены 1,4, однако, часть, прилегающая с юга к фундаменту башни, уже - 0,72 м. Общая высота этой стены не менее 1,2 м. Размеры ее кирпичей: 34x34x13-14 (9 экз.), 34,5x34,5x13 (1 экз.), 35x35x13-14 (14 экз.), 35,5x35,5x14 (1 экз.), 36x36x13-14 (5 экз.), 37x37x14 см (1 экз.). Расчищено и замерено шесть нижних рядов кладки, всего 31 экз. Наиболее характерный формат 34-36x13-14 см. Вертикальные швы от 2 до 8 см, горизонтальные - 1-2 см. Тесто коричневое, слоистой структуры, с примесью мелких камешков, кусочков костей и угольков. Раствор и кирпич почти идентичны по фактуре и цвету.

6. К шестому строительному периоду относится нивелировка алтарно-башенного помещения с соответствующим настилом ровного пола, устройством ботроса и возведением приставной паховой стены, примыкающей к южной кирпичной стене с юга. Основание последней соответствовало 0,25 м ниже репера, т.е. 0,75 м над материковой поверхностью. Толщина стены около 0,61 м, сохранившаяся высота около 0,60 м, над ней шел кирпичный развал. Некоторые колебания заметны в основании стены, оно поднимается к югу и к востоку. К восточным торцам этой кирпичной и паховой стен примыкает кирпичная обкладка в один кирпич, которая облицовывает их торцы. Прослежено всего четыре ряда этого ремонта. Основание облицовки имеет резкое падение с запада на восток и с севера на юг. Перекос по линии запад-восток очень сильный (до 0,25 м), западный конец основания на уровне 1 м над материком, восточный - 0,75 м. Формат кирпичей этой ремонтной обкладки: 35x35x10-12 и 35,5x35,5x10-12 см. Тесто голубого цвета, твердое, пористое, комковатое.

Глина швов сильно отличается от кирпичей. Толщина вертикальных швов 2-17, горизонтальных - 1-2 см.

7. С седьмого строительного периода наблюдается резкая смена характера строительных конструкций и, очевидно, функционального назначения этого помещения. С востока к кирпичной облицовке пристраивается длинная пахсовая стена, идущая с запада на восток. Южный фасад совпадает с южным фасадом описанной выше облицовки, а северный фасад отступает на юг по сравнению с облицовкой на 0,20 м. Между кирпичной и пахсовой стеной шов в 10 см заполнен рыхлым грунтом. При этом, основание пахсовой стены ниже основания кирпичной облицовки (0,6-0,85 м над материком), хотя пахсовая стена построена позже. Северный фас пахсовой стены, обращенный внутрь алтарного помещения, разделяется швами-трещинами на блоки приблизительно 0,45; 0,50; 0,60 м длиной и 0,40 высотой. На высоте около 0,7 м от основания стены проходит прокладка из сырцового кирпича в один ряд, перекрывающая пахсовые блоки. Кирпичи плохо выделяются, формат их колеблется: 32-35x32-35x12 см. Максимальная высота стены до 1,20 м, она доходит до современной дневной поверхности. Общая ее ширина около 1,8 м. Со стороны площади (южный фас) стены кирпичная и пахсовая перекрываются общей штукатуркой, образуя тем самым общую стену на севере площади-теменоса.

Одновременно с пахсовой ремонтной стеной с востока алтарное помещение отгораживается кирпичной ремонтной стеной, сложенной в 1,5 кирпича. Она проходит от северной стены алтарного помещения на юг, однако полная длина ее неизвестна, так как южный ее конец разрушен поздней ямой. Основание ее лежит прямо на алтаре (0 по реперу, 1 м над материком). В северной, сохранившейся части, стена поднимается до современной дневной поверхности. Удалось измерить всего 10 ее кирпичей. Преобладающим форматом оказался 35x35x13,5 см: 35x35x13,5 (5 экз.), 37x37x13,5 (1 экз.), 38x38x13,5 (1 экз.), 35x18x13,5 (3 экз.). При почти неизменной высоте кирпича швы кладки сильно колеблются по размерам: от 1 до 15 вертикальные и от 8 до 18 см горизонтальные. Кирпич коричневый, пестрый, но без включений, резко отличается по твердости, цвету и фактуре от предшествующих периодов.

С севера возводится в алтарном помещении приставная ремонтная кирпичная стена с уровня около 1,18 над материком

(0,18 по реперу). Она восточным торцом примыкает к описанной стене, идущей по алтарю, а западным — к стенам храма Окса. Толщина стены 0,23 м, из которых 13 см приходится на половину кирпича собственно кладки, а 10 см — на раствор. Особенностью этой кладки было своеобразное устройство основания: нижний ряд кирпичей был поставлен вертикально. Из 28 обмеренных кирпичей преобладающим стандартом был 33x33x10 см: 32x32x10 (II экз.), 33x33x10 (15 экз.), 34x34x10 (I экз.), 35x35x10 (I экз.). Кирпич и раствор швов хорошо отличимы друг от друга.

Седьмой строительный период характеризуется изменением функции помещения и изменением ориентации: вход прорубается в южной части восточной стены, помещение отделяется от площади глухой стеной. Монументальный алтарь застраивается по его верхней поверхности.

8. Восьмой строительный период представлен ремонтами северной и южной стен алтарного помещения. Два последовательных ремонта северной стены были произведены с одного и того же уровня. Основание стен имеет падение с запада на восток, уровень его у каменной башни 0,95 м по реперу. Вторая из этих ремонтных стен упирается восточным торцом в стену на алтаре, огибая первую ремонтную стену с запада, далее проходит на запад до восточной стены храма. Сложена она в один и полтора кирпича. Размеры и формат кирпича идентичны кирпичам первого ремонта. Кирпичи второй ремонтной стены не всегда строго квадратной формы, встречен экземпляр 31x33x9 см. У основания стены был обнаружен обломанный перевернутый кувшин с костями жертвенного животного.

Вплотную и параллельно этой второй стене, по-видимому, вскоре после ее возведения была приставлена третья. Ее основание покоилось на том же уровне, соответствовала она и по размерам, упираясь в стену на востоке, стоящую на алтаре. Лишь наличие штукатурки между второй и третьей стенами показывает, что это этапы близкого по времени ремонта. Ширина третьей стенки 0,4 м. Все три приставные стенки, а также стена, стоящая непосредственно на алтаре, имели одинаковую тамгу — две неглубокие бороздки по центру кирпича, проведенные пальцами до просушки.

К этому же периоду относится возведение южной приставной стены с уровня 0,82 м по реперу. Она прослежена с запада

на восток на длину 2 м. Толщина стены в один кирпич 0,34 м прослеживается в высоту на 5 рядов. Поддающиеся обмерам 9 кирпичей дают близкий стандарт: 34x34x9-II (6 экз.), 35x35x9-II см (3 экз.). Кирпичи серо-коричневого теста с вкраплениями углей и алебастровой крошки, что говорит в пользу того, что эти кирпичи, также как и другие, близкие им по составу глины, были сформованы из земли, взятой из культурного слоя. Эта южная приставная стена скрывает более раннюю, основание которой пока остается неизвестным, но длина прослеживается на расстоянии 5,15 м. На востоке последняя уничтожена ямой самого верхнего крошащего слоя кушано-сасанидского времени (яма № I). Кирпич этой стены плохо выявляется. К этому же восьмому периоду относится и стена, возведенная с того же уровня (0,80-0,85 м над репером) с внешней стороны алтарного помещения — со стороны площади, основанием которой служила пахсовая стена предшествующего периода.

9. К последнему, девятому строительному периоду относится "Г"-образная стена, обрамляющая алтарное помещение с севера и с запада. Ее основание на северном отрезке I, I7 над репером, на северо-западном — I,5, на юго-западном — I,33 м над материком. В этом, самом верхнем помещении, наблюдается, таким образом, наклон пола на восток и на юг (максимальный перепад с севера на юг — 33 см, с запада на восток — I7 см). Толщина северного отрезка этой последней приставной стены 0,4 м. Длина северного отрезка 4,96 м, на западе он под прямым углом вперевязку поворачивал на юг. Длина западного отрезка 3,7 м. От северного отрезка сохранились три ряда кирпичей, уложенных вперевязку приблизительно в пол-кирпича, кладка при этом, все же, очень неаккуратная. Преобладающий стандарт кирпичей этой кладки 35x35x9-II см: 33x33x9-II (2 экз.), 34x34x10 (I экз.), 35x35x9-II (I2 экз.), 36x36x9-II (I экз.), 37x37x9-II (4 экз.). Швы между кирпичами различны: вертикальные от 3 до II см, горизонтальные — 2-4 см. Кладка была покрыта саманной штукатуркой. Тесто кирпичей плотное, разноцветное (серо-розово-голубоватое), пористое, лишенное посторонних примесей.

Западный отрезок "Г"-образной стены алтарного помещения сохранился максимально на 8 рядов кирпичей. Он примыкал непосредственно к восточной стене коридора № 5 храма Окса. Кирпичи ее также уложены неаккуратно, но в половину кирпича.

Швы и тесто аналогичны северному отрезку, преобладающий стандарт тот же: 33x33x10 (I экз.), 34x34x9-II (4 экз.), 35x35x9-II (8 экз.), 36x36x9-II (2 экз.), 40x40xII см (I экз.). Замеренные 16 кирпичей последней ремонтной перестройки при тяготении к формату 35x35x9-II см дают колебания в стороне от 33 до 40 см.

Изложение стратиграфии внутрибашенного помещения следует начать с замечания, что уровень залегания материка в самой башне № 2 (на глубине 0,45-0,50 м ниже реперной отметки) был выше на 0,50-0,55 м, чем уровень материка на площади перед башней. В башне пол (I) представлен обмазкой материка, делавшей выкружку на первоначальные кирпичи башни большого стандарта, плавно переходя в более позднюю саманную штукатурку. Никаких находок на этом полу (I) сделано не было (рис. 2).

Над материковой обмазкой пола (I) шла стерильная прослойка из мелкого песка (толщиной около 0,08 м). Над песком четко читается пол (2) из серой строительной глины толщиной в 2 см на уровне 0,1 м над материком. Выше идет слой рыхлой земли серо-зеленого цвета, наполненный углями, алебастром, костями и керамикой; его мощность около 20 см. Слои располагается на частично сохранившемся алебастровом полу (2а).

Нулевой отметке по реперу соответствовал пол (3) из очень плотной коричневой глины. Он перекрывал все внутрибашенное пространство, а также остатки каменного фундамента башни. Таким образом, можно прийти к выводу, что, начиная с нулевой отметки по реперу, башня уже не существовала, а входила в расширенное алтарно-башенное помещение, включавшее уже и алтарь, и часть площади-теменоса. Под этим коричневым глиняным полом, примыкая к восточной каменной стене башни, а также частично заходя за нее, шел слой разложившихся органических остатков зеленого цвета мощностью 0,2 м. В нем было найдено большое количество костей, углей, фрагментов стенок толстостенной керамики.

При расчистке башни над каменным завалом была отмечена пахсовая забутовка, на которой на уровне 0,30-0,35 м над репером отчетливо выделялся пол (4). Над полом лежала слоистая прослойка тонкого надувного слоя толщиной 8 см.

На площади, впоследствии отгороженной под алтарно-башенное помещение, на материке не сохранилось полов IY-II вв. до н.э. Вместо первоначальных полов на материке лежал рыхлый

однородный слой органических остатков красно-коричневого цвета с включениями пещины, большого количества костей и золы. Отчетливый строительный пол более позднего времени был зафиксирован на уровне 0,1 м над материком, и тот сохранился не по всей поверхности: лучше всего пол (I) прослеживался в южной и восточной частях. Пол (I) не заходил под алтарь, стоящий на уровне 0,18–0,20 над материком. Культурный слой под основанием каменной башни был покрыт штукатуркой, не доходившей до материка на несколько сантиметров. Эти два обстоятельства свидетельствуют о том, что культурный слой первоначально не только накапливался, но и тщательно убирался. Это наблюдение подтверждает и алебастровая заливка самого материка несколько южнее алтарного помещения со следами не сохранившихся на ней, но оставивших следы кирпичей вэчжийского стандарта 0,39x0,39 м.

Пол на уровне 0,2 м также не сохранился. Следующий сохранившийся пол в 0,5 м над материком – пол (2) – соответствовал материковой обмазке внутрибашенного помещения только по уровню, так как был значительно более поздним. Пол (2) прослежен от верхней штукатурки, выходящей выкружкой от северной каменной стены приалтарного помещения, возведенной с уровня 0,3 м над материком площади. Эта обмазка штукатурки заходила одновременно за обмазку каменной башни с внешней стороны (рис. 2).

Пол (3) соответствовал верхней поверхности алтаря – 1 м над материком или нулевой отметке по реперу. С этого пола в его заниженной части 0,85 м, между алтарем и восточной стеной был спущен ботрос, датированный монетой Хувишки (?). Примечательно, что в дверном проеме № I храма Окса, на том же уровне (0,8 м над материком) был найден клад монет, также датированный временем Хувишки⁵. Коричневая глиняная обмазка пола (3) перекрывала остатки каменной башни № 2. В северо-западной части на этом полу было открыто очажное пятно диаметром 0,45 м (рис. 2).

Заполнение алтарно-башенного помещения над этим полом представляло собой натечно-надувной слой мощностью 0,3–0,5 м. Слой этот серого цвета со значительной примесью алебастровой крошки. Возможно, что над этим слоем лежала свита полов очень плохой сохранности, верхний из которых соответствовал уровню ремонта северной стены помещения 7-го строительного

периода.

Указанную свиту полов перекрывала кирпичная вымостка — пол (4) на уровне отметок: 0,35 м в юго-западном и 0,52 м над репером в северо-восточном углах. Лучшая ее сохранность была расчищена в западной половине помещения, где был выявлен формат кирпичей 34x34x12 см. Над вымосткой — полом (4) шел сплошной слой натеков мощностью около 0,4 м, перекрытый полом (5) (0,7 — 0,95 м над репером), с которого возводились ремонты (второй и третий) северной стены и ремонт южной стены алтарно-башенного помещения. Вероятно, что связь ремонтов и натеков не случайна. Скорее всего, помещение какое-то время стояло без кровли. Над этим полом располагался завал аморфных строительных остатков с линзами зольников и натеков, включением мелкой алебастровой крошки и керамики мощностью 0,50—0,65 м. Заполнение культурного слоя свидетельствует о том, что по сравнению с 7-м строительным периодом, несмотря на ремонты 8-го, уход за помещением ухудшился. В это время прекратилась, вероятно, и жизнь в самом храме.

На указанном слое был открыт пол (6) (1,17—1,50 м над репером), с которого был осуществлен поздний ремонт помещения. Заполнение помещения над этим полом до современной дневной поверхности (1,75 м над репером) представляло завал разложившихся и размытых строительных остатков, довольно твердый, с небольшим количеством керамики (рис. 2).

Через длительный промежуток времени, когда все поздние кушанские помещения были полностью засыпаны завалом, натеками и надувным песком, восточная часть помещения была уничтожена ямой кушано-сасанидского времени, забитой керамикой, костными остатками и рыхлым зеленым гумусированным суглинком. На то, что эти ямы впускались в совершенно заровненную уже поверхность, указывают их края, а также расположение этих ям, врезающихся в стены, словно их устроителям была безразлична твердость грунта. Очевидно, что к тому времени, когда устраивались эти ямы, стены не выступали над дневной поверхностью.

Л и т е р а т у р а

1. Пичикян И.Р. Композиция храма Окса в контексте архитектурных сопоставлений. - Информационный бюллетень МАИКЦА. Вып.12. М.,1987, с.52.
2. Пичикян И.Р. Греко-бактрийские алтари храма Окса. - Информационный бюллетень МАИКЦА. Вып.12. М.,1987, с.65-75.
3. Пичикян И.Р. Греко-бактрийские алтари..., с.70, 72-74, рис.3.
4. Пичикян И.Р. Композиция..., с.52-53.
5. Литвинский Б. А., Пичикян И.Р. Тахти Сангин - Каменное городище. (Раскопки 1976-1978 гг.). - Культура и искусство древнего Хорезма. М.,1981, с.203; Пичикян И.Р. Раскопки каменного городища в 1977 г. - АРТ-ХУП (1977). Душанбе,1983, с.100, № 16, 101, № 16, 104; Зеймаль Е.В. Древние монеты Таджикистана. Душанбе, 1983, с.184, 186, 294, табл.ХШ, 28-31, XIV, 42-65, ХУ, 9-29.

И л л ю с т р а ц и и

Рис.1. План алтарно-башенного сооружения.

Рис.2. Башня № 2. Развертка фасадов стен башни.

Рис.3. Башня № 2: восточный фасад - I; разрез С-Ю алтарного помещения - 2.

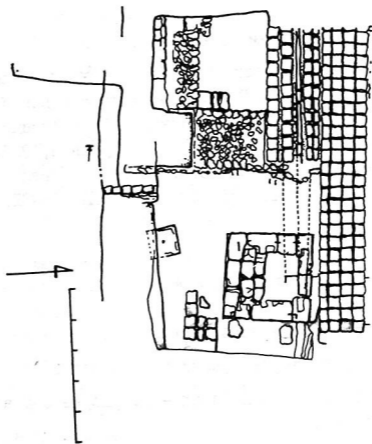

Рис. I

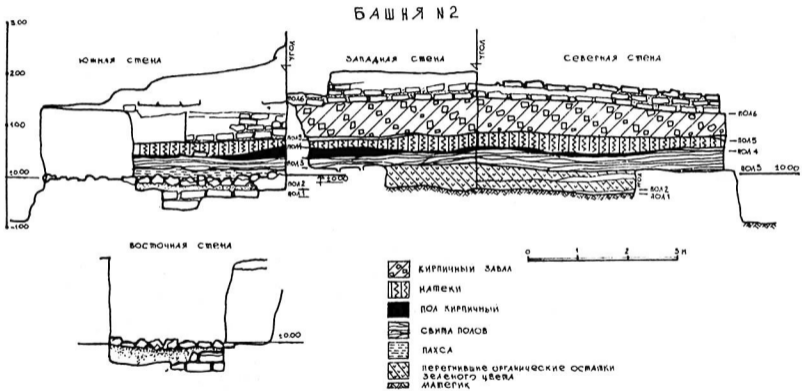

Рис. 2

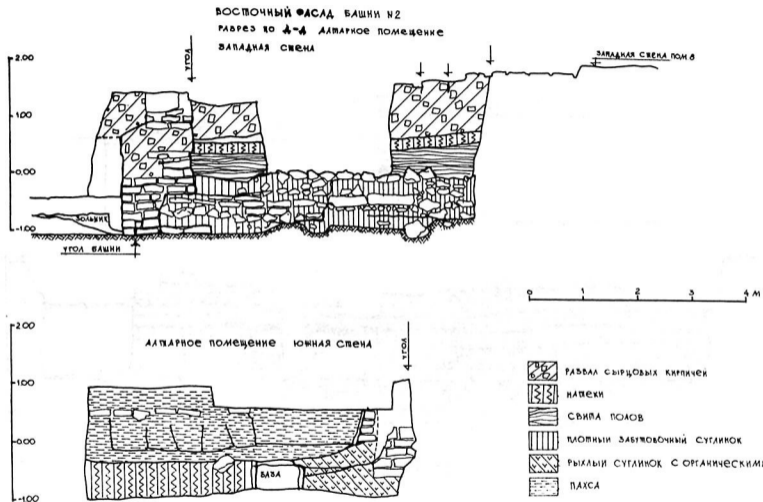

РИС. 3

ТАХТИ САНГИН. КЕРАМИКА АЛТАРНО-БАШЕННОГО СООРУЖЕНИЯ

На рассматриваемом участке алтарно-башенного помещения, расположенного в северо-западной части теменоса храма Окса на Тахти Сангине, выделены девять стратиграфических горизонтов. Динамика накопления культурного слоя на указанном объекте также, как и в других помещениях памятника, носит сложный и неравномерный характер. Необходимо в связи с этим подчеркнуть три обстоятельства: 1. Накопление культурного слоя не всегда шло равномерно в разных помещениях. 2. Культурный слой неравномерно скапливался в различных частях одного и того же помещения. 3. Очевидно, что накоплению культурного слоя в юэчжийский и кушанский периоды предшествовали более или менее основательные неоднократные подчистки.

На данном участке в пользу подчисток говорят нанесение штукатурки на культурный слой под восточным фасадом каменной башни и на материке под каменной северной стеной алтарного помещения, а также несовпадение уровней полов в алтарном помещении и проходе под каменным порогом башни. Возможно, что вместе с подчистками слоя убирались до основания какие-то стены. Об этом свидетельствуют отпечатки сырцовых кирпичей размером 39x39 см в северной части площади к югу от алтарного помещения на алебастровой вымостке. В этом смысле эта алебастровая площадка очень показательна и информативна. Во-первых, судя по формату кирпича, она позднего времени, хотя и лежит на материке. Следовательно, прежде, чем ее нанести, срезали культурный слой. Во-вторых, кирпичи, уложенные на ее поверхность, тоже были срезаны, но уже при последующих подчистках.

О неравномерности накопления культурного слоя свидетельствует перепад отметок полов и возведенных на них оснований стен одного и того же помещения. Так, основания северной и южной стен алтарно-башенного помещения у строительного пе-

риода в рамках одного помещения имеют перепад в 80 см. Точно так же, в заполнении УШ строительного периода в алтарном помещении (1,2 м над репером) была найдена одна часть крупного каменного сосуда без дна. Другая половина была обнаружена за алтарным помещением на площади на глубине 0 м по реперу. В этом случае перепад уже составил 1,2 м. В целом на данном участке падение слоев идет на юг, в сторону площади и на восток, к реке. В некоторых случаях полы пытались выровнять — таков, например, пол УІ стратиграфического горизонта. Однако, тенденция неравномерного накопления культурного слоя в дальнейшем вновь возобладала. Только с учетом этих стратиграфических обстоятельств мы можем рассматривать массовый материал, полученный в результате изучения памятника.

Керамика алтарно-башенного помещения.

I стратиграфический горизонт. Единственный фрагмент керамики был найден в самом нижнем горизонте западной части алтарного помещения, под серым полом № 2 на глубине 0,05 м над материком. Это обломок верхней части гончарного горшка с широким, суживающимся книзу горлом, переходящим в покатые плечики. Диаметр венчика 23,1, диаметр горла 19,8 см; переход оформлен небольшим великом, под которым идет полоса орнамента: волнообразный желобок, прямой, снова волнообразный, прямой; венчик выступающий, со сложным сечением; глина светло-коричневая, ангоб серо-розовый (Инв.№ 6426, рис. I, I).

II стратиграфический горизонт представлен материалом, найденным на сером полу № 2 (0,1 м) и над ним (на глубине 0,1—0,2 м над материком). Столовая керамика: а) фрагмент верхней части цилиндро-конического или выпукло-конического бокала. Диаметр венчика 16 см, толщина стенки 5,7 мм, глина красно-коричневая с песком, ангоб красный по обеим поверхностям (Инв.№ 6429, рис. I, 2). б) фрагмент нижней части чаши. Диаметр поддона 5,7 см, высота 0,5 см, толщина стенок 0,4—0,6 см, глина розовая, ангоб коричневый, на 1,3 см не доходит до поддона, снаружи вертикальное полосатое лощение. Тарная керамика: а) фрагмент верхней части тагоры с —образным профилем. Венчик представлен скругленной закраиной, диаметр 34 см, изнутри венчик выделен уступом, толщина стенки 1,1 см, глина красно-коричневая, ангоб такой же, но более темный, покрывает обе поверхности (Инв.№ 6430, рис. I, 3). б) фрагмент верхней части гончарного горшка с широким диаметром

венчика - 16 см, цилиндрическим горлом высотой 3,5 см; покатые плечики отделены от горла ребром; под ребром "листки", попарно расходящиеся от желобка, опоясывающего горшок; под "веткой с листиками" еще два парных желобка; венчик отогнут наружу, подпрямоугольный в сечении; в нижней части горла, примерно на одном уровне, имеются два ремонтных сквозных отверстия, отстоящих на одном уровне на 11 см; глина светлорычневая, ангоб светлый - внутри и снаружи; второй ангоб рычневомго цвета вторично покрывает предшествующий слой лака (рис. I, 4). б_I) Нижняя часть горшка с яичевидным туловом, сплошным, слабо выделенным поддоном (диаметр 10 см) и профилированной валиками внутренней поверхностью; глина красная, ангоб отсутствует. Отдельно следует отметить находку фрагмента стенки крупного закрытого гончарного сосуда диаметром не менее 35 см. Размеры фрагмента 13x18, толщина 1,5 см. Снаружи в технике налепа изображено стилизованное дерево с плодами, расположенными на концах ветвей и на вершине дерева. Справа от дерева, параллельно его стволу, касаясь конца правой ветки, проходит "колосок" или "елочка", образованная до обжига косыми бороздками, направленными вверх (рис. I, 5). Глина рычневая, с песком, поверхность сосуда покрыта беловато-розовым ангобом. На внутренней поверхности - следы пальцев, которые перекрывают следы вращения на круге.

Выборка, как видим, малопредставительная. Тем не менее, можно отметить близкое сходство раннего фрагмента (рис. I, 1) с горшками из могильника Тулхар^I, причем в комплексе с одним из них, наиболее близким тахтисангинскому, находится цилиндрико-конический бокал. Фрагмент тагоры (рис. I, 3) не находит прямых аналогий в комплексах "великокушанской" керамики², однако, эту форму можно сблизить с сильно измененным типом "крупных толстостенных мисок с образным профилем", характерным для Ай-Ханумского комплекса³. В целом же, как представляется, указанную керамическую группу следует отнести к кочийско-кушанскому времени и датировать ее I в. до н.э. - I в. н.э.

III стратиграфический горизонт представляет керамика, найденная на полу № 3 и в слое между полами №№ 3 и 4 в северной части помещения (0,2-0,8 м над материком). Столовая керамика представлена бокалами цилиндрико-конической формы (рис. 2, I, 2, 3, 4, 6). Диаметры пяти венчиков - II, I2, I4 см.

Цилиндрическая часть имеет прямые вертикальные стенки; венчик в виде скругленной закраины. В трех случаях переход от цилиндрической части к конической отмечен уступом (рис.2, I, 3, 4). Единственная нижняя часть представлена ножкой без стебля на дисковидном поддоне с вогнутой нижней поверхностью (рис.2, 5); диаметр ножки 3,5 см. Во всех случаях глина со значительной примесью песка, ее цвет — от оранжевого до красно-коричневого с коричневым (рис.2, I, 6) или розовато-оранжевым (рис. 2, 2-4) ангобом, в последнем случае ангоб наносился только снаружи. Второй, выпукло-конический тип бокалов представлен лишь одним фрагментом — нижней частью резервуара (рис.2, 5); максимальная сохранность диаметра 14,5 см. Глина с примесью песка, оранжевого цвета, близка описанным выше фрагментам бокалов, ангоб красно-коричневый. Другие типы бокалов отсутствуют.

Чаши представлены четырьмя фрагментами венчиков, при этом, три фрагмента относятся к типу I по классификации А.В. Седова⁴, а четвертый — к типу 2 (там же). Фрагменты типа I (рис.2, 7, 8, 9) представляют собой плавно расширяющийся кверху резервуар с венчиком в виде скругленной закраины. В одном случае заметен чуть подчеркнутый перехват в средней части. Два фрагмента идентичны по степени изогнутости стенок, их диаметр 18 см (рис.2, 7, 8), третий имеет чуть более вертикальные стенки диаметром 16 см. Глина фрагментов коричневая или светло-коричневая, ангоб изнутри светло-коричневый, снаружи — темно-коричневый. Тип 2 представлен одним фрагментом верхней части сферической чаши с вертикальным бортиком и перехватом (рис.2, 12). Бортик выделен широким плоским подтреугольным валиком. Диаметр венчика 11,5 см, высота 2,5 см. Бортик чуть отогнут, венчик в виде приостренной закраины. Глина светло-коричневая, ангоб оранжево-желтый.

Миски найдены в двух фрагментах с почти прямыми в профиле стенками и слабо отогнутой наружу округлой закраиной. Их диаметры 18 и 19 см. Глина в обоих случаях оранжевая, ангоб внутри коричневый, снаружи — светло-оранжевый, в верхней части — полосой в 2-3 см (рис.2, 9, 10). Имеется также донце миски с сильно вогнутым снизу поддоном диаметром 5,5 см. Диаметр внутреннего кольца поддона 3 см. Глина светло-коричневая, ангоб нанесен только изнутри, светло-коричневый (рис.2, 11).

Тарная керамика этого слоя представлена следующими формами: а) Тагора в двух профилированных фрагментах. Первый — верхняя часть тонкостенной тагоры со слегка выпуклыми, слабо наклонными стенками, плоским поверху венчиком диаметром 30 см; глина оранжевая, ангоб коричневый изнутри, заходит полосой по венчику снаружи (рис. 2, 15). Второй фрагмент — верхняя часть крупной миски с наклоном стенок 45° , манжетовидным венчиком, уплощенным сверху, с двумя желобками по боковой поверхности, диаметром 37 см; наблюдается некоторая выпуклость стенок, глина красно-коричневая, ангоб серо-белый, покрывает тагору только снаружи (рис. 2, 16). б) Кувшины открыты в трех фрагментах, из которых наиболее характерным является фрагмент горла с расширяющимся раструбом, венчиком и одной ручкой⁵; верхний конец круглой в сечении ручки крепился под венцом; глина коричневая, с песком; ангоб темный, красно-коричневый, покрывает горло снаружи и заходит полосой вдоль венчика изнутри (рис. 2, 17). К кувшинам следует отнести также фрагмент донца закрытого сосуда (рис. 2, 14). Поддон сплошной, диаметром 8 см, глина светло-коричневая, неровного обжига, снаружи светлый ангоб. в) Горшок представлен одним фрагментом, являвшим собой форму с покатыми плечиками, переходящими в слегка вогнутый, выделенный венчик, высотой 1,4 см, завершающийся скругленной закраиной диаметром 18 см; глина светло-коричневая, снаружи горшок покрыт зеленовато-белым ангобом (рис. 2, 13). В этой группе следует отметить фрагмент донца с тремя ножками: его длина 3,5, ширина 5,5, толщина 2 см; глина красно-коричневая, с примесью песка, снаружи — светлый коричневатый ангоб (рис. 2, 18).

Кухонная керамика представлена фрагментом верхней части лепного котла с невыделенным венчиком, склоненным внутрь, со скругленной закраиной. Подобная форма отнесена А. В. Седовым к типу I⁶. Диаметр венчика 15 см. Сразу у закраины прикреплена ручка подтреугольная в сечении, сплошная, расположенная в вертикальной плоскости; ее длина 3,5, ширина 1,3, высота 1,2 см. Глина котла коричневая, неровного обжига, в ней значительные примеси шамота; снаружи следы огня (рис. 2, 19).

С этого уровня (0,2 м над материком) была спущена небольшая ямка у южного фасада алтаря, в которой, среди большого количества костей, были найдены три профилированных фрагмента и керамическая фишка. Венчик кувшина уплощенный,

уступчатый, переходящий в коническое горло (рис.2, 20). Нижняя часть тулова кувшина на дисковидном поддоне диаметром 5,9 см, отделенном от тулова желобком (в двух фрагментах); ангоб снаружи, светло-коричневого цвета (рис.2, 21). Керамическая фишка изготовлена из стенки сосуда оранжевой глины, диаметром 3,5, толщиной 0,7 см.

В целом, керамическая группа выглядит значительно представительнее, чем предыдущая, — нижележащая. Наблюдается решительное преобладание цилиндро-конических бокалов в комплексе с одноручным кувшином и трехногим сосудом. Полное отсутствие колоколовидных бокалов позволяет как-будто отнести указанную группу к кушано-бактрийскому комплексу по А.В.Седову⁷ или к вэчжийско-кушанскому согласно Г.А.Пугаченковой⁸, или по В.М.Массону — к халчаянскому комплексу⁹. Однако, следует отметить при этом, что, если фрагмент тагоры (рис.2, 15), не имея аналогий в керамике Тепай-шах¹⁰, находит хорошие соответствия в ранних слоях Дальверзина (например, Дт 2, слой ПС^{II}) и Джига-тепе¹², то фрагмент (рис.2, 16) выглядит значительно более поздним. Он соответствует типу I — "тагора с прямыми стенками и манжетовидным венчиком" тепай-шахского комплекса¹³. Этот тип хорошо известен и в других "великокушанских" керамических комплексах. То же самое можно отметить и для чаши с высоким бортиком. Все это свидетельствует в пользу того, что слой, видимо, следует помещать где-то между КБ-I и КБ-II.

IУ-U1 строительные горизонты отражены в керамике, найденной над полом № 3, соответствующим полу по верхней площадке алтаря и кирпичной вымостке (полу № 4) (0-0,5 м по реперу и I, 0-I, 5 м над материком). Собранная керамика (13 профилированных фрагментов) в этом слое крайне немногочисленна.

Столовая керамика: а) фрагмент миски с —образным профилем стенок (рис.3, 1); скругленный венчик диаметром 18 см слегка отогнут наружу; на нижней части стенок — следы ножевых подрезок; глина оранжевая, темно-коричневый ангоб покрывает внутреннюю поверхность, неровно нанесен на внешнюю поверхность. Миска имеет полную аналогию в керамическом комплексе Тепай-шах первого строительного периода¹⁴. б) фрагмент верхней части крупной миски с почти прямым профилем стенок, отклоняющихся по вертикали на 45°; венчик — скругленная закраина диаметром 22 см; глина серовато-коричневая,

светло-коричневый ангоб на обеих поверхностях (рис.3, 2).
в) Чапа с прямыми в профиле стенками, идущими вверх под углом 20° , затем плавно загибающимися и образующими бортик высотой в 1 см, загнутый внутрь и профилированный желобком; венчик со скругленной закраиной диаметром 23 см; глина светло-коричневая, ангоб внутри темно-коричневый, снаружи, по бортику тот же, а в нижней части белый. Соответствует тепаи-шахскому комплексу: типу I, группе I¹⁵.

Тарная керамика: а) Кувшины представлены семью профилированными фрагментами (три верхними, тремя нижними и стенкой со следами ручки двуручного сосуда со штампованным орнаментом "листочков"). Донца имеют диаметры 8, 10 и 14 см с невыделенным и выделенным поддоном. Наиболее крупный фрагмент (на нем отсутствует лишь венчик) демонстрирует яйцевидное тулово, прямое горло, отделенное от покатых плечиков вдавленной полосой шириной 1 см; диаметр дна 10 см, тулова - 21 см, высота 25,2 см; внутренняя поверхность профилированная; глина и ангоб коричневого цвета; ангоб плохого качества; на плечике под перегибом - знак в виде двух скругленных треугольников, соединенных вершинами (рис.3, 4). Верхние части кувшинов представлены двумя венчиками с цилиндрическим горлом и одним раструбообразным горлом. Горло цилиндрическое: венчик - слабо выступающий, скругленный валик, снаружи, в верхней части имеет уступ, под венчиком след крепления ручки; диаметр венчика 9 см; глина светло-коричневая; ангоб светло-желтый по венчику снаружи, ниже - коричневый, изнутри - серо-желтый с добавочной красной полосой по венчику (рис.3, 5). Второе горло цилиндрическое: венчик подпрямоугольный в сечении, диаметром 12 см; глина светло-коричневая, с примесью песка (рис.3; 6). Третье, раструбообразное горло: венчик высокий, вертикальный, сверху уплощенный, в профиле манжетовидный, с перехватом; диаметр венчика 18 см; глина оранжевая, светлый ангоб покрывает обе поверхности (рис.3, 7). Прямых аналогий среди тепаи-шахского комплекса эта группа кувшинов не имеет, хотя и наблюдается некоторое сходство с керамикой ДТ-III на Дальверзине¹⁶. б) Хумы и хумчи представлены двумя фрагментами: фрагмент венчика красноглиняного, светлоангобированного снаружи, диаметром 48 см; второй фрагмент венчика диаметром 33 см гончарной хумчи; глина коричневая, обе поверхности покрыты красно-коричневым

ангобом. в) фрагмент венчика гончарного сосуда баночного типа с вертикальными стенками толщиной около 1 см; венчик — выступающий округлый валик диаметром 45 см; глина красная, с песком, снаружи розовый ангоб.

Кухонная керамика представлена археологически целым лепным котлом с венчиком, подправленным на круге; уплощенное сферическое тулово плавно переходит в невысокий бортик; венчик — скругленная закраина; выпуклое дно со следами песчаной подсыпки переходит в стенки тулова резким перегибом; диаметр венчика 15, донца — 22, тулова — 25 см; глина светлая, на нижней части котла следы огня. Его следует отнести ко II типу котлов тепай-шахского комплекса (рис. 3, 8). Найден также фрагмент верхней части лепного котла сферической формы: венчик в виде пристроенной закраины, поправленной на круге, диаметром 15 см; глина светло-коричневая, с примесью песка; обе поверхности покрыты зеленовато-коричневым ангобом (рис. 3, 9). Он близок к типу I тепай-шахского комплекса.

В целом, эта группа керамики близка тепай-шахскому комплексу. Миски (рис. 3, 1, 2) и чаша (рис. 3, 3) имеют близкие аналогии¹⁷. Хорошо известны они и в других комплексах "великокушанского" времени¹⁸. Что же касается котлов, то они тоже имеют прямые соответствия в керамике Тепай-Шах¹⁹. Как представляется, рассмотренную группу можно безоговорочно отнести к кушано-бактрийскому комплексу П-КБ-П, он же дальверзинский комплекс²⁰.

Ущ строительный горизонт. Следующая группа керамики происходит с уровня над кирпичной вымосткой (пол № 4) и под полом № 5 Ущ строительного периода (0,5–0,9 м над реперной отметкой).

Столовая керамика: а) Нижняя часть чаши (тип П) с яйцевидным туловом на сплошном дисковидном поддоне со слабо вогнутой нижней поверхностью, диаметром 5 см (рис. 3, 10); переход от тулова к бортику плавный; диаметр тулова 12,5 см; глина коричневая, плохо отмученная; ангоб снаружи коричнево-красноватый, не достигающий до поддона, по нему — вертикальное полосчатое лощение. б) Донце чаши с выделенным дисковидным поддоном, слегка вогнутым, диаметром 5,5 см; глина оранжевая, ангоб отсутствует.

Тарная керамика этого слоя: два донца кувшинов с выделенным поддоном, диаметрами 8 и 10 см; пять донцев кувши-

нов со слабовыделенным поддоном; диаметры IО, II, I3 и I6 см.

УШ и IX строительные горизонты относятся к вышележащей группе, крайне малочисленной, не позволяющей выделить различия и рассматривающейся суммарно.

Столовая посуда: а) Чаши представлены одним донцем маленького размера; поддон дисковидный с сильно вогнутой нижней поверхностью; стенки резервуара прямые в профиле; диаметр донца 4 см (рис.3, II); глина коричневого цвета со значительной примесью песка; вся чаша изнутри и снаружи (за исключением поддона) покрыта коричневым ангобом.

Тарная керамика: а) Тагоры. Первый фрагмент – венчик небольшого диаметра (20 см); отогнут наружу, подпрямоугольный в сечении; глина оранжевая; ангоб серовато-белый по обеим поверхностям, изнутри перекрыт вторично розовым ангобом. Эту тагору следует отнести ко второму типу тепай-шахского комплекса; отличительные особенности: отсутствие орнаментации и мелкий диаметр (рис.3, I2). Второй фрагмент – часть крупной тагоры с полусферическим туловом; венчик подтреугольный в сечении с профилированной верхней поверхностью; диаметр 32 см; глина оранжевая, с песком; ангоб серовато-белый – внутри и снаружи; относится к типу I тепай-шахского комплекса, размер характерен для периода I, различия лишь в цвете ангоба (рис.3, I3). б) Кувшины найдены в четырех фрагментах: первый – донце со слабовыраженным поддоном диаметром I6 см; второй – фрагмент плечиков с орнаментом под уступом, отделяющим горло от плечиков; третий – фрагмент горла с орнаментом из ряда неправильно овальных вдавлений диаметром 0,6 см, расстояние между ними около 0,8 см; ниже – вдавленный орнамент из двух желобков и зигзага между ними; четвертый – фрагмент горла тонкостенного одноручного кувшина, горло высокое, слегка расширяющееся книзу, венчик подпрямоугольный, сверху, снаружи декорированный желобками, диаметр I0 см; верхний конец ручки в I,5 см под венчиком, ручка уплощенная, сужающаяся книзу, шириной около 3 см; глина светло-коричневая; ангоб серовато-белый, только с внешней стороны, по венчику перекрыт коричневой полосой в 4 см (рис.3, I4). В комплексе была найдена верхняя часть хума, подправленная на круге, склеена из I5 фрагментов; плечики покатые, горло утрачено; венчик с круглой узкой боковой поверхностью (толщиной I,5 см) и широкой, вогнутой внутрь верхней – диаметром 4I см; глина красная, с

песком и шамотом, снаружи серо-коричневый ангоб и следы огня.

Кухонная керамика: а) Лепной тонкостенный котел сферической формы с подправленной на круге верхней частью; венчик наклонен верхней плоскостью внутрь котла, ширина венчика 0,5, диаметр 20 см; в трех см под венчиком заметен след от ручки; глина оранжевая, с примесью шамота; обе поверхности ангобованы: внутренняя - серо-белая, внешняя - розовая; котел относится к типу I тепай-шахского комплекса (рис. 3, 15). б) фрагмент верхней части лепного горшка со слегка расширяющимся горлом высотой 3 см, плавно переходящим в некрутые плечики; венчик невыделенный, сверху уплощенный, диаметром 15 см; глина коричневая с примесью крупного песка и шамота; ангоб отсутствует, на венчике следы огня.

Керамические комплексы УП, УШ и IX горизонтов не дали форм, сколько-нибудь отличающихся от комплекса УI строительного периода. Заметно лишь относительное уменьшение столовой посуды. Отдельные формы из комплексов УП-IX как столовой, так тарной и кухонной керамики находят аналогии в керамическом комплексе Тепай-шах. Все это позволяет объединить группы УI-IX стратиграфических горизонтов в один комплекс.

Произведенная выборка слишком мала, чтобы выделить локальные отличия, характерные исключительно для Тахти Сангина. Керамику УI-IX строительных горизонтов следует отнести к КБ-II, иными словами, к "великокушанскому" периоду. В этой работе вопрос о верхней дате не затрагивался, можно лишь отметить, что ямы кроющего слоя с кушано-сасанидским набором керамики были впущены в стены и помещения вышеописанного комплекса тогда, когда они давно уже были засыпаны надувным песком. Судя по закраинам ям, поверхность заброшенного поселения представляла собой гладкий холм.

И л л ю с т р а ц и и :

Рис.1. Керамика алтарно-башенного сооружения.

Рис.2. Керамика алтарно-башенного сооружения.

Рис.3. Керамика алтарно-башенного сооружения.

Л и т е р а т у р а

1. Манделыштам А.М. Кочевники на пути в Индию (МИА № 136). М.-Л., 1966, табл. XIV, 9, II.
2. Литвинский Б.А., Седов А.В. Тепаи-шах. - Культура и связи кушанской Бактрии. М., 1983, табл. XIV; Некрасова Е.Г., Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. и др. Дальверзин-тепе - кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978, с. 151; Пидаев Ш.Р. Керамика Джига-тепе. - Древняя Бактрия. Вып. 3. М., 1984, с. 119, 121.
3. Седов А.В. Керамические комплексы Ай-Ханумского типа на правом берегу Амударьи. - СА, 1984, № 3, с. 173, 174.
4. Литвинский Б.А., Седов А.В. Тепаи-шах., с. 140.
5. Литвинский Б.А., Седов А.В. Тепаи-шах., с. 142.
6. Литвинский Б.А., Седов А.В. Тепаи-шах., с. 142.
7. Седов А.В. Керамические комплексы., с. 78.
8. Некрасова Е.Г., Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. и др. Дальверзин-тепе., с. 148.
9. Массон В.М. Северная Бактрия. - Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985, с. 255, табл. С1Х, 9-24.
10. Литвинский Б.А., Седов А.В. Тепаи-шах., табл. XIV.
11. Тургунов Б.А., Пугаченкова Г.А. Дом рядового гражданина. - Дальверзин-тепе - кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978, с. 71, рис. 101, 18 а.
12. Пидаев Ш.Р. Керамика., с. 117, № 34.
13. Литвинский Б.А., Седов А.В. Тепаи-шах., с. 141, табл. XIV, 10-12.
14. Литвинский Б.А., Седов А.В. Тепаи-шах., табл. XIII, 1, 4.
15. Литвинский Б.А., Седов А.В. Тепаи-шах., табл. XIII, 16, 22.
16. Некрасова Е.Г., Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. и др. Дальверзин-тепе., с. 151, № 22, 23.
17. Литвинский Б.А., Седов А.В. Тепаи-шах., табл. XIII, 1, 2, 4, 15, 16.
18. Некрасова Е.Г., Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. и др.

Дальверзин-тепе..., с.151, № II, I2, I4a; Зеймаль Е.В. Археологические работы в Шахринау. -АРТ. Вып.XIX (1979), 1986, с. 175, 6,7; Пугаченкова Г.А. Халчаян. -К проблеме художественной культуры Северной Бактрии. Ташкент, 1966, с.82 и др.

19. Литвинский Б.А., Седов А.В. Тепаи-шах..., табл.ХУП, 3,6,7.

20. Массон В.М. Северная Бактрия..., с.255.

Рис. 1

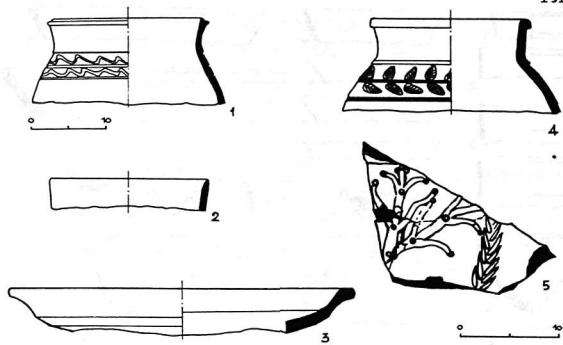
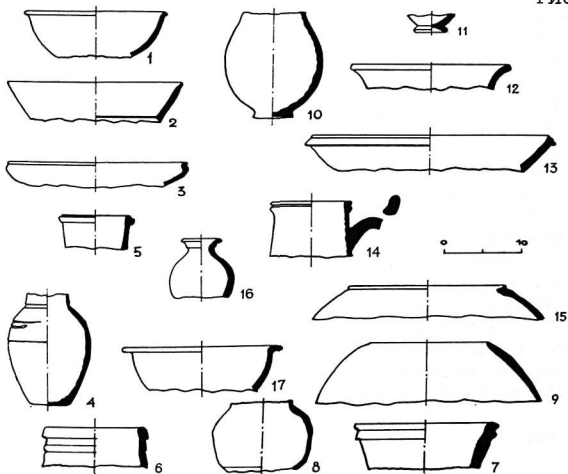
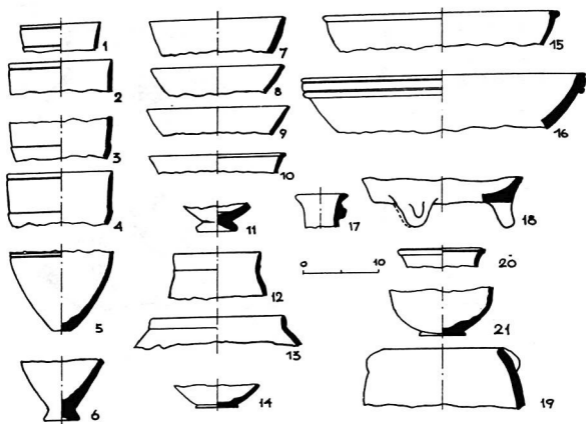

Рис. 3

КУЛЬТОВЫЕ И ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ КУШАНСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ КАМПЫР-ТЕПЕ

При археологических исследованиях отряда Узбекистанской искусствоведческой экспедиции на городище Кампыр-тепе, расположенном в Гагаринском районе Сурхандарьинской области Уз. ССР, на правом берегу Амударьи, в 30 км к западу от Термеза, были открыты разнообразные культовые и погребальные сооружения^I.

В данной статье дается обобщающая характеристика уже опубликованных и ранее неизвестных памятников подобного типа.

Культовые сооружения. В 150-300 м к западу от цитадели Кампыр-тепе расположена группа наземных сырцовых сооружений. Первоначально они трактовались нами как погребальные наусы, однако, после тщательного анализа представляется более корректным видеть в них своеобразные культовые сооружения — дома или "микрохрамы" для духов предков. В этой группе зафиксированы одиннадцать сооружений, восемь из них полностью раскопаны. Они возведены из квадратного сырцового кирпича 33-34x33-34x13-15 см, на выровненной поверхности естественных холмов, высотой до 0,5-1 м. Сохранность стен 0,2-0,9 м, ширина — 0,8-1,1 м.

Почти все помещения в этих сооружениях до сохранившейся высоты стен заложены сырцовым кирпичом. Стены камер в интерьере до поверхности закладки штукатурки не имеют, тогда как с фасадной стороны они покрыты толстым слоем глиняно-саманной штукатурки, а поверх нее — известковой побелкой. Главный фасад у всех сооружений выделен выступающими на 20-25 см пилястрами. Сооружения ориентированы по оси север-юг с небольшим отклонением на восток, фасадом на восток.

Сооружение I. Первоначально были возведены два отдельно стоящих здания на небольшом расстоянии друг от друга. Затем, пространство между ними было заложено

жено сырцовым кирпичом, в результате чего образовалось прямоугольное в плане сооружение (15x5,1 м). Северное здание подквадратное в плане (5,95x4,9 м) включает два разделенных стеной помещения (3x1,65 м). Внутри сырцовой закладки камеры забутованы комьями глины и обломками сырцового кирпича. На уровне верхней границы закладки найдены три фрагмента человеческих костей и две фаланги пальцев. Южное здание тоже подквадратное в плане (5,9x4 м), состоит из двух разделенных простенком помещений (3x1,75 м). Впритык к фасадной стенке северного здания на уровне основания стен стоял красноангобированный кубок, а перед южным зданием — двуручный сосуд и поильник с носиком-сливом (табл. I).

В восточной части холма, свободной от застройки, обнаружены культурные слои, в которых отмечены два уровня. Первый представляет собой выровненную поверхность холма, совпадающую с уровнем полов в камерах зданий. На поверхности холма здесь выявлены пять углублений диаметром 10–15 см, расположенных дугой на расстоянии 1,2–1,5 м друг от друга, от стены здания до северного края холма. На этом же уровне обнаружены два очажных пятна с обгоревшими костями животных. Между первым и вторым уровнем, зафиксированным на высоте 50 см у стены здания и 10 см у края бугра, залегает довольно плотный слой земли темно-коричневого цвета, насыщенный фрагментами керамики. Второй уровень отмечен прослойкой известковых вкраплений, вероятно, от упавшей штукатурки, выше нее до уровня дневной поверхности идет рыхлый слой, состоящий из надувного песка, фрагментов керамики и обломков зернотерок.

Сооружение II. Расположено под углом в 90° по отношению к предыдущему, с южной стороны от него на расстоянии 85 см. Прямоугольное в плане (9,3x4,55 м) сооружение состоит из двух помещений.

Помещение I. Обращено входом на восток. В юго-восточном его углу расположена ниша (1x0,25 м). Помещение полностью забутовано рядами сырцового кирпича, в швах которых встречались фрагменты керамики. На уровне верхнего ряда найдены фаланги пальцев руки и ноги. С южной стороны помещения позднее были пристроены две параллельные стены, причем западная стена пристройки западнее с аналогичной стеной камеры, а восточная — с небольшим, до 15 см, отступлением от грани стены

камеры. В результате этих достроек возникло новое помещение типа глубокого айвана (3,75x3,05 м), стены которого изнутри покрыты глиняно-саманной штукатуркой. В помещении обнаружено небольшое количество керамики. Вдоль главного фасада с восточной стороны, впритык к стене стояли шесть керамических сосудов, целых и с дефектами, причем некоторые из них были вложены друг в друга (табл. II).

В культурном слое восточной части холма встречается множество фрагментов керамики, отдельные кости животных и птиц, а также очажные пятна.

Сооружение III. Расположено в 24 м к северо-востоку от предыдущего. Прямоугольное в плане (12,5 x 4 м). Первоначально состояло из двух зданий, соединенных общей юго-западной стеной, и расположенного между ними открытого с северо-восточной стороны помещения (табл. III, У). Северное здание (4,8x4 м) включает две камеры (2,1x0,5 м). На уровне верхнего ряда закладки в нем найдены фрагменты человеческого черепа. Южное здание (3,9x3 м) первоначально состояло из одной камеры (2,05x1,25 м). Затем, промежуток между зданиями I и 2 был закрыт с северо-восточной стороны сырцовыми стенами. Дополнительно к юго-восточной стене здания была пристроена еще одна стена, в результате чего образовалась новая камера (2,05x1,3 м). Под дерновым слоем на уровне верхнего ряда закладки в нем найдена ключица и фаланги пальцев. Здание 3 (4,3x3,3 м), пристроенное с южной стороны к зданию 2, включает одну камеру (2,5x1,7 м). Предметов и костей в камере не обнаружено. Культурный слой в восточной половине бугра однороден: надувной песок, разрушенный сырцовый кирпич от кладки стен и фрагменты керамики. Перед восточной стеной здания I находились красноангобированный бокал и кубок. Еще один кубок стоял перед зданием 2.

Сооружение IV. Расположено в 25 м к северо-востоку от предыдущего. Сохранились лишь отдельные фрагменты сырцовых кирпичей.

Сооружение V. Расположено в северо-восточной части некрополя. Сооружение прямоугольное в плане (7,69x3,96 м), ориентировано по оси северо-восток - юго-запад; главным фасадом, выделенным выступающими на 0,25 м пилястрами, обращено на юго-восток. Состоит из двух камер, к которым с юго-запада пристроен открытый "айван", хотя, воз-

можно, что юго-западная стена здесь просто не сохранилась (табл. IV). Внутри сооружения костей, керамики и иных предметов не обнаружено. Камера I подквадратная в плане (2,14x2,18 м). Пол ровный, обмазан слоем глины с саманом толщиной 2-3 см. Над полом рыхлый слой толщиной 16 см с обломками сырцового кирпича и слой средней плотности желтоватого цвета толщиной 18 см. Камера 2 прямоугольная в плане (2,04x2,20 м). Пол ровный с глино-саманной промазкой толщиной 4-6 см. Юго-восточный и юго-западный углы камеры заняты сложенными из сырцового кирпича вперевязь с основными стенами подквадратными в плане выступами (79x63 см и 84x75 см), образующими нишу шириной 80 см. На одном из выступов (юго-восточном) следы, возможно, ритуального очага с остатками стебельков и веточек растений. Северная часть камеры занята суфой шириной 0,7 м, разделенной на несколько отрезков стенками в один кирпич, сохранившимися в высоту на 14-16 см от уровня пола и покрытыми глиняной штукатуркой толщиной 4 см. На площадке перед восточной стеной здания, начиная с севера на юг, располагалось несколько керамических сосудов: двуручный разбитый кувшин, два кубка, резервуар курильницы, небольшой сосуд с носиком и ручкой, а также значительное число фрагментов керамики. Тут же отмечены два небольших очага.

Для данных сооружений выявлено два этапа строительства: первый - существование одиночных зданий с двумя или одним помещением; второй этап - забутовка их на определенную высоту сырцовым кирпичом и превращение в результате перестройки свободного пространства между зданиями в помещение (как в сооружениях I и III). В сооружении III к имеющимся двум зданиям пристраивается еще одно, с одним помещением; в сооружении II - пристраиваются две стены, образующие глубокий айван. Таким образом, одиночные здания превращаются в длинные вытянутые сооружения, включающие до 4-5 помещений.

Датировка вскрытых сооружений определяется обнаруженной здесь керамикой и общими хронологическими рамками основного периода обживания городища, т.е. временем правления кушанских царей Сотера Мегаса-Канишки.

Примечательной особенностью керамики является наличие осудов, тяготеющих, с одной стороны, к юэчжийско-кушанскому времени, а с другой - присутствие форм, свойственных развитому кушанскому периоду.

Первые представлены цилиндро-коническими кубками, аналогии которым дают многие северобактрийские памятники конца II в. до н.э. — I в. н.э. (Айртамский и Тулхарский могильники, нижний горизонт Дальверзинского науса, Мирзакул-тепе)². Однако, в данных сооружениях эти формы довольно редки, к тому же, более ранние кубки с глухим дисковидным поддоном здесь фактически отсутствуют; преобладают кубки с кольцевым поддоном. Примечательно, что кубки отсутствуют и среди довольно многочисленной керамики из погребений в башнях крепостной стены Кампыр-тепе, датируемых монетами Хувишки. В составе погребального инвентаря Ялангтушского могильника единственный цилиндро-конический кубок найден только в наусе вместе с монетой Сотера Мегаса, тогда как в других наусах, датированных монетами Кадфиза II — Хувишки, их совсем нет.

Если сопоставить эти факты, то можно, вероятно, заключить, что в период правления Кадфиза II — Канишки цилиндро-конические кубки становятся очень редкой формой, а во время Хувишки их производство, видимо, уже прекращается.

Вторая группа керамики представлена колоколовидными кубками на кольцевом поддоне и аналогичной формы бокалами на высокой профилированной ножке, сосудами-поильниками, одноручными кувшинами с шаровидным туловом, горшками и тагора. Для некоторых из этих форм характерен процарапанный волнистый линейный орнамент. Аналогичные формы керамики свойственны памятникам развитого кушанского времени: Дальверзин-тепе (слой ДТ-3)³, могильникам Туп-хану⁴ и Тулхара⁵.

Набор керамики подобных форм и орнаментации обычен для других объектов Кампыр-тепе: цитадель, здание Р-I, где им сопутствуют монеты Кадфиза II и Канишки. Вместе с тем, в довольно многочисленном наборе керамики из данных сооружений отсутствуют такие примечательные формы керамики как кружки с петлевидной ручкой. Они также редки на Кампыр-тепе, где одна кружка отмечена только в восточном погребальном комплексе. Кружки являются одной из ведущих форм керамики кушано-саснидского времени, хотя отдельные экземпляры их, как в Кампыр-тепе, встречаются в более ранних комплексах. Данные о них собраны А.В.Седовым, который считает возможным ограничить время появления кружек в керамике кушанских памятников Северной Бактрии III в.н.э. Этот вывод правомерен в отношении массового их распространения, но единичные экземпляры

кружек появляются здесь уже во II в.н.э.

В целом, датировка кампыртепинских сооружений укладывается во время ранее III в.н.э. и, вероятнее всего, в I-II вв.н.э. Видимо, эти сооружения были возведены уже на раннем этапе существования городища и перестают быть объектом поклонения с его запустением. Примечательно в связи с этим отсутствие в керамическом комплексе керамики, характерной для позднекушанского и кушано-сасанидского времени.

Обратимся теперь к интерпретации этих сооружений, применяя метод исключения, поскольку соответствующих аналогов в археологических памятниках Средней Азии и Востока не имеется.

Определенно можно исключить их жилое назначение из-за малой площади помещений и отсутствия культурного слоя, характерного для жилых комнат. Более вероятна их трактовка как погребальных наусов, но и в этом случае имеются обстоятельства, затрудняющие подробное определение: почти полное отсутствие костей и инвентаря. Правда, в двух помещениях отмечено наличие нескольких костей и даже фрагментов черепа, но причина их нахождения здесь могла быть совсем иная, нежели захоронение. Отсутствие костей и предметов, если считать эти здания погребальными, можно было бы объяснить плохой сохранностью, но в наусах Ялангтуш-тепе, при гораздо меньшей высоте стен, погребальный инвентарь и кости имеются в достаточном количестве.

Нельзя считать эти сооружения кенотафами, возведенными в память умерших на чужбине сородичей: столь большое их количество для одного городища, некрополь которого при данной трактовке состоял бы из одних кенотафов, — маловероятно. Об этом же свидетельствуют и конкретные археологические факты, полученные при раскопках. Как показано нами выше, все пространство бугра делится на две части: одну часть занимает само сооружение, вторая же представляет собой нечто иное — как бы своеобразную ритуальную площадку для совершения различных обрядовых действий. На этой площадке, в частности, обнаружены небольшие углубления — лунки, заполненные чаще всего чистой золой, остатками сгоревших растений и, изредка, пережженными костями животных. Вполне вероятно, что это — своеобразные культовые очажки, в которых возжигались определенные виды растений, так как размеры лунок (15–20 см в диаметре) не позволяют считать их бытовыми очагами. Вероятно, пища, также

как и напитки, приносились сюда в сосудах, причем часть их после совершения обрядовых пиршеств, здесь же и разбивалась — об этом говорит наличие множества фрагментов сосудов, разбросанных по площади холма, причем некоторые из них удалось полностью собрать. Другая часть сосудов, по-видимому, предназначенных в дар духам, ставилась заполненными пищей и напитками (в одном из них обнаружены остатки пищи темного цвета и комки зерен) перед стенами сооружений; среди них — посуда, употреблявшаяся для пищи (тарелки, чаши, горшки) и для питья (кубки, поильники). Вместе с тем, какая-то часть пищи и напитков приготавливалась на месте. В некоторых местах площадок обнаружены очажные пятна, а найденные здесь зернотерки и куранты употреблялись для растирания зерен и растений. Очевидно, весь цикл обрядовых действий, совершаемых на ритуальных площадках, связан с жертвоприношениями и кормлением духов предков. Причем, жертвоприношения носили преимущественно бескровный характер, поскольку находки костей животных очень редки (один раз встречены рога горного козла). Возможно, что помимо жертвоприношений, в обрядовые действия входили также магико-заклинательные акты, обращенные к духам предков с просьбой о помощи. Обратим, в частности, внимание на наличие на ритуальных площадках специально выкопанных лунок с иного рода заполнением — только чистой землей. В связи с этим, любопытна одна этнографическая параллель. Е.М. Пещерева пишет, что на второй день праздника Гули Сурх в Исфаге женщины идут к мазару Ходжа Абдулло-и Сурхи, где готовят жертвенную пищу. После того, как пища съедена, женщины копают рукой ямки около стен мазара и по найденным предметам (зернам и червям) гадают о том, кто родится в этом году, какого пола будет ребенок?

Наличие двух уровней функционирования на ритуальных площадках, гомогенность культурного слоя и находок свидетельствуют о том, что каждое из зданий было почитаемо в течение длительного времени, возможно, на всем протяжении существования городища Кампыр-тепе. Совокупность полученных археологических данных указывает на очевидную связь этих сооружений с циклом поминальных и посвященных обрядов, связанных с почитанием предков. Вероятно, одно сооружение было посвящено культу предков определенной семьи, тогда как последующее объединение нескольких сооружений в одно целое, воз-

можно, свидетельствуют о слиянии культа конкретных предков в большесемейный общий культ.

Письменные источники и, в особенности, этнографические данные дают бесспорные свидетельства существования в Средней Азии различных сооружений, посвященных культу предков. Исходя из этих данных можно выявить следующие их типы:

I. Храмы царских предков. Обрядовый цикл в них включал ритуальный культовый обход возвышения с прахом предков, жертвоприношение плодов и растений, поминальную тризну⁸.

II. Погребальные наусы, где в определенные дни, предшествующие наурузу, производилось кормление духов предков⁹.

III. Жилые дома, изредка посещаемые духами предков, для которых на крышах домов устанавливались сосуды с напитками¹⁰.

Археологические данные дополняют этот реестр сооружений, посвященных культу предков, еще двумя типами.

Это династийные храмы, которые, как Сурх-Котал, возводились для прославления умерших кушанских царей и, следовательно, также фактически являлись обиталищем их духа, представленного в антропоморфном виде в скульптуре царей, украшавшей храм, или становились таковыми с течением времени, как Халчянский дворец, превращенный впоследствии в храм обожествленных предков героев-прародителей¹¹.

Это также семейные святилища-молеельни, посвященные духам предков, выявленные в жилых домах Бактрии¹², Согды¹³ и Ферганы¹⁴. Для этой цели, вероятно, в каждом доме отводилось специальное помещение, непременной принадлежностью которого была ниша с возжигаемым в ней огнем в честь конкретных предков семьи. Иногда в подобных святилищах устанавливались терракотовые статуэтки или примитивные "лепные идола", передающие, вероятно, обобщенный образ прародителя - предка семьи. В жилых домах могли быть также и другие места (порог, очаг), воспринимаемые как обиталище духов предков.

Можно предположить, что в подобном же качестве следует рассматривать так называемые "гробницы Сиявуша" - могущественного предка-героя, существовавшие во многих местах предполагаемой его гибели - внутри ворот продавцов соломы в Бухаре, в Пайкенде и Хорезме¹⁵.

Очевидно, что в областях древней и раннесредневековой Средней Азии существовали различного рода сооружения, посвященные культу предков, отображавшие два направления: семей-

ный культ и культ царских предков, возведенный в ранг общегосударственной религии.

Небезинтересно рассмотреть также этнографические данные, в особенности по Средней Азии, связанные с темой нашего исследования, поскольку они значительно расширяют круг сооружений для духов предков, а некоторые из них имеют вероятную генетическую связь с более ранними зданиями подобного типа.

По удачному выражению Грант-Аллена, культ предков составляет основу всех религий мира¹⁶, а потому сооружения, посвященные этому культу, воплощенные в самые разнообразные формы, встречаются у многих народов мира. Они различны как по социальному признаку (духи знатных могущественных предков имели соответственные этому положению храмы, а духи предков простого люда — простые хижины), так и по своей архитектуре. В селениях некоторых племен существовало по два или три храма — "дома духа". У других народов эту функцию выполняло дерево, его обрубок или столб, подпиравший крышу, а также очаг и порог в жилом доме. Жилища духов предков по поверьям многих народов располагались в горах или других естественных убежищах¹⁷. "Дома для духов предков" сохранились до сих пор в ряде районов Средней Азии. В хорезмде у мазаров зачастую встречаются примитивные сооружения из поставленных на ребро жженой кирпичей, называемые "арвах-уй" — "дом духа"¹⁸, представляющие собой ни что иное, как миниатюрную имитацию более монументальных зданий аналогичной цели.

Другая разновидность домов духов предков — макчам была открыта в с. Карамурт в Южном Казахстане. Это купольная однокамерная постройка высотой 1,2—1,5 м, шириной до 0,5 м, сложенная из крупноформатного кирпича, покрытого снаружи глиняной штукатуркой. В одной из стен — дверной проем, в другой — оконце со вставленным в него "аламом" — лоскутом материи на палке. В интерьере домика помещалась тарелка с золой, в которую втыкали светильники, зажигаемые каждый четверг вечером. Перед дверцей макчама — небольшие "суфа", на которые ставили посуду с едой для духов предков. Наряду с односемейными существовали также макчамы, предназначенные для нескольких семей. Они сооружались во дворе, на поляне, в саду.

Третья разновидность сооружений подобного типа — чирогхана, отличается от первых двух ярко выраженным сочетанием культа огня и культа предков. К сожалению, чирогхана, широко

распространенные в Средней Азии и неоднократно упоминающиеся многими исследователями, до сих пор еще по-настоящему не изучены. По мнению Л.И.Ремпеля, они представляют собой модель купольных зданий, изваянную из целого блока камня или сложенную из кирпичей с нишей в виде глубокого сводчатого айвана, где помещался чирог или лучина — пилик. Наиболее ранние образцы чирогхана, относящиеся к XV—XVII вв., имеются на мазаре Абдал-Халика в Гиджуване, Ходжа Абди-Дарун в Самарканде и в бухарском Чор-Багре¹⁹.

Вообще же чирогхана отличаются большим разнообразием типов и вариантов, свидетельствующих о том, что они могут быть не только моделью купольных зданий, но и миниатюрным повторением бытовавших некогда различных купольных сооружений. К примеру, чирогхана устраивались до недавнего времени в нишах, украшавших снаружи глинобитные стены самаркандских усадеб-курганча. В этом случае напрашивается параллель с обычаем некоторых племен, рассматривающих столб перед жилищем как воплощение прародителя рода с принесением его духу жертвы.

Интересные и разнообразные типы чирогхана зафиксированы мною и З.А.Аршавской на территории части прежней Бактрии в Сурхандарьинской области Уз.ССР на ряде мазаров. Среди них можно выделить следующие типы:

1. Миниатюрное сооружение из жженого кирпича, квадратное в плане, с арочным входом, пристроенное к внешней стене мавзолея Ходж-Иса.

2. Глинобитные сооружения с прорезьями-нишками для чирогов, концентрически расположенные по верхней части мавзолея Бузуругвор.

3. Отдельностоящее глинобитной призматическое сооружение 1,5x0,5x1,6 м с треугольной нишей в одной из стен для чирогов (мавзолей Ахтам-Сахоба).

4. Треугольное в плане глинобитное сооружение, находящееся в интерьере мавзолея у одной из его стен. В верхней части несколько нишек для чирогов и жертвенной пищи (Ходжа-Акиляндоз).

5. Глинобитное сооружение у входа в мавзолей, прямоугольное в плане, с порталом и арочным входом. В верхней его части — имитация обходной галереи с прорезьями окон-ниш (Султан Санджар Маузи).

Ритуал действий посетителей мазаров включал возжигание

растений в чирогe, подношение пищи, иногда денег, а также глиняных шариков, в которые подмешивалась кровь жертвенных животных. По словам информаторов, это делается для того, чтобы умилостивить, накормить и согреть духов умерших предков, которые или постоянно живут в чирогхана, или временно поселяются в них в канун науруза и других религиозных праздников. Сущность этих обрядовых действий носит явно архаичный характер, восходящий к ритуалам кушанского времени, зафиксированным, в частности, у домов духов предков в Кампыр-тепе.

Вероятно, не только обряды, но и сами сооружения типа чирогхана, макчам и арвох-уй имеют генетические прототипы в древних зданиях Средней Азии подобного типа. В этом отношении особенно интересны макчамы, по своей архитектуре имеющие очевидное сходство с кампыртепшинскими сооружениями.

Погребальные сооружения. Восточный некрополь. В 110 м к востоку от крепостной стены городища, за оврагом расположена лесовая возвышенность. Здесь вскрыто сооружение прямоугольного плана (66,5x34,8 м), вытянутое с севера на юг. Оно состоит из трех зданий, возведенных из сырцового кирпича: 36x36x12; 41:40x12 см. Стены сохранились на высоту 0,2-0,6 м.

Здание I (южное). Вначале его монолитная платформа (10,5-10,8x3 м) целиком сложена из сырцового кирпича. В швах и на кирпичах — отдельные фрагменты человеческих костей. За ней — чередующиеся друг с другом девять камер различной планировки и размеров. К западной стене камеры I с внешней стороны пристроено еще одно помещение со входом (1,6x0,8 м), заполненное слоем надувного песка. Камера I и камера 2 забутованы на сохранившуюся высоту сырцовым кирпичом тех же размеров. Все остальные камеры внутри заложены чистым лессом, в некоторых из них встречаются фрагменты керамики и обломки сырцового кирпича.

Здание 2 (среднее). Прямоугольное в плане (7x3,5 м) с единственной камерой (6x2,8 м). Заполнение того же типа.

Здание 3 (северное). Прямоугольное в плане, включает две больших камеры (4,5x2,8 и 7x2,8 м) и одну маленькую (2,8x0,7 м). Пол во всех камерах представляет собой выровненную поверхность материка (табл. VI).

Параллельно зданию 3 на расстоянии 4,7 м с западной стороны имелось еще одно сооружение, состоящее из нескольких

разрушенных помещений. Пространство между этими двумя зданиями заполнено множеством фрагментов сосудов разнообразных форм; встречаются отдельные человеческие кости, причем в одном случае берцовая кость лежала на донце хума, а фаланги пальцев рук были прикрыты двумя перевернутыми вверх дном мисками. Здесь также обнаружены две бронзовые серьги, медные пластинки и древесные угольки.

Близкие, но не идентичные данные дали раскопки за внешним фасом восточной стены сооружения I. Здесь вдоль стены от юго-восточного угла платформы до камеры 4 прослежен выкопанный в материковом грунте ров (25x1,1 м) глубиной 15-18 см, но в двух местах, на стыке камер I и 2, вдоль камеры 3 имелись ямы, протяженностью 2,5-4 м, углубленные в дне рва до 0,4 м. Они последовательно были заполнены рыхлой землей, органикой, древесными уголками и фрагментами керамики; толщина слоя 15-17 см. Поверх ям находились очаги: один над первой ямой, а два - над второй. Еще один очаг располагался у середины платформы непосредственно на дне рва. Очаги овальной и круглой форм: 1,5x1,6 - 1,5x1,1 м. Очажный слой толщиной 15-20 см состоит, последовательно, из окалины, чистой золы, пепла и обгорелых веточек кустарников и деревьев. Над очагом в первой яме культурный слой имеет толщину 40 см, в нем большое количество целых сосудов и обломков. Он сверху перекрыт уровнем пола, представляющим собой слой глиняной смазки толщиной 3 см. На этот уровень уложены обломки и целые сырцовые кирпичи, поверх которых также стоят керамические сосуды. Общая толщина культурного слоя у стены здания 80-85 см. Несколько иной характер носит стратиграфия заполнения рва в местах, где нет очагов. Для примера приведем описание слоев у стыка платформы и камеры I. На дне рва здесь стояли две чашечки, одна - в специально вырытой ямке. Над ними уложен сырцовый кирпич, образующий первый уровень "пола". На этом уровне возле стен вплоть до помещения 7 в несколько "этажей" размещалось множество сосудов разнообразных форм, лежащих на боку, вверх дном, один в другом, причем как целые, так и нарочито сломанные. Среди них особо примечательны курительницы вычурных форм, иногда оформленные по нижнему краю стилизованными головками птиц и украшенные волнистым орнаментом. Резервуары всех курительниц были заполнены обгоревшими веточками растений и кустарников, цветами и сторевшими плодами

шиповника и миндаля. В мисках, в отличие от них, была, в основном, чистая зола. Судя по отсутствию на стенках этих сосудов следов опаленности, все находящиеся в них компоненты засыпались из расположенных поблизости очагов, которые, по-видимому, предназначались для ритуальных целей. В них возжигались культовые растения и плоды, которые затем высыпались в специально подобранные сосуды (курильницы и сероглиняные миски) и ставились у стен здания. Кроме керамических сосудов в ряде мест найдены обломки зернотерок, терочников и медное колечко, находившееся на дне кубка.

На этом же уровне у стен найдены человеческие кости, которые размещали не повсеместно, а складывали кучками в ряде мест. Такие скопления костей отмечены у стен камер I, 2, 3 и 6. Черепа размещались отдельно: у стены платформы и камеры 6. В одном случае фаланги пальцев были положены на дно бокала, в другом — под перевернутую миску. В двух кубках находились также кости животных. В местах, где зафиксирован наиболее мощный культурный слой, предшествующий слой был перекрыт одним рядом сырцового кирпича, смазанного глиной (второй уровень), на котором также были уложены целые и фрагменты керамических сосудов и отдельные человеческие кости.

С западной стороны близкие по характеру культурные отложения имелись только в промежутке между платформой и камерой I. Здесь отмечена прямоугольная яма (60x50 см) глубиной 40 см, на дне которой находилась нижняя часть сосуда, заполненного золой, а рядом лежала сероглиняная миска вверх дном. Северным краем яма подходит к ступеньке длиной 1,2 м и шириной 30 см, вырубленной в материке. На ней стояли два целых рюмкообразных бокала, сероглиняный кувшин, точильный камень, книжная часть кубка, заполненного золой, обгорелыми костями животных и веточками, а также две берцовые кости и фаланги ног. В 1,4 м к югу от этой ямы находится еще одна овальная в плане яма диаметром 1,9 м, глубиной 10–15 см. В центре ее — очаг с золой и пережженными костями, рядом с ним — сырцовый кирпич и перевернутая вверх дном миска.

За исключением бронзовых колечка и подвески и нескольких зернотерок, почти все находки из погребального комплекса представлены керамикой. Общее количество найденных здесь сосудов не поддается учету, т.к. большинство из них было нарочно разбито уже в древности. Удалось установить наличие около

200 сосудов, из которых более 40 дошли целыми или археологически целыми. Все сосуды изготовлены на гончарном круге, черепок плотный, зачастую с примесью песка или мелкой гальки. Ангоб разнообразный – красный различных оттенков, светлый, светло-желтый. Сероглиняная керамика представлена только мисками. Ассортимент форм довольно разнообразен.

Кубки. Найдено два целых и несколько нижних частей. Все кубки на невысоком кольцевом поддоне, цилиндро-конической формы двух вариантов: а) невысокий цилиндр с довольно резким перегибом к более высокому конусу, венчик слегка отогнут наружу, в месте перегиба – две концентрические борозды; б) с более высоким, но менее широким резервуаром, венчик загнут внутрь, переход от цилиндра к конусу более плавный, на его месте – одна концентрическая бороздка.

Бокалы. Это одна из наиболее часто встречающихся форм керамики. Зафиксировано около 20 подобных сосудов. Различаются три типа бокалов: цилиндро-конические, конические и колоколовидные. Цилиндро-конический и конический типы представлены в одном экземпляре. Ведущее место занимают бокалы с колоколовидным туловом, различающиеся между собой плавным или резким перегибом при переходе ко дну, прямым или более отогнутым венчиком, ножкой, которая бывает или более высокой, с валиком посередине, или без него, а также – размерами. Подавляющее большинство сосудов покрыто красноватым ангобом различных оттенков, иногда со следами лощения. Выделяется бокал, представленный в одном экземпляре. У него высокая ножка, опирающаяся на округлое основание, и широкий резервуар с плавно закругленными стенками.

Фиады или чаши. Их несколько вариантов: а) с плоским дном и небольшим резервуаром, стенки которого плавно округляются к венчику; б) с глубоким и широким резервуаром на невысоком кольцевом поддоне, у венчика – концентрическая бороздка; в) на дисковидном поддоне, с крутыми стенками, имеющими резкий переход ко дну; г) небольшие плоские чашечки без поддона.

Миски. Красноглиняные и сероглиняные, в нескольких вариантах: а) различных размеров миски с глубоким резервуаром на дисковидном поддоне, от которого плавно отходят стенки с отогнутым наружу венчиком; б) на дисковидном поддоне, но в середине стенок резервуара резкий перегиб; в) на аналогичном

поддоне, резервуар глубокий, стенки имеют плавный переход ко дну; г) на кольцевидном поддоне с откинутыми стенками резервуара и слегка отогнутым кнаружи венчиком.

Бокаловидный сосуд представлен в одном экземпляре. Плоское дно, узкая цилиндрическая нижняя часть, переходящая в округлый резервуар. Ангоб красный, с лощением.

Кружки. Имеется один целый и несколько разбитых экземпляров. Дно плоское, тулово округлое, венчик прямой, с одного бока кольцевидная ручка-петелька.

Горшки. Несколько вариантов: а) с плоским дном, округлым туловом и кольцевидным венчиком, в верхней части тулова — две концентрические бороздки; б) венчик слегка отогнут наружу; в) тулово более вытянутых пропорций.

Кувшины. Двух типов: 1. Одноручные кувшины с плоским дном, яйцевидным туловом и отогнутым наружу венчиком, на тулове роспись коричневой краской в виде завитка. 2. Двуручные кувшины нескольких вариантов: а) с невысоким дисковидным поддоном, яйцевидным туловом и профилированным венчиком, две ручки прикреплены к верхней части тулова, по тулову проходит несколько концентрических бороздок, по шейке — валик; б) с плоским дном, грушевидным туловом и высокой, четко выраженной горловиной, заканчивается треугольным в сечении венчиком, по середине горловины проходят две концентрические бороздки, аналогичные имеются на тулове, по бокам тулова сосуды украшены трехцветной росписью в виде кругов-спиралей.

Курильницы. Три основных типа: а) курильницы, имеющие округлый или конический резервуар с профилированным венчиком, прямой ствол и коническую нижнюю часть, опирающуюся на три ножки, нижняя часть украшена орнаментом в виде волнистой линии, заключенной между концентрическими рядами косых палочек, по нижнему краю — выступающие вперед профили птиц (вариант — птицы отсутствуют), аналогичные фигурки имеются и в верхней части ствола перед резервуаром, иногда резервуар украшен волнистой линией, поверхность ствола гофрированная; б) аналогичный резервуар и основание с тремя ножками, ствол прямой, разделенный на две части, выступающие бортиками, каждая часть гофрированная; в) аналогичный резервуар, основание плоское, дисковидное, без ножек, ствол приземистый, широкий, с выступающими посередине бортиками (табл. УП, 36-44).

Все курильницы выполнены из хорошо стмученной глины, ак-

гоб светлый или красноватый, различных оттенков.

Обратимся к датировке погребального комплекса. Относительная его хронология, исходя из общих пределов обживания самого городища, достаточно определена — это период, охватывающий время правления Сотера Мегаса и Канишки. Многие формы керамики, найденные здесь, аналогичны происходящим из стратиграфических слоев городища. Так, аналогичной формы курильницы найдены в первом слое здания I, вместе с монетами Кадфиза П. Обращает на себя внимание наличие среди керамики лишь двух цилиндро-конических кубков, которые по ряду признаков отличаются от классических цилиндро-конических кубков, характерных для Греко-бактрийского и юзжийско-бактрийского времени. В то же время, среди керамики широко представлены бокалы различных форм, находящие аналогии во многих памятниках Северной Бактрии великокушанского времени.

В историко-культурном плане большой интерес представляет найденный здесь кувшин со спиралевидной росписью (табл. УП, 48), фрагменты сосудов с аналогичной росписью были найдены и на городище. Для кушанской керамики роспись краской — явление чрезвычайно редкое, отмеченное в комплексах Беграм II и ряда других пунктов, но характер и мотивы орнаментации в нем совершенно иные. Для росписей на кушанской керамике характерен мелкий узкий рисунок, иные краски. На кампыртепинском кувшине роспись передана крупными, широкими мазками, образующими спиралевидные завитки. Прямые аналогии этой росписи дает роспись на керамике Хорезма кангуйского времени. Крупные росписные спиралевидные завитки украшают здесь, в основном, хумы и хумчи, изредка кувшины, на протяжении всего, т.н. "кангуйского" периода (IV в. до н.э. — I в. н.э.). Сосуды с подобной росписью найдены в нижнем (III—II вв. до н.э.) и среднем (I — III—IV вв. н.э.) горизонтах Кой-Крылган-Калы, хотя для второго горизонта роспись употребляется значительно реже. По наблюдениям М.Г.Воробьевой в кушанское время керамика с подобной росписью в Хорезме уже не бытует²⁰. Таким образом, можно предположить наличие прямого влияния хорезмийских традиций на появление росписных сосудов в кушанской Бактрии, хотя сами эти сосуды — бактрийского происхождения.

Конкретный анализ полученных данных позволил нам сопоставить это сооружение с зороастрийскими ката — помещениями для временного хранения трупов²¹. Вместе с тем, представляет-

ся, что в данном сооружении воплощены все три типа зороастрийских погребальных построек (ката, дахма и uzdāna) в сочетании с храмом поминального культа.

Обратимся вначале к самому сооружению. Судя по особенностям планировки, отклонению стен здания от главной оси, оно возводилось не сразу по единому плану, а последовательно: вначале здание I, затем — 2 и 3, разделенные узким проходом. Впоследствии эти проходы были заложены с внешней стороны стенами и покрыты штукатуркой, в результате чего все здания были объединены в одно длинное и узкое сооружение. Очевидно, что оно не имело жилого, хозяйственного или служебного назначения: против этого свидетельствуют не только размеры камер-помещений, но также отсутствие культурного слоя, характерного для них. Полнейшее отсутствие в камерах костей и предметов, и даже их следов говорит о том, что камеры этих зданий не могли предназначаться для постоянных погребений. Среди зороастрийских погребальных построек известны, впрочем, сооружения для временного хранения трупов — ката, описание которого содержится в Видевдате. На вопрос, как поступать почитателям Мазды, когда лето прошло и наступила зима, и нет возможности для переноса тела на дахму, Ахура Мазда отвечает: В каждом доме, в каждом селении пусть возведут три помещения для мертвых". Эти помещения должны быть "достаточно обширны, чтобы не задевать головы стоящего человека, вытянутых ног, протянутых рук, таково правильное помещение для мертвых. Там положат бездыханное тело на две ночи, на три ночи, на месяц, пока не полетят снова птицы, не зацветут растения, не потекут скрытые воды, и ветер не высушит землю. Когда же птицы снова полетят, растения зацветут, скрытые воды потекут, и ветер высушит землю, тогда почитатели Мазды выставят тело на солнце" (Видевдат, фаргард У(10-14)²². (Здесь и далее перевод К. А. Иностранцева).

Большинство из камер сооружения отвечает этим размерам, другие, более узкие, могли предназначаться для детских трупов. Обращает на себя внимание и наличие в углах и в центре в нескольких помещениях (пом. I, 3 в здании 3 и пом. 3, 9 в здании I) лежащих на полу отдельных сырцовых кирпичей. Согласно правилам парсийцев, в месте, где находилась голова трупа, ставился горящий светильник, окруженный четырьмя сырцовыми кирпичами. Возможно, что и в нашем случае кирпичи выполняли

ту же задачу, тем более, что на одном из них обнаружены следы спаленности.

У современных парсов Ирана также существует временное помещение для хранения трупов — *zād-ō marg*, куда труп переносят на носилках после обмывания и выполнения обряда *sagdīd*. Здесь его снимают с носилок и помещают на глиняную суфу, обложенную камнем. После вторичного выполнения обряда *sagdīd*, труп переносят на носилках в дахму²³.

Временные помещения для содержания трупов известны у ряда народов Средней Азии. По данным М.А.Хамиджановой, в каждом из двадцати кишлаков в верховьях реки Шинг имелось свое помещение, куда помещали тяжелобольного. После смерти труп оставляли до похорон на полу помещения, сняв одежду и завернув в палас или пустак — шкуру от барана. В течение трех дней после выноса покойного помещение считалось нечистым, и его закрывали. На четвертый день приходили родственники покойного, вычищали помещение, заново покрывали стены белой глиной и закрывали его. Все вещи выносили из помещения на поляну и сжигали. Аналогичные помещения и сходный обряд их очищения существовали в Ягнобе. Хотя М.А.Хамиджанова сравнивает отделение больного или умершего с зороастрийским обрядом выноса тела на дахму²⁴, не подлежит сомнению, что шингские и ягнобские помещения являются поздними репликами зороастрийского ката.

В другом фаргаде Видевдата на вопрос, что делать почитателям Мазды, когда в доме умирает собака или человек, а на дворе непогода, или же стадо и люди сбились с пути, Ахура Мазда отвечает: "Место этого жилища почитателя Мазды там, где земля наиболее чиста и наиболее суха, где менее всего бывает мелкий и крупный скот, огонь Ахура Мазды, связка (ветвей), посвященных Баресману, и верующие". В отношении расстояния, на котором надо находиться трупу от всех предметов, Ахура Мазда отвечает: "В тридцати шагах от огня, в тридцати шагах от воды, в тридцати шагах от связок (ветвей), посвященных Баресману, в тридцати шагах от верующего. В этом месте верующие выкоп ров глубиной 1/2 фута (16-17 см), если земля тверда, и в 1/2 человеческого роста, если она мягка, (затем) покат на это место пепел или коровий навоз, а сверху кирпичи, камни или очень сухую землю; там поместят они бездыханное тело на две ночи, на три ночи или на месяц,

пока не полетят птицы, пока не зацветут растения, пока не потекут скрытые воды, и ветер не высушит землю". Когда все это наступит, рекомендуется сделать пролом в стене, вынести через него покойника и положить на дахму (Видевдат, УШ(4-10)²⁵. Сравнивая описание рва в Видевдате и рва у кампыртепинского сооружения, можно заметить почти полное их совпадение в размерах, глубине, на которую следует копать ров, и в соответствующем заполнении золой, сухой землей и кирпичами.

Существенное различие в одном: если этот ров предназначался для временного хранения трупов, то непонятно наличие в разных его местах скоплений человеческих костей. Следовательно, можно предположить, что он выполнял как функции дахмы (места выставления трупов), так и *uzdāna* (костехранилища). Исследования Г.Хумбаха и М.Бойс показали, что, с одной стороны, дахма могла быть местом выставления трупов, а с другой — местом хранения уже очищенных костей²⁶. Существенно, что в Авесте, помимо захоронения костей в специальных костехранилищах, рекомендуется способ погребения трупов прямо на землю. Если почитатели Ахура Мазды, говорится там, не в состоянии возвести *uzdāna*, то "пусть положат (скелеты) на их собственное ложе, на их собственную подстилку — (прямо) на землю, выставив на солнечный свет" (перевод М.Бойс).

В кампыртепинском сооружении мы имеем как бы комбинацию "зороастрийских" типов захоронения: кости погребены не в специальную постройку, но не прямо на землю, а на подстилку из глины и золы. Не исключено, что над рвом был какой-то навес на деревянных столбах для предохранения костей и керамики от воздействия атмосферных осадков. Характерно, что ров вырыт с восточной стороны — со стороны восходящего солнца.

Б.А. Литвинский, подробно проанализировавший особенности зороастрийского погребального обряда в Бактрии, пришел к выводу, что сочетание двух типов *uzdāna* в специальном костехранилище и без него, является характерной чертой бактрийского зороастризма²⁷. В могильнике Ялангтуш-тепе, наряду с захоронениями костей в наусах на вершинах небольших естественных холмов, были вскрыты захоронения костей с небольшим количеством инвентаря вне специального захоронения²⁸. Таким образом, захоронения по второму типу в Бактрии отличались разнообразием: внутри здания (Ай-Ханум)²⁹, у его стен (Кампыр-тепе), на вершинах естественных холмов (Ялангтуш-тепе).

Существенной стороной погребального обряда, отмеченного в кампыртепинском сооружении, является наличие здесь культовых очагов и большого числа сосудов, среди которых особо выделяются курильницы и миски, заполненные сгоревшими растениями и плодами.

В зороастрийской погребальной обрядности огонь играл важную роль. Согласно парсийским преданиям, после погребения в доме, где лежал покойник, ставили горящий светильник. Вблизи дахмы, в специальном сооружении, называемом *sagdi*, трое суток после помещения покойника должен гореть огонь или лампа. Огонь в *sagdi* приносили в железной курильнице, и она должна помещаться отдельно. Причины же помещения сюда огня таковы: демон Визареш (*Vizareh*) пугает души, остающиеся (после смерти) в этом мире на три ночи. Душа отдает себя под защиту огня, и демон Визареш, видя его свет, улетает прочь и не может возбудить в душе страх или ужас вплоть до четвертого дня после смерти, когда душа достигает *Meher Devaz* (места суда)³⁰. Таким образом, смысл помещения огня вблизи умирающего или погребального сооружения — оберег от злых духов, стремящихся пленить душу человека³¹.

У зороастрийцев различают два типа священных очагов: алтарь огня, где горит священный неугасимый огонь — основной символ зороастризма, и очаг для жертвоприношения. Согласно исследованиям Г. Гроппа, в поздnezороастрийских храмах огня имелооь два специальных помещения: в одном из них (*aduzian*) огонь постоянно горит в металлической вазе (*atashdan*), другое помещение (*dar-e mehr*) предназначено для жертвоприношений, огонь здесь возжигается для той или иной церемонии, а затем гасится. Ваза с огнем ставится здесь на каменной плите перед большим низким столом с утварью для приготовления хаомы и сосудов для жертвенной пищи³². По данным М. Бойс, при поминальной церемонии (*čharom*) жрецы огня — зордошти кладут в огонь смесь жира, шерсти, обрезков рога и ароматических растений³³.

Видимо, очаги во рву кампыртепинского сооружения, наряду с отпугиванием злых духов и демонов, предназначались для бескровных жертвоприношений. (В них возжигались специальные растения и плоды, которые затем распределялись в курильницы и миски и ставились у стен сооружения, рядом с костями погребенных. Вместе с тем, встречаются сосуды, заполненные только чистой золой. В какой-то мере этот обряд можно сопоставить с

зороастрийским обрядом очищения алтаря огня, при котором жрецы собирали золу от постоянно горящего огня в специальные коробочки, а затем закапывали в чистую землю³⁴. Вообще, зола из очага занимает большое место в культовых ритуалах и, в частности, в зороастризме³⁵. Зороастрийский обряд очищения, помимо чтения Авесты, включает в себе употребление ритуального напитка, состоящего из золы с бычьей мочей. Современные зороастрийцы Ирана для духовного очищения употребляют нирагг — ритуальный напиток, включающий освященную бычью кровь с щепоткой золы из чистого (священного) очага³⁶. Священное значение золы, по мнению М. Бойс, сохранилось в двух пехлевийских выражениях: зола дома огня и дома огня Бахрама (Варахрама)³⁷. Отражением зороастрийских представлений о чистоте и святости золы и ее связи с культом предков является зафиксированный Троицкой у таджиков долины Зеравшана обряд "хокистони пиран" (зола пиров предков), состоящий в смазывании рта ребенка золой³⁸.

Зола из очага считалась священной у народов Северного Кавказа³⁹. У ингушей перед поминками мать обводила детей вокруг очага, давала им целовать железную лопатку, которой сгребают жар, чертила на золе крестик и приговаривала: "Дай бог вам быть целыми и крепкими как железо". При выходе замуж девушку трижды обводили вокруг очага с покрытым лицом, а подруги в это время пели песни с пожеланиями, чтобы молодая жена была "плодовита как зола священного очага"⁴⁰. Аналогичные обряды с золой бытуют и у других народов.

Важнейшую роль в погребальном культе населения Камыртепе играли обряды, связанные с возжиганием различных растений и плодов. Многие из найденных здесь курильниц и мисок были запслнены остатками сгоревших трав, кустарников и плодов. Среди них удалось определить плоды шиповника и, в одном случае, миндаля.

Окуривание, как радикальное средство для борьбы с демонами, злыми духами и нечистыми силами, широко распространено у многих народов мира и, в том числе, Средней Азии. Большое значение придавалось ему в зороастризме. Согласно Видвадату, для очищения помещения, в котором находился труп, применялись четыре вида ароматических растений, которые соединяются с "сандаловым деревом", "ландышем", "алоэ" и "гранатом"⁴¹.

В Средней Азии для окуривания особенно широко употребля-

ласть "священная трава" хазори сипанд – исырк, а также гашнич, веточки арчи, дикий лук, стручковый перец, чеснок. Использовались также чуби-чорроха – щепки, трава, собранные с перекрестка четырех дорог или семи улиц⁴². Употреблялись т.н. пилки – лучинки камыша, обмотанные тряпкой или ватой⁴³.

В зафиксированном культе значительное место занимал обряд воскуривания шиповника. Культовая символика шиповника в научной литературе отобразена недостаточно хорошо. Считается, что шиповник охраняет домашний очаг, является "стимулятором" и символом плодородия⁴⁴. В поверьях, связанных с шиповником, явственно проступают два пласта: архаичный и мусульманизированный, в котором шиповник "хулу" выступает как "аджина гул" – цветок ведьмы. Этнограф-краевед Ш.Устаев любезно сообщил нам собранные им по нашей просьбе у горных таджиков Байсуна и Кугитанга поверья, связанные с шиповником, отображающие более древний пласт этих верований. Из веток шиповника, в частности, готовятся амулеты "гумор", которые подвешивали у входа в жилое помещение и на видном месте в "мехмонхане"; считая, что они охраняют благополучие в доме. Из ветви шиповника делается посох – "хасса", который носят как "палочку-выручалочку" от всех бед, в трудные времена этот посох приносит хозяину благополучие, за его ношение бог, якобы, прощает хозяину пятилетние грехи – "бокий душ". Бусы – шаба из ягод шиповника своими щетинистыми волосками отгоняют злых духов. Особенно интересно присутствие шиповника в обрядах жертвоприношения. Женщины-пряжи горных кишлаков Байсуна для успокоения духов святых прежде, чем приступить к работе, приносят жертвоприношение, состоящее из смеси пшеницы и муки или пяти ягод шиповника или миндаля, которые бросают в огонь, когда очаг начинает гореть, при этом говорят, что "плохое желание пусть этим кончится". Шиповник как один из компонентов применяли при разжигании ритуальных костров в случае массового заболевания населения кишлаков. Наряду с другими видами деревьев и кустарников, шиповник может быть предвестником смерти, если он увянет рано или слишком поздно, или цветет два раза в году. В этом случае вырубает и выкорчевывают кусты.

Таким образом, анализ имеющихся материалов показывает своеобразие данного сооружения и погребального обряда, отражение в нем широкого круга различных верований и ритуалов. Вряд ли все из них могут считаться зороастрийскими, видимо,

генезис их следует искать в более древних, дозороастрийских верованиях бактрийцев. Но вместе с тем, имеется целый ряд черт, аналогичных определенным представлениям зороастрийской погребальной обрядности (тип погребального сооружения, способ захоронения, некоторые обряды). Подчеркнем в связи с этим наличие здесь только бескровных и отсутствие кровавых жертвоприношений. Последние, в принципе, несовместимы с зороастризмом. По мнению В. А. Лившица, тексты Авесты, свидетельствующие об обряде жертвоприношения животными, относятся к дозороастрийским временам⁴⁵.

Погребения в башнях. При раскопках в интерьерах башен 8 и 10 были обнаружены сходные по типу коллективные захоронения.

Башня 8. Захоронение совершено на утрамбованной поверхности завала из сырцового кирпича над полом. Сверху кости были перекрыты рухнувшим (?) сводом башни. Кости скелетов и черепа раздавлены и лежат в беспорядке. Большинство из них находилось в центре интерьера, а два черепа — один у западной стены, а другой — в 3,6 м от первого, отдельно лежала нижняя челюсть одного из черепов. Повсеместно в захоронении встречаются фрагменты полосатой шелковой и хлопчатобумажной ткани (определение С. В. Левушкиной). Следы ее сохранились на костях. Отмечено два типа тканей: двухцветная, с синими и белыми полосками, и трехцветная, с полосками аналогичных, а также красного цветов, шириной 0,5–1,2 см.

Инвентарь погребения состоит из керамики, украшений, монет и отдельных предметов. Найдено девять сосудов, среди них: двуручный сосуд с шаровидным туловом, покрытый красно-коричневым ангобом; такого же типа сосуд светлоангобированный, но более вытянутых пропорций; крупный двуручный сосуд типа фляги, приплюснутый с обоих боков, покрытый красно-коричневым ангобом по светлому фону; такого же типа сосуд, но более мелкий; четыре одноручных кувшина разных размеров и пропорций со светло-красным или красно-коричневым ангобом, иногда с полосками вертикального лощения, два из них — с небольшими носиками-сливами. Интересен небольшой сосуд типа "поильника" с носиком-сливом, оформленным в виде головы архара.

Найдены также бронзовые заколки с шаровидным навершием, состоящим из двух полых сфер, заполненных органическими остатками; костяной "стиль" с рифленой верхней частью; железу-

ные "шпильки" с заостренными концами; игла из железа, изогнутая под прямым углом; браслет из железной проволоки; бронзовый бубенчик, круглая серьга из аналогичного материала. В разных местах камеры найдены железные изогнутые пластины, в некоторых из них пробиты отверстия, в которые вставлены гвозди, длиной 2 см, с широкой шляпкой. В центре камеры лежала связка из 28 костяных бус: в форме шестиконечной звезды, плоских, цилиндрических, катушковидных. Отдельно найдено еще множество бус различной формы, цвета и материала: плоских, шаровидных, многогранных и конических; из сердолика, стекла синего цвета, различных сочетаний кости. Одна бусина коралловая, другая — из голубой египетской пасты в форме "грибка". В центре камеры обнаружены две монеты Хувишки (табл. УШ, IX).

Башня IO. Судя по количеству бедренных костей, захоронение содержало не менее трех костяков, хотя черепов обнаружено только два. Кости и отдельные части скелета находились в интерьере башни и в проходе в стрелковую галерею. Все кости лежали на завале свода из сырцового кирпича, упавшего на ребро. В проходе часть костей находилась под завалом, а другие — над ним. Вероятно, это произошло в результате естественного перемещения нижележащих слоев под давлением рухнувшего свода. Кости, в основном, лежали в беспорядке, однако, в ряде случаев сохранились целыми кости рук и ног, фрагменты черепов лежали в центре и у стен башни. В проходе удалось расчистить пока часть — берцовые кости, под которыми лежали таз и позвоночник, а у южной стены — раздавленные кости грудной клетки и череп без нижней челюсти. Местами на костях и под ними сохранились остатки ткани, похожей на ткань, обнаруженную в башне 8 (табл. УШ).

Погребальный инвентарь незначителен. Найдено два сосуда: небольшой одноручный кувшин с носиком-сливом, покрытый до середины красным ангобом с полосками вертикального лощения, и чашка, покрытая снаружи и внутри у венчика полосой темнокоричневого ангоба. На запястье руки одного из костяков находился браслет, состоящий из 24 шаровидных костяных бус, рядом лежали три раковины каури. В центре камеры найдены 16 шаровидных бус из стекла синего цвета, а неподалеку — бронзовое круглое колечко и многогранная бусина из стекловидной пасты зеленоватого цвета. Там же лежала небольшая скульптура обнаженной женщины в полный рост, вылепленная вручную из гли-

ны и покрашенная в красный цвет. На плече ее левой руки и на талии сохранились отпечатки ткани. Фигура женщины объемно моделирована, стройных пропорций, хотя несколько непропорционально переданы соотношения верхней и нижней части тела: длинные, слегка расставленные ноги и укороченное туловище. Лицо ее не сохранилось, заметен лишь один глаз, контуры которого подчеркнуты черной линией. На голове своеобразный убор или прическа, собранная в пучок черных волос на затылке. На шее гривна, груди переданы двумя округлыми выпуклостями, треугольник пола выделен черной линией. В полусжатой кисти левой руки женщины, видимо, находилась глиняная фигурка голубя, обнаруженная рядом с ней, а в несохранившейся кисти правой руки — шаровидный предмет, окрашенный в красный цвет, более всего похожий на яйцо (табл. X). В изголовье фигуры сохранился отпечаток пера, специально сюда положенного.

Эта скульптура представляет исключительный интерес в историко-культурном плане. Она не имеет аналогий в коропластике и монументальной скульптуре Средней Азии. Не встречались подобного типа статуэтки и в составе погребального инвентаря. Обычай помещения статуэток в погребении, столь широко распространенный в странах эллинистического мира, не свойственен Бактрии. Единственным случаем в этой области является находка в наусах Тепай-шах двух терракотовых статуэток и одного алебастрового идола. Обряд помещения идолов в погребения широко распространен у сармато-аланских, а также тюркоязычных племен⁴⁶. Кампыртепинская статуэтка не имеет общих черт с иконографией идолов — это достаточно художественное произведение, вероятно, представляющее собой миниатюрную копию какой-то монументальной скульптуры. Генетически она, по-видимому, восходит к широко распространенному в коропластике античной Бактрии образу обнаженной богини⁴⁷, хотя отличается от него рядом иконографических черт и наличием реалий, отсутствующих у "обнаженных богинь".

Очевидно, что помещение данной скульптурки в могилу имеет определенное сакральное значение, отражающее ее связь с погребальным культом.

Анализ обширного круга вопросов, связанных с триадой яйцо-голубь-божество, не входит в нашу задачу, но заставляет обратиться к рассмотрению некоторых особенностей их семантики. Во многих мифах, культах и религиях голубь и яйцо наделе-

ны разнообразными сакральными функциями, из которых выделим главные.

Голубь — посредник между людьми и богами (в ассирийско-вавилонском сказании об Утнапиштеме и в библейском мифе о Ное и потопе). Голубь — олицетворение святого духа, птица божья (в христианской и, отчасти, древнееврейской религиях)⁴⁸. Голубь — воплощение божества (древнеегипетский бог солнца Амон и индуистский бог огня — Агни, превращающиеся, соответственно в голубя и голубку)⁴⁹. Обратное явление — превращение божества или святого в птицу или голубя (святой Хубби в Хорезме, по легенде, воплощался в голубя)⁵⁰. Голубь — символ чистоты в христианской религии. Голубь — символ великих восточных богинь (египетская богиня Исида зачастую изображалась в виде голубя — птицы божьей или духа святого, охраняющего Осириса⁵¹.) Голубь — один из атрибутов вавилонской богини Иштар⁵². На рельефах из Малой Азии помещена богиня Кибела с парой священных голубей⁵³. На одном из изображений древнесемитская богиня плодородия и любви Астарта представлена в образе человеческого голубя и с голубем же в правой руке⁵⁴. По представлениям древних греков голуби были посвящены богине Афродите⁵⁵. Как и павлины, голуби являются священными птицами авестийской богини Ардвисуры Анахиты и, зачастую, сопровождают ее изображения⁵⁶.

Голубь — вестник богини смерти (Ригведа X, 165). Голубь — воплощение человеческой души. Образ души-птицы широко распространен в народных представлениях о голубе. В Фальгаре "голуби — чистые души, их почитают, не бьют, не едят, зеленый голубь имеет в себе примесь пари"⁵⁷. В Панджшире бытует представление о душе, восходящей из тела через рот в виде голубя⁵⁸.

Изображения голубя нередки в погребальных памятниках. Голубь помещен, в частности, на крышке погребального саркофага Осириса⁵⁹. На надгробных рельефах первых веков н.э. из Малой Азии голубь или два голубя иногда изображались в сопровождении богини в хитоне⁶⁰. Крышки многих оссуариев, происходящих из Чача и Семиречья, увенчаны фигурками летящих птичек, вероятно, голубей⁶¹. По мнению Ю.А. Раппопорта, изображение аналогичной птицы имеется на оссуарии из Калалы-Гыр⁶². К.А. Иностранцев полагал, что помещение фигурок птиц на крышке оссуариев связано с семиотическим отображением отлета-

щей души⁶³. Рудиментом этих представлений о голубе – человеческой душе является бытующий до сих пор у ряда народов Средней Азии и Кавказа обычай помещения на могиле фигурки голубя. Так, у горных таджиков вырезанные из дерева изображения голубей прикреплялись к надгробным жердям⁶⁴, а у ингушей фигурки голубей изображались на надгробных плитах⁶⁵.

Вообще, у многих народов мира птица и, в частности, голубь выступает в качестве переносчика души в загробный мир.

Отметим также универсализм сакральных представлений о яйце у многих народов мира⁶⁶. Яйцо – символ зарождения жизни и бессмертия, что наиболее ярко отображено в известной русской сказке о Кощее Бессмертном. Мировое яйцо как обитель первых людей фигурирует в ряде антропологических мифов. Сакральная значимость яйца у народов Средней Азии выражена в употреблении его в ритуальных празднествах, посвященных Наурузу. У современных зороастрийцев в состав ритуальной пищи собак входит запеченное яйцо⁶⁷. При встрече Науруза обязательным атрибутом у них, наряду со свечами, символизирующими священный огонь, является яйцо, положенное на зеркало, отображающие, соответственно, зарождение жизни и свет вселенной⁶⁸. Любопытный обряд, связанный с яйцом, зафиксирован нами в горном кишлаке Панджоб в отрогах Кугитанга, где на стене одного из домов были повешены связки пустых яиц, которые, по словам хозяйки, являются оберегом от ящериц и змей.

В привлеченных нами, далеко не полных примерах сакральной значимости атрибутов божества, помещенного в погребении, обращает на себя внимание тот факт, что голубь является символом многих великих богинь плодородия и материнства (Исида, Иштар, Астарта, Анахита), зачастую, они же являются хтоническими божествами. Видимо, богиней подобного круга можно считать и обнаруженную в башенном погребении скульптурку. Наличие в ее руках атрибутов, символизирующих, с одной стороны, человеческую душу, отлетающую в иной мир (голубь), а с другой – бессмертие, зарождение новой жизни (яйцо), говорит о широких функциях этого божества, свойственных обычно великим богиням древности.

Таким образом, кампыртепинские памятники дают чрезвычайно важные и новые данные о разнообразии и особенностях религиозных представлений в Северной Бактрии в кушанское время.

И л л ю с т р а ц и и

Рис.1. Сооружение 1. План. Разрез.

Рис.2. Сооружение 2. План. Керамика.

Рис.3. Сооружение 3. План. Разрезы. Керамика.

Рис.4. Сооружение 5. План. Разрезы.

Рис.5. Сооружение 3. Аксонометрия (выполнена З.А.Аршаковской).

Рис.6. Ката. План. Разрез.

Рис.7. Ката. Керамика.

Рис.8. Крепостная стена (западный фасад): Башня 8. План. Башня 10. План.

Рис.9. Башня 8. Погребение 2. Находки.

Рис.10. Башня 10. Погребение 1. Находки.

Л и т е р а т у р а

1. Ртвеладзе Э.В. Кушанская крепость Кампыр-тепе. -ВДИ, 1984, № 2, с.87-105.
2. Тургунов Б.А. К изучению Айртама. -Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973, с.69; Мандельштам А.М. Кочевники на пути в Индию. М.-Л.,1966 (МИА, № 136); Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. и др. Дальверзин-тепе - кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978, с.104-112; Пидаев Ш.Р. Поселения Северной Бактрии кушанского времени. Ташкент, 1979, с.123.
3. Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. и др. Дальверзин-тепе..., с.150-156.
4. Литвинский Б.А., Седов А.В. Культы и ритуалы кушанской Бактрии. М.,1984, с.219-220.
5. Мандельштам А.М. Памятники кочевников кушанского времени Северной Бактрии. Л.,1975, табл.ХХI.
6. Литвинский Б.А., Седов А.В. Культы и ритуалы..., с.77.
7. Пещерева Е.М. Гончарное производство Средней Азии. -ТИЭ, новая серия, 1959, т.Х, с.366.
8. Бичурин И. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.І. М.-Л.,1950.
9. Бируни. Избранные произведения. Ташкент, 1957, т.І, с. 236, 255, 258.
10. Бируни. Избранные произведения..., с.256.
11. Пугаченкова Г.А. Халчаян. Ташкент, 1966, с.213-214.
12. Пугаченкова Г.А. Бактрийский жилой дом. -История и культура народов Средней Азии. М.,1976, с.39, 41.
13. Беленицкий А.М., Маршак Б.И. Черты мировоззрения согдийцев УП-УІІ вв. в искусстве Пенджикента. -История народов Средней Азии. М.,1976, с.83.
14. Брыкина Г.А. Культурные связи Ферганы в I тыс.до н.э. - Этнография и археология Средней Азии. М.,1980, с.104.
15. Толстов С.П. Древний Хорезм. М.,1948, с.204, прим.І.

16. Грант-Аллен. Эволюция идеи божества. -Наука и религия. СПб, 1907, с.32.
17. Об этом см.: Грант-Аллен. Эволюция..; Каруновская А.Э. Домусульманские верования в Индонезии. -Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. М.,1959, с.247-248; Шаревская Б.И. Старые и новые религии тропической и южной Африки. М.,1964, с.53-54; Семека Е.С. Структура некоторых цейлонских ритуалов и мифов (в связи с культом деревьев). -Индийская культура и буддизм. М.,1972, с.144, прим. 86; Беляев В.О. О культе предков у Майя. -Религия и современность. М.,1984.
18. Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М.,1969, с.III, III7.
19. Rempel L.I. La maquette architecturale dans le culte et la construction de l'Asie Centrale preislamique. Paris,1987 p.29-41
20. Воробьева М.Г. Керамика Хорезма античного периода. -Труды ХАЭЭ, т.IV. М.-Л.,1959, с.91-94.
21. Ртвеладзе Э.В. Кушанская крепость..., с.95-103.
22. Иностранцев К.А. О древнеиранских погребальных обычаях и постройках. СПб, 1909, с.98-101.
23. Jackson A.V. Persia past and present. A book of travel and research. N.-Y., 1906, p.389-392
24. Хамиджанова М.А. Некоторые архаические погребальные обряды таджиков. -Памяти А.А.Семенова. Душанбе, 1980, с.288-289.
25. Le Zend-Avesta. Traduit par J.Darmsteter (Annales du Musée Guimet,XXII), Paris, 1892, p.69
26. Boyse M. A History of Zoroastrianism, v.I, Leiden-Köln , 1975, p.326-327.
27. Литвинский Б.А., Седов А.В. Тепай-шах. М.,1983, с.III.
28. Ртвеладзе Э.В. Могильник кушанского времени у Ялангтуштепе. -СА, 1983, № 2.
29. Grenet F. Les pratiques funéraires dans l'Asie Centrale sédentaire de la conquete grecque à l'islamisation. Paris, 1984, p.73-75

30. The Mesian Rivayats of Harmazzyar. Framarr and other. Their version with introduction and notes. E.Dhabhar, Bombay, p.58
31. Duchesne-guillemin F. La religion de l'Iran ancien. Paris, 1962
32. Gropp G. Die Funktion der feuertemples der Zoroastrier. -Archäologische Mitteilungen aus Iran. N.F. Bd.2, Berlin, 1969, s.147-173
33. Boyce M. Atāš-rohr and ab-rohr. - IRAN, 1966, pt.3-4, p 100-118
34. Boyce M. On the Sacred Fires of the Zoroastrians. P.5.
35. Boyce M. The history..., p.101.
36. Boyce M. Ibid., p.101-102
37. Boyce M. Ibid., p.102
38. Троицкая А.А. Рождение ребенка и первые годы жизни ребенка у таджиков долины Зеравшана. -СЭ, 1935, № 6, с.128.
39. Крупинов Е.И. Средневековая Ингушетия. М.,1971, с.189-190.
40. Шиллинг Е.И. Ингуши и чеченцы. -Религиозные верования народов СССР. Т.П. М.-Л.,1931, с.13.
41. Брагинская И.С. Из истории таджикской народной поэзии. М., 1956, с.74.
42. Андреев М.М. По этнологии Афганистана. Долина Пенджир. Ташкент, 1927, с.35; Он же. По Таджикистану. Вып.1. Ташкент, 1927, с.55; Бобринский А.А. Горцы верховьев Пенджа. М.,1908; Троицкая А.А. Рождение ребенка..., с.113; Брагинская И.С. Из истории..., с.77.
43. Троицкая А.А. Первые сорок дней (чилья) среди населения Ташкента и Чимкентского уезда. - В.В.Бартольд. Ташкент, 1927, с.351, 355.
44. Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований..., с.201.
45. История таджикского народа. Т.1. М.,1963, с.84.
46. Литвинский Б.А., Седов А.В. Тепай-шах..., с.51-52.
47. Пугаченкова Г.А. Новые данные о художественной культуре Бактрии. -Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973, с.105-108.

48. Соколова З.П. Культ животных в религиях. М., 1972, с.180-181.
49. Соколова З.П. Культ животных..., с.167, 169.
50. Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований..., с.250-251.
51. Соколова З.П. Культ животных...; Мифы народов мира. Т.1. М., 1980, с.568-569.
52. Соколова З.П. Культ животных..., с.173; Атлас по истории религии. М., 1930, с.197.
53. Голубцова Е.С. Идеология и культура сельского населения Малой Азии I-III вв. М., 1977, с.81.
54. Атлас..., с.187.
55. Соколова З.П. Культ животных..., с.176.
56. Рапопорт Ю.А. Из истории религии древнего Хорезма. М., 1971, с.82.
57. Бобринский А.А. Горцы верховьев..., с.107.
58. Андреев М.С. По этнологии..., с.52.
59. Мифы..., с.569.
60. Голубцова Е.С. Идеология и культура..., с.71.
61. Массон М.Е. Ахангаран. Ташкент, 1953, с.20-23; Ремпель Л. Некрополь древнего Тараза. -КСИИМК, вып.69, 1957, с.103-107.
62. Рапопорт Ю.А. Из истории древнего..., с.93.
63. Иностранцев К.А. К истории домусульманской культуры Средней Азии. -ЗВОРАО. Т.XXIV, 1917, с.138.
64. Литвинский Б.А. Погребальные сооружения и надгробные памятники в Парфии. - Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. М., 1983, с.115.
65. Крушнов Е.И. Средневековая..., с.193.
66. Фрезер Д. Золотая ветвь. М., 1986, с.627.
67. *Boyce M. A history...* , p.103
68. Дорошенко Е.А. Зороастрийцы в Иране. М., 1982, с.72.

КАМЫР-ТЕПЕ Сооружение-1

0 100 200
СМ.

П Л А Н.

РАЗРЕЗ по линии В-В

1. 2. 3. 4. 5.

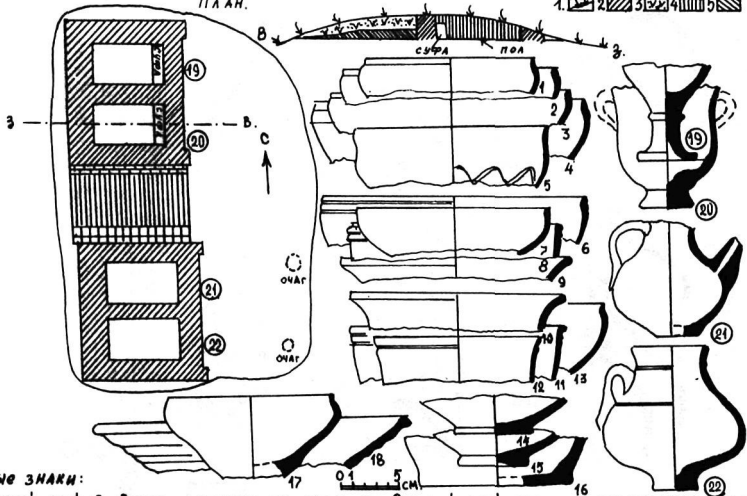

Рис. I

Условные знаки:

- 1.- Дерновый слой.
- 2.- Стена из кирпича 34x34x14.
- 3.- Рыхлый слой песка и культурных остатков.
- 4.- Забутка из кирпича 30x30x10.
- 5.- Плотный слой с культурным остаткам.

Кампыр-тепе сооружение-2

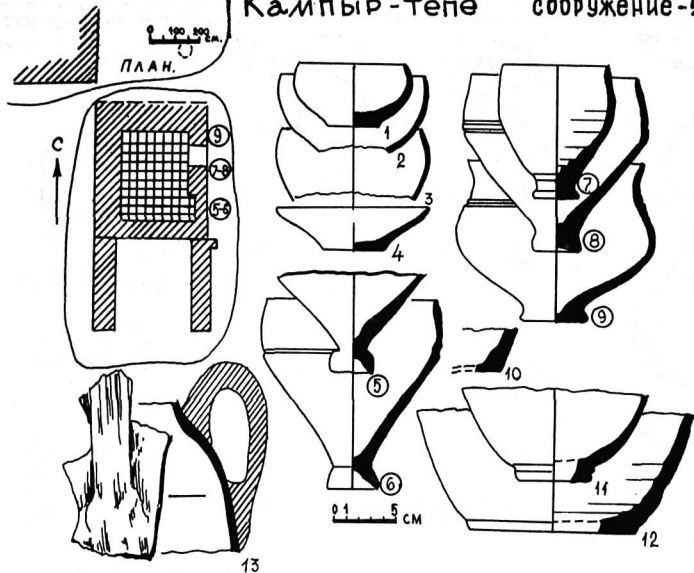

Рис. 2

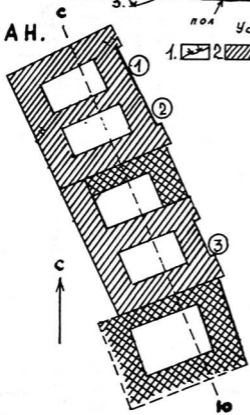
КАМПЫР-ТЕПЕ. Сооружение-3

РАЗРЕЗЫ ПО ЛИНИЯМ Ю-С, З-В.

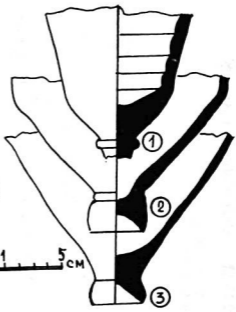
0 100 200
СМ.

ПЛАН.

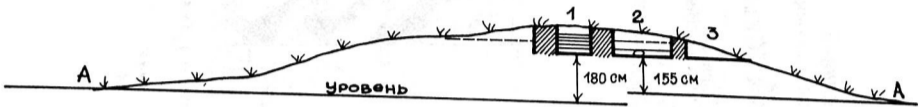
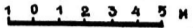
УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ:
1. 2. 3. 4. 5. 6.

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ:

- 1.- Дерновый слой.
- 2.- Стена из кирпича 34×34×12
- 3.- Пристройки из кирпича 32×32×14.
- 4.- Забутовка из кирпича и комьев глины.
- 5.- Материк.
- 6.- Рыхлый слой завала.

Кампыр-тепе сооружение-5

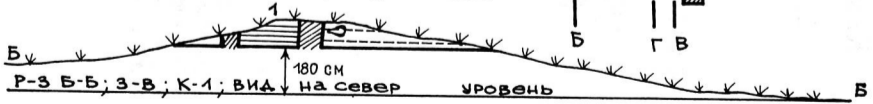
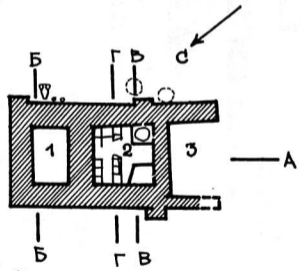
Р-з А-А; с-ю; камеры-1,2,3 ; вид на восток

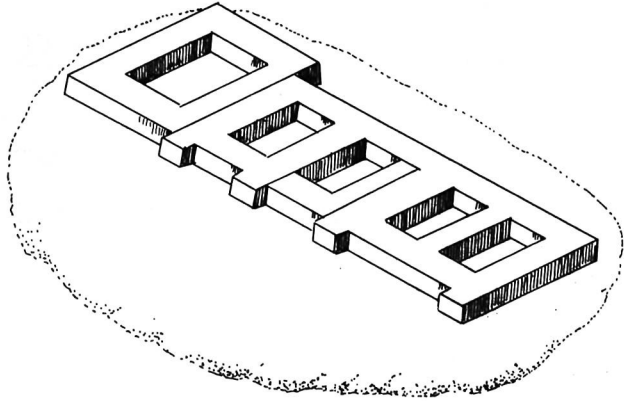
Р-з В-В; в-з; камера-2; вид на юг

Р-з Г-Г; з-в; камера-2; вид на север

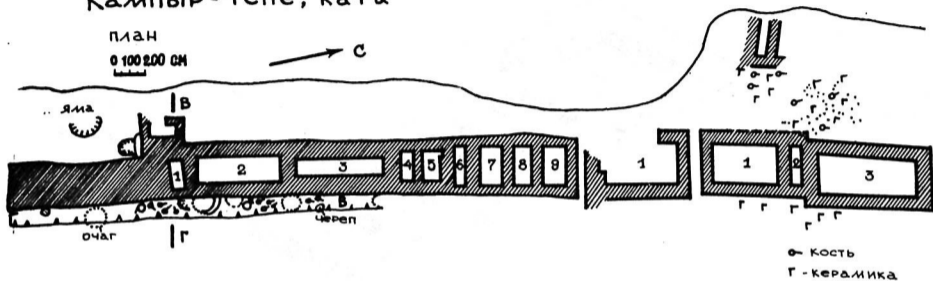
Р-з Б-Б; з-в; К-1; вид на север

Кампыр-тепе, ката

план
0 100 200 см

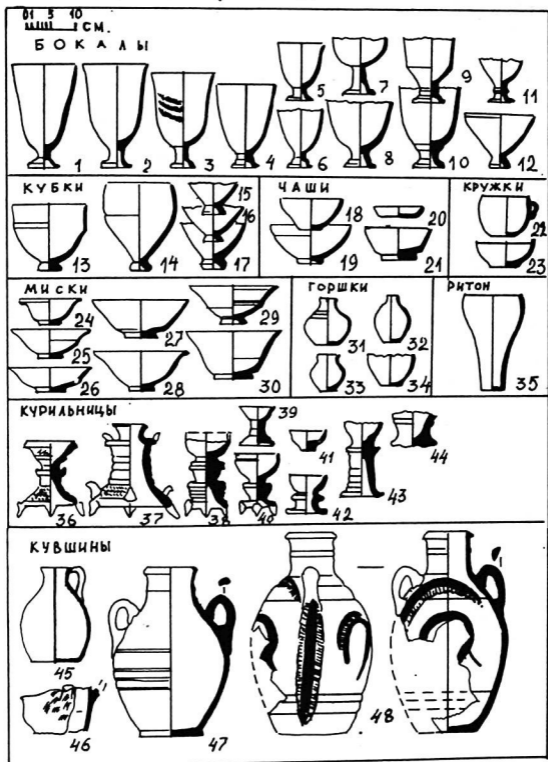
→ С

Условные знаки: 1 2 3 4

1.- стена,
2.- рыхлый слой с включением
костей и керамики,
3.- целая керамика,
4.- песок.

КАМПЫР-ТЕПЕ, КАТА

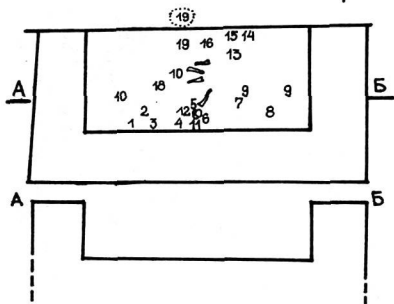

Кампыр-тепе Р-1

Крепостная стена
зап. фасад
Башня-8
П-2

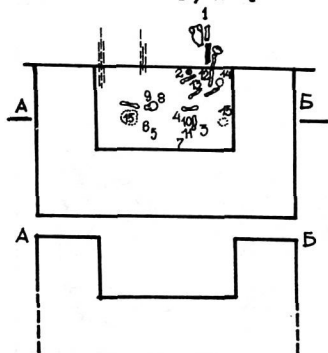
0 1 2 м

С ↑

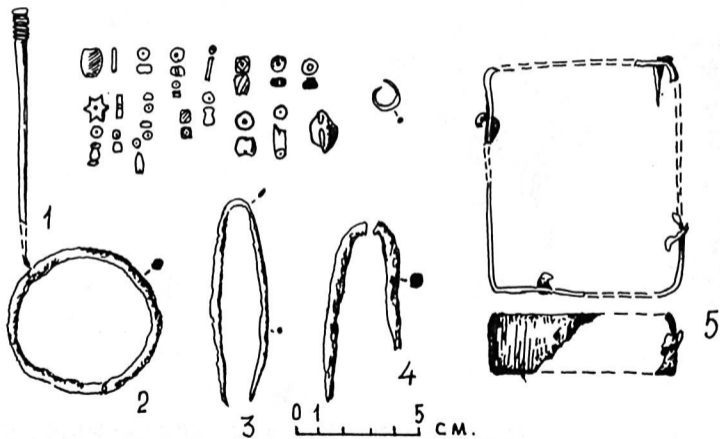
1. СОСУД-1
2. СОСУД-2
3. ПОИЛЬНИК (СЗ)
4. СОСУД-4
5. ПОИЛЬНИК С
300М. СЛИВОМ(5)
6. СОСУД-6
7. ПОИЛЬНИК (7)
8. ФЛЯГА (С-В)
9. Ф-ТЫ ФЛЯГИ (9)
10. ЖЕЛ. ШПИЛЬКА
11. БР. ЗАКОЛКА
12. СВЯЗКА БУС
13. БРАСЛЕТ
14. КОСТ. СТИЛЬ
15. БУСЫ
16. БРАСЛЕТ ИЗ
БУС, БРОНЗ. БУ-
БЕНЧИК
17. СВЯЗКА ЗВЕЗДА-
ЧАТЫХ БУС
18. МОНЕТА ХУВИШ-
КИ
19. Ф-ТЫ ТКАНИ

Башня-10, П-1

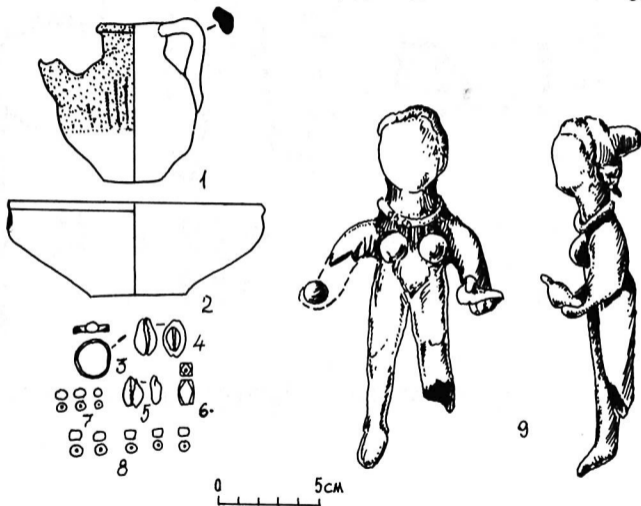
1. ДВУРУЧН. СОСУД
2. ПОИЛЬНИК
3. ЧАШКА
4. СКУЛЬПТ. БОГИНИ
5. ГОЛУБЬ
6. ЯЙЦЕВ. ПРЕДМ.
7. КОЛЬЦО ИЗ ЖЕЛ.
8. БРОНЗ. КОЛЬЦО
- 9, 11, 13 - БУСИНЫ
- 10 - КАУРИ
12. БРАСЛЕТ ИЗ
БУС (24 шт)
14. ОСТАТКИ
КОЖИ
15. Ф-ТЫ ТКАНИ

КАМЫР-ТЕПЕ. Р-1. БАШНЯ-8. ПОГРЕБЕНИЕ-2.

КАМЫР-ТЕПЕ. Р-1. БАШНЯ-10. П-1.

УзИскЭ-83г.

КОСТЮМ И ПОКРОВЫ КОЧЕВОЙ АРИСТОКРАТИИ ИЗ НЕКРОПОЛЯ ТИЛЛЯ-ТЕПЕ (АФГАНИСТАН)

Могильник Тилля-тепе (I в. н. э.) принадлежал правящей семье Емши-тепинского княжества — одного из пяти государств, основанных ваджами в Бактрии в конце II в. до н. э.

подавляющее большинство находок составляют более 20000 золотых украшений костюма и погребальных покровов. Первый вариант реконструкции комплектов костюма в отдельных могилах был подготовлен Я. М. Паромовым и В. И. Сарияниди в 1980–1982 гг.¹ Предлагаемая статья отражает второй этап работы над материалом, предпринятый мною в 1983–1984 гг. по инициативе и при постоянной помощи В. И. Сарияниди, который предоставил для нее весь имеющийся объем полевой документации². Ход работы постоянно обсуждался с В. И. Сарияниди и художником И. В. Максимовой. Вместе с тем, некоторые положения приняты только автором. Отдельные дополнения внесены в 1985–1986 гг. Статья посвящена, главным образом, кругу проблем, связанных с реконструкцией первоначального внешнего вида костюма, и является первым этапом публикации костюмного материала могильника.

На костяках погребенных и под ними обнаружено от одного (погр. 5) до восьми (погр. 4) слоев золотых украшений. Сохранность органических материалов (ткани, кости, кожа) плохая.

Сгнившее перекрытие могил не разрушило остатки костюма, как предполагалось вначале. Лишь в погр. I нарушен порядок бляшек слева от таза до колена, а в погр. 4 откатились в сторону крупные украшения головного убора. Преувеличенными оказались также опасения, что положение вещей нарушилось при помещении в гроб и установке последнего в могиле³. В некоторых случаях из-за неравномерного оседания и разрушения гробов, образования грубых складок ткани первоначальная последовательность слоев была не вполне ясна. Бляшки от одного предмета оказывались на разной глубине в различных условных слоях. В ходе разбора документации выяснилось, что каждый от-

дельный предмет (или его элемент – подол, рукав) обычно украшался по контуру рядом бляшек особого типа. Это облегчило выделение основных предметов костюма.

Прежде всего, остановлюсь на общей интерпретации могильника, предложенной мною в конце 1984 г. Исследовано пять погребений молодых женщин (от 18 до 30 лет), образовывавших кольцо вокруг могилы князя (рис. I). Погребения совершены в течение короткого промежутка времени, при этом нельзя утверждать, что мужское было самым ранним. Погребенные разделены на две группы. В первой группе – князь и две женщины (№ 3 и 6), похороненные внутри древней крепости эпохи бронзы. Они отличаются особо пышным костюмом и обилием атрибутов от трех женщин, похороненных у подножья (группа 2, № 1, 2, 5).

В группе I лица умерших укрыты особыми платками, обувь декорирована золотыми бляшками. У обеих женщин верхняя одежда – I крепилась на груди крупными прямоугольными застежками с мифологическими сценами.

Особо выделяются погребения князя и одной из женщин (№ 3), вероятно – главной жены (княгини). Их общие черты: топографическая выделенность (женская могила – в высшей точке, мужская – в центре); головы погребенных – вместилища фарна – лежат в золотых сосудах; отделение тела от земли "золотым заслоном" (заворачивание в парчу тела мужчины, золотые подошвы у женщины); золотые гривны; ношение слева у пояса личных печаток; максимальное число предметов наплечной одежды (по 4 экз.); наличие золотых иностранных монет.

В трех других женских погребениях (№ 2, 5, 6) многие важные атрибуты сделаны не из золота, а из серебра ("серебряный статус"): бляшки покровов, скипетр (№ 5), сосуд под головой, монета во рту (№ 6). Умерших сопровождают индивидуально оформленные скипетры. Монеты – "варварские подражания". Каждая из погребенных группы 2 имеет чрезвычайно своеобразный костюм и набор атрибутов, что вызвало предположение о "женах, взятых со стороны".⁴

В погребении 5 нашивные украшения костюма вообще отсутствуют. Обычный для могильника набор подвесок-амулетов свисает с одежды и положен (в мешочках?) у левого виска и рядом в головах.

Особенно значительную специфику имеет костюм женщины из погр. I. В отличие от остальных комплексов, у нее верхняя пле-

чевая одежда, видимо, нераспашная, совершенно своеобразен набор нашивных бляшек и репертуар антропоморфных изображений, отсутствует обычный набор амулетов. Здесь бляшки одного типа обшивают разные одежды, сильна асимметрия декора парных украшений (обшлага, погоны, заколки и др.). Костюм имеет иной силуэт, чем у других женщин, благодаря нагрудной повязке и боковым разрезам подола.

Погребальные покровы. Их рассмотрение необходимо, так как именно на них, а не на костюме, нашито большинство бляшек, найденных в Тилля-тепе. Первоначально смешение материала покровов и слоев одежд приводило к выводу, что "на одежде покойного не осталось ни одного неукрашенного места"⁵. Ниже речь идет не о покровах, заменявших крышку гроба, а о тех, которые в момент погребения были положены непосредственно на труп поверх одежды. Последние найдены в четырех могилах (кроме №№ I и 5). Во всех случаях покровы найдены по 2 и более экземпляра. Они представляли собой крупные прямоугольные полотна из ткани, обшитые по краям однотипными бляшками простых геометрических форм (преобладают круглые). В самом поле покрыва бляшки образовывали также дополнительные орнаментальные композиции. Покровы меньшего размера всегда лежат над более крупными. Края их частично совпадают, особенно внизу, у голеней; концы же могут несколько "расходиться", как в погребении 6 (рис. 3, 3). Это наводит на мысль, что они крепились друг к другу краями (пришивались).

Группа I — небольшие покровы—"передники", положенные между тазом и низом голеней (рис. 5), обязательно входящие в комплект мужских и женских покровов. Они украшены диагонально пересекающимися линиями. Вначале они интерпретировались как юбки⁶ или как расшитый подол платья⁷. Однако, в погр. 2 и 6 между "юбками" и слоями одежд лежат большие покровы, закрывающие почти весь костяк. В погр. 4 "юбка" перекрывает украшения кафтана, который должен был бы носиться поверх нее. Предположение, что это "юбки", положенные на покров примерно так, как носились при жизни, также встречает возражения. Так, "юбка" в погр. 4 имеет на нижнем крае две шитые ленты-завязки, как иногда у известных этнографам саванов. Они расположены на том уровне, где ноги покойного перекрещены, видимо связаны (рис. 2). В погр. 2 край "юбки" был подвернут под лежащее на груди зеркало (бляшки лежат лицевой стороной вниз) (рис. 3,

I).

В погр.4 (князь) выявлено наибольшее число покровов. Самым верхним являлась однослойная парчовая ткань, закрывавшая труп от шеи до кончиков пальцев и подвернутая по контуру тела (рис.2,1)⁸. Тело ниже таза закрывали два "передника", перекрывавших друг друга (рис.2). Один из них по декору не похож на женские. Своеобразен короткий покров второго слоя (рис.2,2). В нем, образуя единый орнамент, сочетаются два типа бляшек. Они же украшали небольшой платок.

Группа 2 – крупные покровы, закрывавшие костяк от черепа до низа голеней (рис.4) и расшитые сложными орнаментальными композициями: это пучки линий, расходящиеся веером из одной точки, параллельные и перпендикулярные линии. Самый большой покров (найден в погр.6) был сложен вдвое так, что погребенная оказалась как бы "захлопнута" им (рис.4,2). Любопытно, что линии украшений нижнего слоя покрова, лежавшие лицевой стороной вниз, явно дополняют при наложении орнамент верхнего слоя.

Группа 3 – один из покровов второго слоя погр.4 (рис.2, б). Ряды бляшек густо нашиты вдоль рук и плеч умершего. Общий контур (не полностью совпадает с контурами тела) и система расшивки позволяют пока предположить одно объяснение: это какой-то предмет плечевой одежды (рубаха, кафтан?), положенный на труп поверх комплекта из трех надетых одеяний.

Группа 4 – платки, закрывавшие верхнюю часть лица. В погр.6 платок треугольный, часть его украшений на уровне скул и лба составляет ряды резных пластинок из слюды. Его верхний край крепился под диадемой, низ уходил под нательную рубашу. В погр.4 лицо трупа было повернуто влево, и часть украшений съехала вниз, образовав скопление параллельных рядов бляшек.

Назначение покровов и платков достаточно ясно. В первую очередь (в 2 слоя) ими укрыты все естественные отверстия человеческого тела (голова и район ниже таза). Покровы разных типов по-разному изношены. Самые крупные покровы и платки изношены достаточно сильно, т.е. многие линии обшивки – несплошные, часть бляшек с них утеряна. Несомненно они использовались в каких-то церемониях при жизни погребенных. Покровы – "передники" выглядят более новыми.

Рассмотрим костюмные комплексы погребений, начиная с

группы I.

Погребение 4. (Князь). Кафтан (одежда 2) уже описывался в литературе⁹. Основные элементы его силуэта и конструктивные швы отмечены двойной линией отделки. Двойная обшивка борта отмечена в кочевом костюме редко и всегда — у персонажей высшего ранга — божеств, правителей, легендарных предков (скифская торевтика, фрески Кух-и-Уваджи, одна из статуй Канишки и др.)¹⁰. Большой интерес вызывает семантика бляшек¹¹. На бортах по внешнему краю идут бляшки одного типа, но на изгибе подола они заменяются другими (рис.6,2). Это не имеет аналогий в кочевом мире. С наибольшим основанием к одежде 2 следует отнести парчевую вышивку спины до таза. На спине кафтана вышит у ворота крупный орнаментальный "треугольник". Считать его капюшоном нет оснований (рис.7,3).

Сложнее обстоит дело с выделением верхней одежды-I. Орнаментальная зона вначале определялась как остатки еще одного покрыва¹². Исследователей смущало то, что она обшита не бляшками, как обычно, а гофрированными пронизками. Кроме того, при разложении гроба разные ее части оказались в разных слоях. Тем не менее, подавляющее большинство пронизок найдено выше кафтана. Их линии кольцом охватывают шею, далее образуют две линии — обшивки бортов, сходящиеся в центре груди и ниже снова расходящиеся. Читается также боковые разрезы, идущие вверх от таза, и своеобразные обшивки спины (аналогичные обшивки кафтана перекрывают их). На уровне пальцев рук обнаружено три скопления пронизок: два из них, видимо, относятся к обшлагам (рукава длиннее руки), третье — фиксирует место пересечения основных линий обшивки (рис.6,1). Перед ними — остатки халата, полы которого в верхней части груди соединялись, видимо, с помощью петельки.

В нижнем слое выявлены обшивки всех основных элементов одежды-3 (нательная рубашка: рис.7,1). Она, как и две верхние, имеет фигурную расшивку спины.

Низкий головной убор обшивался по верхнему краю рядом украшений. Вероятно, его верх был плоским. Предположение, что все украшения крепились к бортику золотой чаши, в которой лежала голова¹³, не подтверждается полевой документацией¹⁴. Убор лежал за головой, видимо, не одетый на нее. По бокам крепилось по одному полосу золотому шару¹⁵ и фигурки аршара и мирового дерева, к которому подвешивались низки жемчуга. Харак-

тер крепления (они имеют подставки со множеством отверстий) показывает, что последние венчали убор. Хотя украшения левой стороны откатились в сторону, ясно, что убор был в верхней части гораздо шире головы.

Поясная одежда представлена шароварами. Они обшиты линей бляшек по бокам до бедер (лампасы) и еще одной вертикальной линией — спереди, которая переходит на обувь. Эту последнюю деталь легко выявить на изображениях. Декор шаровар обычен для кушанской и парфянской знати¹⁶. Крупные бляхи, найденные у подъема стопы (рис.6,2), изображены также на одной из статуй Канишки¹⁷. Хорошо видно, что они скрепляли не только ремни обуви, но и шнурок на вздержке шаровар.

Выше шаровар, вдоль обеих ног, ниже колен расположены небольшие скопления золотых бляшек и пронизок (рис.6,1). Я согласен с интерпретацией их М.В.Гореликом как обычных широких кочевнических ноговиц. Видимо, они не надеты на ноги, а лишь положены поверх их, не очень точно повторяя их положение. Пронизки ноговиц образовывали единый ансамбль с аналогичными украшениями халата. Выявлены также остатки обуви с крупными, вероятно, прямоугольными, как у ноговиц носками (рис.6,2). Обшиты швы, соединяющие подошву с голенищем. Между ними проходит линия, соединяющаяся с подобной же на шароварах.

На пальцах рук найдены (как и в погр.6) плохо сохранившиеся обшивки перчаток. Они были обшиты не пронизками¹⁸, а, как обычно в могильнике, бляшками особого типа (рис.7,2). Руки в перчатках высовывались наружу из-под укутавшего тело куска золотой парчи¹⁹.

Погребение 3. ("Главная жена", княгиня). Оно сильно разрушено норами, оставленными семьями мышей. Исследователи были настроены скептически в отношении реконструкции этого костюмного комплекса²⁰. Между тем, перед нами самый роскошный комплект, выявленный в археологических памятниках кочевых народов. К сожалению, не известно, сколько тысяч бляшек было вынесено мышами на поверхность (отсюда, возможно, происходит топоним "Золотой холм").

Работу автора с погребением можно разделить на четыре этапа. I) Определение "степени перемешанности" украшений мышами (количество разнотипных бляшек на единицу площади, наличие обрывков рядов из них): выяснилось, что украшения силь-

но перемешаны лишь на небольшом участке в северо-восточном углу гроба. 2) Определение характера переноса бляшек мышами: выяснилось, что ряды бляшек, сохранившиеся в нижнем слое, как бы продолжены на большинстве участков верхнего, сильнее разрушенного слоя, то есть бляшки перемещались мышами, в основном, вертикально; благодаря этому при рассмотрении на плане можно отчасти представить контуры и систему декора элементов костюма. 3) Разграничение обшивок костюма и погребальных покровов (на чертеж наносились все обрывки низок, состоящие не менее, чем из 3-4 бляшек): выяснилось, что линии одних бляшек расположены вдоль тела покойной, и образуемый ими орнамент имеет аналогии на покрывах из погр. 2 и 4; бляшки других типов располагались поперечными рядами, не выходя за контуры тела, от груди до колен.— они относились к одежде. 4) Выделение элементов костюма (наносились на отдельные чертежи зоны распределения бляшек отдельных типов, представленные не менее, чем в 10 экз.): выявлены зоны, где скопления бляшек не имеют случайного характера (в них сконцентрировано большинство находок бляшек одного или нескольких типов); эта работа стала возможной благодаря высокому уровню фиксации в полевых условиях.

На груди сохранились перекрывавшие друг друга три пары застежек; таким образом фиксируется наличие, как минимум, трех одежд. Но на этом же участке обнаружена также четвертая пара застежек. Одна из них лежала, по-видимому, у шеи, ближе к челюсти. Скорее всего, эта пара относилась к халату-накидке.

Под зеркалом на груди, слева (по отношению к покойной) от застежек сохранились на небольшом отрезке параллельные вертикальные линии бляшек нескольких типов (рис. 8, 2)²¹. При этом, на одном участке бляшки двух орнаментальных зон частично налегают друг на друга. Таким образом, мы имеем дело минимум с двумя распашными одеждами типа халата с расшивкой бортов. Тысячи бляшек и подвесок от них разбросаны мышами по всему погребению, и об этих двух самых богатых одеждах ранних кочевников достоверно известно немного. Положение застежек по отношению к расшивкам бортов показывает, что халаты застегивались справа налево. Длина халатов и параметры рукавов неясны. Об отдельных элементах их декора можно высказать несколько достаточно обоснованных предположений. Крупные дум-

нищи с подвесками, видимо, украшали подол.

Найдено около 30 экз. бляшек типа 3.27 (здесь и ниже — по каталогу ,1985). Они известны в декоре костюма более раннего времени и всегда в небольших количествах украшают борта и подол верхней распашной одежды (войлочный ковер в Пазырыке-5) или только подол ("Скидур" из мавзолея Неаполя Скифского). В рассматриваемом комплексе они, вероятно, относились только к подолу (декор бортов — иной).

Самыми многочисленными являются бляшки типа 3.7, которые, вероятно, украшали рукава или подол. Бляшки в виде пятилепестковой розетки с боковой подвеской, видимо, обшивали, как и в погр. I, "погонн" на плечах (одна из таких бляшек сохранилась у шеи). Неясным остается назначение десяти прямоугольных пластин с парой отверстий типа 3.32 (8x1 см).

От колен до таза прослежены идущие примерно через равные промежутки параллельные линии обшивок. Они, видимо, украшали подол одежды типа влаты, доходившей до колен (одежда-3) (рис. 8, I). Край обшивался бляшками с дополнительными подвесками; сохранился фрагмент такой же обшивки рукава. Тот факт, что плотно обшит лишь участок ниже таза, косвенно свидетельствует в пользу наличия пришивного подола.

Положение украшений головного убора отчасти нарушено.

сохранилась теменная кость черепа. Пластины убора растащены и изгрызены мышами. Убор был первоначально определен как разборная корона²², состоящая из ажурных пластин равного размера. Однако, периметр "короны" слишком велик для головы покойной (не менее 66 см). Кроме того, у головы, лежащей в сосуде, и вокруг него найдены фрагменты вертикальных рядов чередующихся бляшек двух типов (рис. 8, 3). В северо-восточном секторе обшивки лицевой стороны хорошо сохранились , что позволяет точно подсчитать количество рядов на уборе в целом и количество бляшек в каждом ряду. Однотипные круглые бляшки концентрируются у верхнего и нижнего краев. Они очерчивают с лицевой стороны контур головного убора высотой около 21 см. Пластины могли нашиваться только сзади; длина самой крупной, дугообразно согнутой, 35 см, что несколько больше расстояния между висками; она сохранилась в первоначальном положении под теменной костью. Верхний ряд, видимо, образовывали четыре небольших квадратных пластины (рис. 15).

Благодаря примененной методике в районе черепа удалось также выявить потревоженную мышами зону размещения нескольких типов бляшек (рис.8, I). Это полоса, расходящаяся от него в обе стороны. Хотя ее границы, естественно, "оплывли", наиболее вероятно предположение о том, что это декор такого же головного покрывала до плеч, как в погр. I²³.

Носки обуви украшены обшивками, контуры которых как бы дублируются линиями из однотипных, но разных по размеру бляшек. Такое взаиморасположение можно объяснить лишь тем, что они пришиты по обе стороны шва, соединяющего подошву с голенищем. Эта конструкция не имеет ничего общего с сандалиями²⁴.

В ногах найдена также пара "подошв" из золотой фольги. Они не были нашиты на обувь, поскольку никак не соприкасались с костями ног, а расположены между ними и лежали ниже стоп. Из-за характера нашивки (они имеют лишь две дырочки на концах) в обуви с такими металлическими подошвами крайне неудобно ходить. Несомненно, подошвы пришивались лишь для редких торжественных церемоний. Для того, чтобы они были видны, необходимо сидеть по-турецки, что фиксируется, например, у кушанской знати²⁵.

Погребение 6. На груди найдены обшивки воротов трех налегающих друг на друга одежд (каждый оформлен особыми бляшками). Верхний ворот, судя по его краю, горизонтальный и широкий (рис.9, I). Его бляшки образуют также "погоны", а в центре груди — орнаментальный нагрудник. В оформлении нагрудника есть одна интересная деталь. Линия бляшек, идущая по его правому краю на некотором расстоянии от основного массива, несет сильные следы износа (видимо, ее часто касались рукой). В целом, ситуация позволяет предположить, что это край запазушного кармана.

Ворот следующей одежды—2 — т.н. "косой" (рис.9, 2). Нижний ворот—3 — вертикальный, с треугольным вырезом и "погонами". Парные застёжки, лежащие под подбородком, видимо, принадлежали нижнему вороту. В противном случае, учитывая тип ворота—2, обшивка нижнего не была бы видна.

Парадные обшлага, обшитые с тыльной стороны, принадлежали, видимо, самой верхней одежде—I.

Под покровом на правом плече найдены остатки крупного плоского предмета подтрапециевидной формы. По краю и внутри "секций" он обшит парчой и рядами однотипных бляшек (рис.9, 3).

Я не поддерживаю интерпретацию комплекса как остатков сложного на плече плаща²⁶. При многократном складывании его линии бляшек не могли сохранить столь четкий контур орнаментальной зоны, как в данном погребении. Кроме того, они образовали бы множество слоев, тогда как в действительности их было всего два. Видимо, это какая-то сумочка, сделанная, судя по отпечаткам, из ткани.

Под сумочкой находилось скопление крупных дисков, которые, располагаясь в два слоя, охватывали шею и опускались на плечо (рис. 9, г-д). Вероятно, это остатки своеобразного шарфа.

Пальцы рук покрывали два скопления бляшек, определенные как остатки перчаток²⁷. Внешняя обшивка имеет форму, близкую к треугольнику. Монолитный характер низок по внешнему контуру показывает, что это варежки.

На черепе найдена диадема, описанная в литературе. Следует добавить, что ее лента коротка и охватывала череп менее, чем на две трети. Е. Е. Кузьмина и В. И. Сарияниди считают ее наличие в данном комплексе одним из основных аргументов в пользу исключительного положения погребенной ("царица")²⁸. К сожалению, согласиться с этим нельзя. Ссылки на общую для индо-иранцев традицию не подтверждаются фактами. Известно, например, что в единственном бесспорном погребении скифской царицы (Чертомлык) уборы ничего общего с диадемой не имеют.

Обувь, как и в других могилах группы I, декорирована вдоль шва, отделяющего подошву от верха. Помимо этого, бляшки особого рода покрывали всю поверхность носка.

Рассмотрим костюм трех погребений группы 2.

Погребение I. Реконструкция этого костюмного комплекса первоначально вызвала наибольшие затруднения, несмотря на отсутствие погребальных покровов и подробную документацию. Декор многих элементов костюма был реконструирован условно (рукава, район пояса). Общий чертек дает от таза до черепа сплошную массу более чем 2000 украшений. Оседание частей гроба, разложение отдельных предметов костюма происходило неравномерно; в результате было условно выделено четыре "слоя" украшений. Однако, почти все бляшки из разных "слоев" (за исключением рукавов) образовывали единый однослойный комплекс декора бретелек, рукавов и др. частей платья. Сведение украшений к первоначальным слоям стало возможным после составления чертежей по отдельным типам бляшек

и затем — сводных (по отдельным частям тела).

От колен до бедер располагается скопление однотипных бляшек (рис.10). Этот комплекс имеет аналогии в сарматских женских погребениях, где он связывался мною с украшением подола женского платья и его разрезов (Беглица, погр.10; Высота I, кург.10)²⁹. Совпадают даже незначительные детали (обшивка разрезов слева короче, чем справа и др.).

Особой сложностью отличаются обшивки рукавов (рис.11, г-д). Ряд фактов позволяет предположить, что на покойную были надеты две одежды с обшитыми рукавами, и граница верхних пла по линии максимальной ширины отделки: 1) Ниже этой линии обшивка резко сужается; высказывалось мнение, что это одна одежда с суженными ниже локтя "складчатыми" рукавами (или с очень широкими обшлагами)³⁰; однако, такая обшивка при распаде в принципе не может дать выраженных острых выступов. 2) Необычны здесь вертикальные ряды бляшек образуют второй слой и встречены выше этой линии. 3) Расположение рядов бляшек на обеих руках сходно только ниже этого места.

Комплекты из двух нераспавшихся одежд с аналогичным соотношением длины и ширины рукавов представлен у адорантов-буддистов на рельефах из Восточного Афганистана и Гандхары³¹.

Выше таза различные бляшки располагаются хаотично, группами по 3-4 однотипных. Преобладают треугольники из трех экземпляров (рис.10). Орнамент такого рода известен, в том числе, на халатах поздних кушанских правителей³². Трактовку скопления как обшивки спереди пояса следует отвергнуть. Возможно, оно маркировало край пришитого подола платья.

Лежащий под костяком ниже нагрудной ленты³³ слой парчи как бы очерчивает контуры стана и рукавов одного из предметов плечевой одежды. Хотя контур парчи на туловище неровен и не полностью соответствует контуру тела (рис.10), в нем можно видеть обшивку одежды-I на спине. Не менее вероятно предположение, что под покойную положили короткую одежду с раскинутыми рукавами. Не подходит лишь интерпретация зоны как куска ткани, подвернутого по контуру тела: парча, фактически, везде однослойна.

Головной убор (как и череп) пострадал в момент обнаружения могильника. Около 200 бляшек оказалось в отвале (типы их неизвестны). Однако, сохранившаяся линия бляшек выделяет его нижний край. Общий контур украшения под черепом показывает,

что убор плотно облегал голову. Под ней обнаружено также многослойное скопление парчовых нитей, лишь здесь образующих сложные переплетения (жгуты)³⁴. Возможно, они обшивали подушку, выявленную и в погр.4.

Бляшки диаметром 1,5 см в верхней части костяка образуют скопления, которые по всем показателям соответствуют женскому головному покрывалу. Обшивка начинается на темени и расходится в обе стороны по плечам (рис.10).

Вдоль костей правой руки фиксируются линией семь крупных блях с изображением божества с дельфином на плечах. Их количества в скоплениях уменьшается по направлению к тазу (3-2-1 экз.); встречены они над и под костями. Их можно отнести к украшениям косы, по-видимому, кольцевым лентам, вплетенным в нее. Бляшки не могли нашиваться на рукав, так как их расположение не вписывается в рассмотренную систему декора рукавов³⁵.

Парные, налегающие друг на друга четырехлепестковые розетки были, видимо, самостоятельным украшением правого плеча, как пятилепестковые - в Халчаяне³⁶. Близкие по облику парные украшения найдены в погр.6.

Бляшки особого типа образуют по две коротких вертикальных линии вверх от подъема стопы (рис.11,в). Положение их отчасти нарушено упавшим перекрытием. Эти линии, видимо, украшали шаровары, точнее - разрезы у их нижнего края.

Наиболее "очевидным" элементом костюма являются остатки лежащей поперек груди ленты шириной около 10 см (рис.11,а,б). Судя по ее положению, она не была лишь украшением, а стягивала грудь: спереди она шла примерно на уровне сосков, сзади охватывала спину гораздо выше. Хорошая сохранность положения бляшек на концах также свидетельствует, что она крепилась жестко. Декор нагрудной повязки прост: кайму по всему периметру образуют однотипные круглые бляшки, в центре - два ряда чередующихся в шахматном порядке шестиконечных звезд. На спине между концами есть просвет, в котором расположены парные двоконечные застёжки.

К нагрудной повязке крепилось украшение, образованное двумя узкими расшитыми лентами (рис.10). Они перекрещивались у затылка и ниже расходились по спине. Другие их концы крепились на груди у нижнего края нагрудной повязки. Внутренний ряд образовывали чередующиеся бочонковидные подвески из золо-

та и фаянса, внешний — обычные в этом комплексе бляшки диаметром 1,5 см. Украшение имеет следы длительного ношения, особенно, с левой стороны (выпадение бляшек).

Погребение 2³⁷. (Женщина-воительница). В нем стратиграфия костюма достаточно проста. Под покровом находился слой украшений верхней одежды (рис. 12, 1). У талии линии обшивки приближаются друг к другу, затем, расходятся к плечам. Перед нами обшивка распахнутой одежды типа халата³⁸. Бляшки в виде двойных секир украшали, видимо, шов рукавов; они доходят до запястий — предполагаемого края рукавов. Борта и рукава обшивали низки бус. Край подола украшался спереди двумя рядами бляшек. Ниже плеч симметрично нашиты парные фигурки музыкантов (лютнистов?). В целом, как и в погр. 4, верхняя одежда — I (халат-накидка) украшена весьма скромно. Распахнутые полы крепились под подбородком парными застежками.

На уровне колен зафиксированы украшения края подола платья (одежды-2) (рис. 12, 1). Это три одинаковых по составу низки бус с крепившейся сверху бляшкой. Низки на чертеже как бы "раскачивается" вокруг нее. Они свисали с подола через равные промежутки. В составе низок — бусы из золота, граната и фаянса. В целом подол платья на 10-12 см короче, чем у халата.

На груди одежда-2 украшена сложной орнаментальной композицией, состоявшей из расходящихся веером к плечам трех полос по 5-7 рядов бляшек в каждой.

Стоячий ворот был обшит на затылке шестью парами наборных бляшек и шестью рядами мелких бляшек. В целом, силуэт декоративной зоны свидетельствует о том, что ворот был горизонтальный, глухой и очень широкий (рис. 12, 2).

Особый интерес представляет кольцевая отделка обшлагов (ширина 12 см, высота 7 см), в которой бляшки четырех типов образуют 8 рядов. В центре — линия бляшек в виде головы барана.

В нижней части обшлагов к рукавам крепились низки из 14 подвесок-амулетов³⁹. На чертеже их положение не отмечено, но на одном из слайдов видно, что к правому обшлагу крепилась низка из трех подвесок (сверху вниз: рука, нога и топорик). Три других подвески (каплевидная, астрагал и рыбка), видимо, образовывали вторую низку. Поскольку все амулеты —

парные, надо полагать, что на левом рукаве обшивка была такой же.

Головной убор украшен бляшками только спереди. Внизу они обрамляют линию околышка, очень широкого и сильно "зависающего" по бокам. Верх невысокий, треугольный. Примечательно, что нижний край обшивки находится не ближе, чем в 4 см от черепа. На всех кушанских изображениях, где бляшки такого типа (с боковыми подвесками) украшают околышек, они нашиты по самому краю, свешиваясь на лицо⁴⁰. Убор явно не надет на покойную (иначе следует предположить околышек гигантской толщины!), а положен за головой, лицевой частью вверх, как при реальном ношении. Такой же обряд с женским головным убором документирован на раннесредневековых изображениях Средней Азии (сцена оплакивания женского божества)⁴¹. Совершенно идентичный по силуэту и крою (вертикальный шов надо лбом) головной убор известен на кушанском мужском изображении в Бергаме⁴².

Бляшки того же типа, но меньшего размера, образуют два скопления у левого плеча, располагаясь в них густыми рядами (рис. 12, I). Интерпретация комплекса однозначна: это украшения лент на косе (как в погр. I). Они составляют единую линию от угла головного убора.

Комплекты костюма. Основной набор предметов женского костюма в могильнике Тилля-тепе следующий. 1). Нательная рубаша с вертикальным разрезом ворота. 2). Нижняя плечевая нераспашная одежда (платье) длиной до колен, с рукавами до запястий (ширина 6–13 см) с индивидуально оформленными обшлагами, воротом различных типов (вертикальный, горизонтальный – глухой, в том числе, стоячий или с вертикальным разрезом). 3) Халат-накидка длиной несколько ниже колен с рукавами, прикрывающими пальцы. 4). Шаровары, предполагаемые наличием короткого платья. 5). Головной убор, оформленный индивидуально. 6). Невысокая (?) обувь с острым или округлым носком. В могильнике, где обшиты золотом зачастую мельчайшие детали второстепенных вещей, нет ни одной обшивки пояса, и более, чем вероятно, что баджикки его не носили.

Во всех могилах (кроме №5) у висков обнаружены комплекты из двух крупных булавок. Там, где прослежено первоначальное положение, они лежат почти параллельно друг другу, ост-

рием вверх. Эти булавки с фигурным навершием, видимо, втыкались в большой узел прически.

Комплект мужского костюма отличается, прежде всего, составом плечевой одежды (наличием короткого кафтана), а также ноговицами и поясом.

Кроме этого, можно говорить о комплектах теплого и холодного сезона. Последние явно были помещены в погр.6 (шарф и варежки) и в погр.4 (перчатки). Это единственные зимние комплекты, которые выявлены у ранних кочевников лишь на основе анализа костюмного декора. На известных нам изображениях персонажи всегда представлены лишь в костюме теплого сезона 43.

Интересна одна особенность костюма молодых женщин из погребений I и 2 – наличие украшений кос и глухой горизонтальный ворот платья. Судя по этнографическим аналогиям, таким мог быть костюм женщин до первых родов.

Крой. В костюме тилля-тепинских ваджей (погребение I, как уже отмечалось, стоит особняком) разрезы подола не фиксируются, что предполагает наличие боковин. В ряде случаев (погр.3,4) вероятен пришивной подол. Стан кроился с плечевым швом. Это определенно отмечено в погр.4 и предполагается в погр.1,2,6 ("погонь"). Одежда-2 в погр.4 кроилась, видимо, со скашиванием ткани у ворота.

Наличие пройм у рукавов на уровне плеч (погр.3,4), отсутствие разрезов подола и наличие высокой манжеты предполагают крой, который некоторые исследователи называют туникообразным⁴⁴. Основные конструктивные швы изредка закрывались рядом бляшек (обувь погребенных в группе I, плечевая одежда в погр.2 и 4).

Манера ношения. Плечевая одежда носилась в рукава. Халаты у женщин крепились парными застежками высоко у шеи, концы свободно свисали, как на изображениях кушанских верховных правителей. Мужской халат застегивался на петельку чуть ниже – на груди.

Первоначальный вывод о том, что кафтан князя-ябгу запахивался справа налево⁴⁵, является недоразумением, так как полы вообще не заходят друг на друга. Такая манера ношения, при которой полы держались лишь поясом, появляется у кочевников степной зоны, по моим наблюдениям, с конца II в. до н. э. – периода, ознаменовавшегося крупными передвижениями

многих племен на запад. В первую очередь эта манера распространяется у сарматов и поздних скифов⁴⁶.

В могилах 3 и 4 у подъема стопы обнаружены пряжки для ремешка, проходившего под сводом стопы. В погр.6 система крепления обуви была иной (шнуровка?).

Декоративные принципы. Основной способ обшивки бляшками в Тилля-тепе — по одному ряду вдоль края основных силуэтообразующих элементов одежды и, главным образом, спереди. В погребении 4 одежда украшена спереди бляшками, а со стороны спины — парчовой вышивкой, повторяющей контуры тела от шеи до таза и от колен до стоп. Во втором случае она, несомненно, обшивала тыльную сторону шаровар. На спине она украшала, скорее, не халат, а нижний, но богаче отделанный кафтан.

Для женских погребений I и 3 характерно обилие разнообразных типов бляшек, многие из которых представлены небольшим количеством экземпляров.

Широко применялась инкрустация. Обычно ряды бляшек со вставками окаймлялись рядами "простых". Инкрустация даже мелких украшений сложными по форме вставками из бирюзы, граната, лазурита и других минералов, эмали была, несомненно, очень дорогостоящей. Почти все нашивные украшения костюма стилистически едины и, вероятно, изготовлены на месте, в княжеской мастерской соседнего города Емши-тепе по "высочайшему" заказу.

Женские погребения I, 3 и 6 являются настоящим царством жемчуга. Например, в погр.6 им обильно украшены диадема, ожерелье, плечевая одежда у таза и на рукавах, футляр зеркала. К каждой из бляшек-полусфер одного из типов, украшавших обувь, бисерины из жемчуга крепились изнутри. Жемчуг же служил фоном для нашивных бляшек на варежках.

Для оформления рукавов в погр. I и 4 характерна ассиметричность декора (на левом рукаве больше бляшек, чем на правом). Эта традиция отмечена и в синхронных сарматских погребениях⁴⁷.

Общий силуэт костюма. Он отражает эстетический идеал этноса. Тилля-тепе дает достаточно информации для подобных выводов.

Концы верхней плечевой одежды свободно висят, образуя силуэт, далекий от контуров человеческого тела. Это же предполагает "туникообразный" крой (широкий подол, "вздутые",

лежащие складками рукава и др.). Следует добавить, что одежда женщин не подпоясана, грудь ничем не сдавлена (сравни. нагрудную повязку в погр. I). Тилля-тепинцам явно чуждо стремление выглядеть стройными.

Естественный цвет лица, форму бровей предпочитали подправлять с помощью косметики: в женских наборах представлены белая и розовая краски, сурьма.

Следы износа костюма и их особенности. Костюм погребенных неоднократно надевался при жизни. Сильно стерты все застёжки, браслеты, перстни. В ряде случаев линии бляшек несплошные, так как часть из них выпала и была утеряна (погр. I и 4). Следы износа имеют, прежде всего, края одежд и участки на спине нижней одежды, которые терлись о верхнюю. Так, в погр. 3 стерты борта парадного халата (из 25 бляшек "флажков" типа 3.43 только в трех сохранились бирзовые вставки), в погр. 2 — подол халата, в погр. 6 — нагрудный запаузный карман одежды—I, в погр. 4 — обшивки рубахи на спине, в погр. I — бока рукавов и украшение из лент.

В нескольких случаях бляшки, вставки из которых утеряны, идут в ряду до десяти подряд (погр. 2 — "сердечки" типа 2.10 на груди); иногда утеряны вставки почти у всех бляшек одного типа (халат в погр. 3). То же отмечено на покровах. Иногда на одной линии вместо утерянных нашивались бляшки других типов. Требовалось, чтобы они подходили если не по размеру, то, по крайней мере, по форме (круглые — погр. 3).

Обилие нашивных украшений позволило рассмотреть их количественные показатели. В одних погребениях число бляшек одного типа, в основном, кратно 5, почти все остальные числа — четные (погр. I, 3). В других, наоборот, преобладают четные, некратные 5 (погр. 2, 4, 6). Число нескольких типов бляшек из погребения I кратно II. По-видимому, количество бляшек, заказанных партиями, определялось господствовавшей системой счисления.

Костюм членов княжеской семьи украшался в ряде случаев крупными предметами, являющимися высокохудожественными произведениями греческих торевтов (нагрудная подвеска "Бактрийская Афродита" в погр. 6, застёжки халата с изображением Ареса у мирового дерева в погр. 3, навершие головного убора в виде фигурки архара в погр. 4)⁴⁸. Вряд ли их следует рассматривать как предметы импорта, поскольку они отражают местные религи-

озные представления. Возможно, они изготовлялись по заказу на месте для лиц группы I.

Костюм помещался в могилу с соблюдением определенных обрядов. Выше отмечалось использование одежд как покровов и подстилок. Головной убор не надет, а положен за головой (погребения 2 и 4). В погребении княгини пластины на подошвы помещены между ногами. Этот факт можно сопоставить с положением в стороне от умершей женщины пары туфель у сарматов Поволжья (Харьковка, могила Ш-16; Усатово, курган -16)⁴⁹. Ноговицы положены поверх сапог (погр.4). Скомкано украшение для волос (погр.1). Обнаруженные предметы одежды носились при жизни, и нет оснований предполагать помещение в могилу особого погребального костюма.

Размещение антропоморфных персонажей на костюме женщин в погребениях 2, 3, 6 определяется следующей схемой. Можно выделить три горизонтальных зоны: верхняя – голова (височные подвески головного убора, серьги), средняя – грудь (застежки на груди, особые нагрудные подвески), нижняя – район таза (печати-подвески, перстни). Для каждой из трех зон характерен своеобразный состав персонажей. В верхнем ярусе изображалось божество – "хозяин зверей" мужского или женского пола, держащее в руках двух хищников (погр.2,6). В средней зоне представлены изображения, повторяемые в нескольких могилах: местное женское божество плодородия, Эрот, а также сцена священного брака (погр.2,3,6). В нижнем ярусе изображались Афина или Ника (погр.2,3).

Следует еще раз подчеркнуть, что работа автора над материалом Тилля-тепе во многом опиралась на уже опубликованные наблюдения и выводы, сделанные Я.М.Паромовым и В.И.Сарианиди. Методика фиксации остатков костюма в Тилля-тепе, которая разрабатывалась в процессе раскопок, обеспечила высокий уровень полевой документации⁵⁰. Благодаря этому могильник Тилля-тепе можно рассматривать как своеобразный полигон для проверки и совершенствования существующих методик.

В ходе работ быстро стало очевидным неудобство черно-белой фотографии при наличии богатой цветовой гаммы находок, сложной микростратиграфии участка, неравномерном освещении.

В плотных рядах и скоплениях бляшек и бисера иногда было невозможно передать на чертеже каждый предмет. Особый интерес представляли участки, где ряды бляшек одного типа

иногда перекрывали другие. Наличие даже 3-4 перекрывающих бляшек, расположенных в ряду, позволяло в ряде случаев уточнить стратиграфию одежд и покровов.

Анализ богатого и стратиграфически очень сложного материала Тилля-тепе позволяет отклонить некоторые методические рекомендации А.П. Бородовского и И.Г. Глушкова как излишние. Представляется, что не имеет смысла делать полевые чертежи в трех измерениях, чертить весь костяк непременно в масштабе 1:1 и отмечать угол наклона каждой бляшки⁵¹. Эти рекомендации объясняются, в первую очередь, недостаточным знакомством авторов с массовым рядовым материалом по археологическому костюму.

Находки в Тилля-тепе заставляют также задуматься над необходимостью более детального описания парных украшений костюма. Ограничусь одним примером. В погр. 2 на обшлагах халата были в числе прочих нашиты 2 амулета в виде кисти руки. Они отличаются друг от друга лишь одной, на первый взгляд, мало-значимой деталью: у одной кисти пять пальцев, а у другой - четыре. Между тем, известно, что в архаическом сознании человека четырехпалой представлялась левая рука⁵². К сожалению, при описании находок подобные "индивидуальные отклонения" обычно остаются без внимания.

Как уже отмечалось, данная статья является первым этапом публикации костюма Тилля-тепе. Последующие работы будут посвящены анализу семантики костюма в целом и его отдельных элементов, а также выявлению его места в костюме этносов сопредельных территорий.

И л л ю с т р а ц и и

- Рис.1. План могильника Тилля-тепе.
- Рис.2. Покровы из погребения князя (№4) (пронумерованы сверху вниз): а)-подушка; б)-плечевая одежда-подстилка; в)-контур золотой парчи, обернутой вокруг тела; г)-платок; д)-,е)-передники.
- Рис.3. Покровы из отдельных женских погребений: I - погр.2; 2 - погр.3; 3 - погр.6. Фрагменты покровов погр.3: I - тип 3.4; 2 - умбоновидные диаметром 1,2 см; 3 - цилиндры диаметром 1,2 см; 4 - цилиндры диаметром 0,5-0,8 см; 5 - умбоновидные диаметром 0,8 см; 6 - 3.14.
- Рис.4. Реконструкция больших покровов (стрелками показаны направления деформации первоначального декора в погребении): I - погр.6 (верхняя половина); 2 - погр.6 (нижняя половина); 3 - погр.2; 4 - погр.3.
- Рис.5. Реконструкция покровов-"передников" (стрелками показаны направления деформации первоначального декора в погребении): I - погр.6; 2 - погр.2; 3 - погр.4 (нижний); 4 - погр.4 (верхний).
- Рис.6. Погребение 4. Одежды I и 2. Типы курашений: I - 4.11; 2 - 4.18-19; 3 - 4.13; 4 - 4.24; 5 - 4.28; 6 - 4.3; 7 - 4.31; 8 - 4.14; 9 - 4.18-19; 10 - 4.1; II - 4.34.
- Рис.7. Погребение 4: I - одежда-3; 2 - перчатки; 3 - обшивка одежды-2 на спине; 4 - бляшки в чаше под головой. Типы украшений: I - 4.18-19; 2 - 4.17; 3 - 4.20; 4 - 4.13.
- Рис.8. Погребение 3: I - основные фрагменты декора; 2 - положение бляшек под зеркалом, между второй и третьей застегкой; 3 - остатки головного убора. Типы украшений: I - полусферические диаметром 0,6 см; 2 - полусферические диаметром 0,4 см; 3 - 3.37; 4 - перстень; 5 - 3.1; 6 - 3.51; 7 - 3.24; 8 - 3.13; 9 - 3.40; 10 - парные пряжки от обуви; II - 3.52; I2 - зона концентрации украшений покрывала - типы 3.7, 3.8, 3.9, 3.25; 13 - 3.5; 14 - 3.37; 15 - 3.43; 16 - 3.26; 17 - 3.45.
- Рис.9. Погребение 6: а)-платок; б)- верхний слой обшлагов

одежды-1; в)- нижний слой обшлагов одежды-1; г)- украшения сумки (верхний слой); д)- украшения сумки (нижний слой). Типы украшений: 2 - диадема; 3 - булавки; 4 - 6.17; 5-, 6 - шарф (слой 1-2) - цилиндры диаметром 2,0 см; 7 - перчатки - умбоновидные диаметром 1,0 см; II - те же с жемчугом внутри; I2 - пряжки; I3 - 6.22; I4 - 6.3; I5 - умбоновидные диаметром 1,3 см; I6 - 6. I2; I7 - 6.2; I8 - цилиндры диаметром 0,8 см; I9 - пластинки из слюды; 20 - 6.24-25; 2I - каменные подвески; 22 - умбоновидные диаметром 0,9 см; 23 - про низки (6.25).

Рис. I0. Погребение I. Элементы костюмного декора. Типы украшений: I - I.3; 2 - I.2; 3 - I.6; 4 - I.1; 5 - I.32; 6 - основные скопления жемчуга на костяке; 7 - граница остатков парчи поверх костей; 8-, II - умбоновидные бляшки диаметром 1,5 см; 9-, I0 - I.18; I2 - I.14; I2a - I. I7; I3 - умбоновидные диаметром 0,5 и 0,7-0,8 см; I4 - I.20; I5 - I.26; I6 - полусферические диаметром 0,6-0,7 см.

Рис. II. Погребение I. Элементы костюмного декора: а)- нагрудная повязка; б)- декор нагрудной повязки; в)- декор шаровар; г)-, д)- декор рукавов; е)- бретельки и "погоны"; ж)- декор нижнего слоя рукавов. Типы украшений: 3 - I.2; 4 - цилиндры диаметром 0,9 см; 5 - I.20; 6 - умбоновидные диаметром 0,7-0,8 см; 7 - умбоновидные диаметром 1,5 см; 8 - полусферические диаметром 0,6-0,7 см; 9 - украшение для волос из фольги; I0 - про низки; II - I.14-16; I2 - I.1; I3- I.9; I4 - I.22; I5 - I.21; I6 - I.26; I7 - I.12; I8 - I.10; I9 - I.13.

Рис. I2. Погребение 2: I - декор подола одежды-2; 2 - декор обшлага одежды-2. Типы украшений: I - 2.3I; 2 - 2.29; 3 - 2.25; 4 - 2.24; 5 - 2.II; 6 - про низки из бирюзы и кости; 7 - 2.5; 8 - 2.27; 9 - 2.I9; I0 - 2.I0; II - 2.37; I2 - 2.20; I3 - 2.6.

Рис. I3. Комплект костюма погребения 4 (реконструкция).

Рис. I4. Комплект костюма погребения 3 (реконструкция).

- Рис.15. Комплект костюма погребения 6 /реконструкция/: а/- шарф; б/- платок на лицо.
- Рис.16. Комплект костюма погребения I /реконструкция/: а/- нагрудная повязка и ленты на спине.
- Рис.17. Комплект костюма погребения 2 /реконструкция/: а/- крепление амулетов на обшлаге; б/- ворот одежды-2 со спины.

Л и т е р а т у р а

1. Сарияниди В.И. Бактрия сквозь мглу веков. М., 1984, рис. на с.144-153; Сарияниди В.И. Афганистан: сокровища безымянных царей. М., 1983, с.19-128.
2. Основную документацию составляют полевые чертежи по каждому из условных "слоев", полевые фотографии и слайды, отчеты о раскопках отдельных погребений (№ I и 4), основной отчет отряда Советско-Афганской экспедиции, подготовленный В.И.Сарияниди (Архив ИА АН СССР, № 8017), инвентарные описи, консультации и переписка автора с руководителями работ на отдельных могилах: В.П.Бурым (№1), А.Х.Азами (№2), Р.Х.Сулеймановым (№4). Многие материалы ранее не привлекались.
3. Сарияниди В.И. Афганистан..., с.23.
4. Яценко С.А. Центральноазиатские элементы в костюме Тиллятепе. -Культура и искусство Центральной Азии (тезисы докладов). Л., 1988.
5. Сарияниди В.И. Царский некрополь в Северном Афганистане. -Вестник АН СССР, 1979, № 7, с.78.
6. Сарияниди В.И. Афганистан..., с.72.
7. Сарияниди В.И. Бактрия..., рис. на с.146, 153.
8. Сулейманов Р.Х. Заметки (о раскопках погребения 4 в Тиллятепе). Рукопись. -Архив В.И.Сарияниди, лл. 5,6; Сарияниди В.И. Афганистан..., с.69.
9. Сарияниди В.И. Афганистан..., с.71-72.
10. Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага-Л., 1966, рис.195-196;
- Ghirshman R. *Partians and Sassanians.* - N.-Y., Thames and Gudson, 1962, Pl.43-44; Rosenfield T.M. *The Dinastic Arts of the Kushans.* Los Angeles, University Press, 1967, pl.120
11. Яценко С.А. О семантике одного из элементов декора парадного костюма ранних кочевников. -Исторические чтения памяти М.П.Грязнова. Тезисы докладов областной научной конференции по разделу "Скифо-сибирская культурно-историческая общность". Омск, 1987, с.135-136.
12. Сарияниди В.И. Афганистан..., с.70.

13. Кузьмина Е.Е., Сарияниди В.И. Два головных убора из погребений Тилля-тепе и их семантика. -КСИА, 1982. Вып.170, с. 20.
14. Большой полевой чертеж второго слоя и письмо Р.Х.Сулейманова автору от 10 декабря 1984 г.
15. Сарияниди В.И. Отчет о работе Советско-Афганской археологической экспедиции в 1978-1979 гг. -Архив ИА АН СССР, Р-1, № 8017, с.34; полевой чертеж, рис.6,1.
16. Ghirshman R. Указ.соч., рис.60,70,98,110; Rosenfield J.M. Указ. соч., табл.38,39,62,63,67,69,92.
- Кушанские правители времен империи таких шаровар не носили.
17. Rosenfield J.M. Указ.соч., табл.120.
18. Сарияниди В.И. Афганистан., с.71.
19. Сулейманов Р.Х. Заметки., л.3.
20. Сарияниди В.И. Афганистан., с.46.
21. Сарияниди В.И. Отчет., с.24, 27.
22. Сарияниди В.И. Афганистан., с.47.
23. Данное толкование подтверждается и находкой пары миниатюрных серебряных булавок длиной 3,5 см (Опись находок погребения 3, № 81(206). Они намного меньше головных и, видимо, скрепляли края головного убора и покрывала надо лбом.
24. Сарияниди В.И. Афганистан., с.53.
25. Rosenfield J.M. Указ. соч., табл.1, №6; IV, №73; XIV, №271.
26. Сарияниди В.И. Афганистан., с.124.
27. Сарияниди В.И. Афганистан., с.127.
28. Кузьмина Е.Е., Сарияниди В.И. Два головных убора., с.24.
29. Яценко С.А. К реконструкции женской плечевой одежды Сарматии. -СА, 1987, № 3, с.169, рис.3 (г).
30. Сарияниди В.И. Афганистан., с.22.
31. Rosenfield J.M. Указ. соч., табл. XII, №№ 237-239. Ingholt H. H. Gandharan art in Pakistan.-N.-Y., Pantheon books, 1967, pl.189
32. Rosenfield J.M. Указ., соч., табл. XII, №№237-239, 244.

33. Бурый В.П. Отчет о раскрытии и полевом исследовании погребения № I (Тилля-тепе, 1978-1979 гг.). -Архив В.И.Сарианиди, с.16.
34. Бурый В.П. Отчет..., с.12.
35. Сарианиди В.И. Афганистан..., с.20.
36. Пугаченкова Г.А. Скульптура Халчаяна. М.,1971, с.30.
37. В условиях дефицита времени при расчистке погребения № 2 украшения костюма были частично зафиксированы на послойных чертежах А.Х.Азами, частично - на фотографиях и слайдах, сделанных В.Кочелевым и А.Черноиваном. Таблицы в статье отражают, в основном, положение бляшек по чертежам; декор головного убора и обшлагов уточнен по фотографиям и слайдам.
38. Сарианиди В.И. Афганистан..., с.138.
39. Сарианиди В.И. Отчет..., с.15.
40. См., например: **Rosenfield J.M.** Указ.соч., табл.16,19.
41. На оссуарии № I из Топ-калы (УП-УШ вв.,Хорезм) так положен островерхий же головной убор оплакиваемого женского божества. См.: Шукуров Ш.М. К анализу принципов иконографии в изобразительном искусстве Средней Азии. -Средняя Азия в древности и средневековье. (Под ред. Б.Г.Гафурова и Б.А.Литвинского). М.,1977, рис.22.
42. **Rosenfield J.M.** Указ. соч., с.182, рис.122.
43. Яценко С.А. О древних прототипах мужской плечевой одежды осетин. -Археология и традиционная этнография Северной Осетии. Орджоникидзе, 1985, с.26.
44. Лобачева Н.П. Среднеазиатский костюм раннесредневековой эпохи (по данным стенных росписей). -Костюм народов Средней Азии (Отв. ред. О.А. Сухарева). М., 1979, с.20, 29.
45. Сарианиди В.И. Афганистан..., с.71.
46. В каменной гробнице мавзолея Неаполя Скифского (кон.П в. до н.э.), на гривне сарматской царицы, обнаруженной Т.Н.Прохоровой и В.К.Гугуевым в 1987 г. в г. Ростове-на-Дону (кон. I -нач. II в.н.э.), на фаларе П-I вв.до н.э. (Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А. Серебряные фалары из сарматского погребения могильника Кривая Лука IX в Астраханской области. -КСИА,

1981. Вып.168, с.103, рис.2-3), на пластине из коллекции Романовича из Прикубанья, которую Р.Гиршман датировал I-II вв. н.э. (Ghirshman R. Указ. соч., с.96, рис.7) на серебряном сосуде "восточной работы" I в.н.э. из погр.2 в Косике (Астраханская обл., раскопки В.В.Дворниченко 1984 г.).

47. Яценко С.А. К реконструкции женской плечевой одежды Сарматии..., с.172.

48. Sarianidi V. Bactrian Gold from the excavations of the Tillyatepe necropolis in Northern Afghanistan.- Leningrad-Vienna, Aurora-Globus, 1985, табл.82-83, 99, II-120.

49. Яценко С.А. Костюм как элемент в системе погребального ритуала сарматов и поздних скифов. -Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства (тезисы докладов конференции). Кемерово, 1984.

50. Сарияниди В.И. Афганистан..., с.20, 45-46, 62-63.

51. Бородовский А.П., Глушков И.Г. Роль эксперимента в анализе погребальной обрядности. -Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Тезисы докладов областной научной конференции по разделу "Скифо-сибирская культурно-историческая общность". Омск, 1987, с.57.

52. Иванов В.В. Об одном типе архаических знаков искусства и пиктографии. -Ранние формы искусства (Отв.ред. Е.М.Мелетинский). М., 1972, с.113.

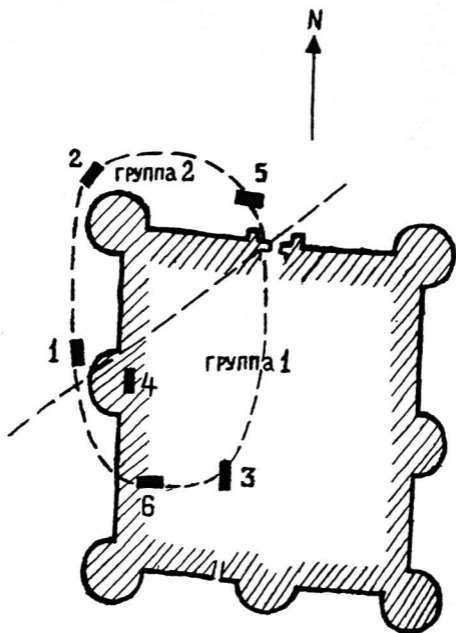

Рис. I

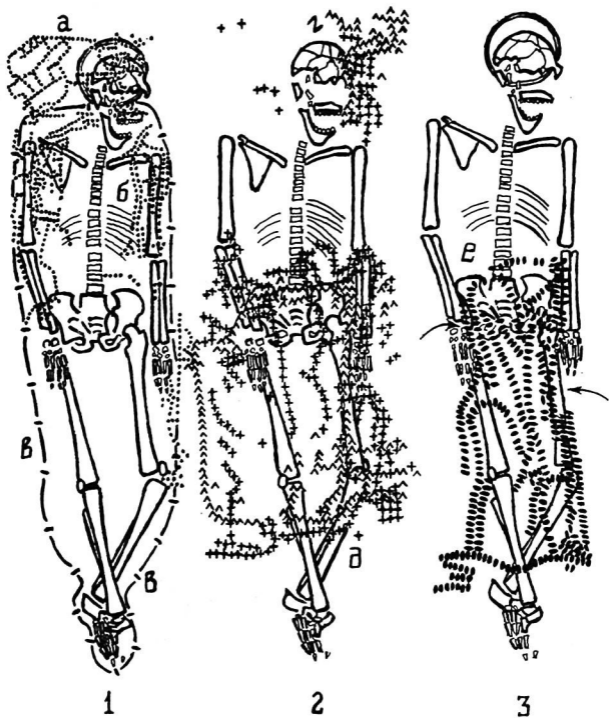

Рис.2

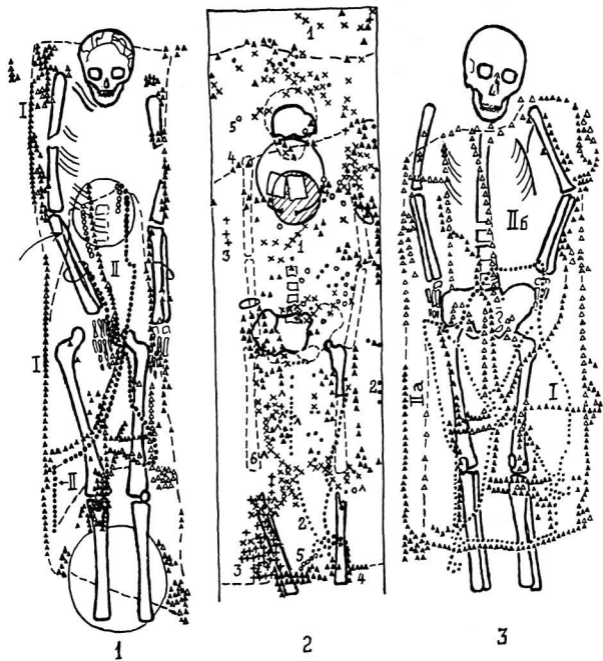
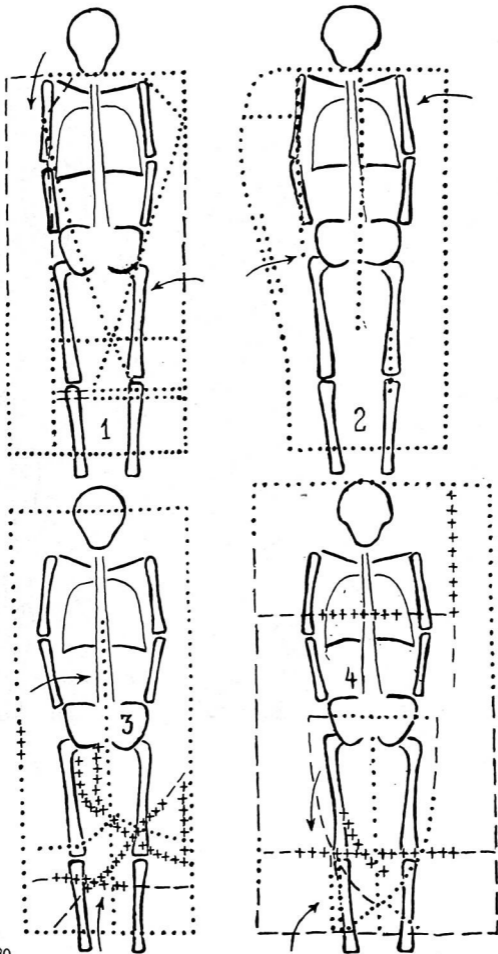

Рис.3

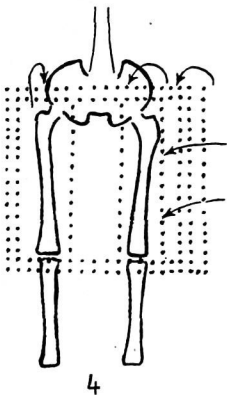
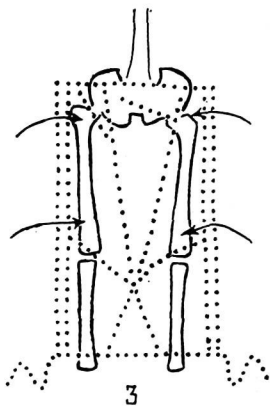
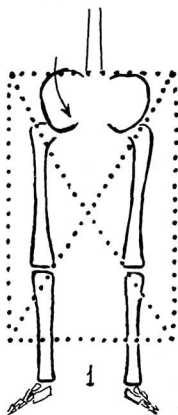

Рис. 5

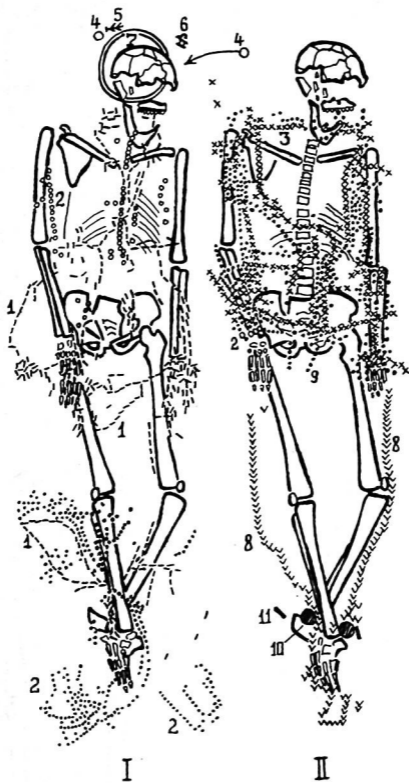

Рис. 6

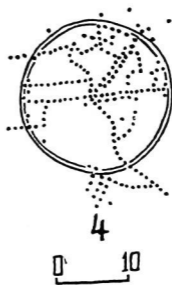
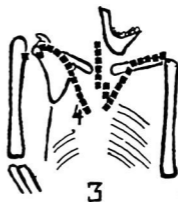
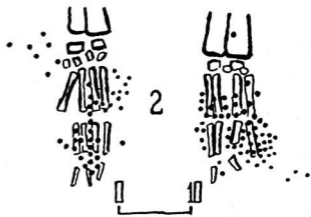
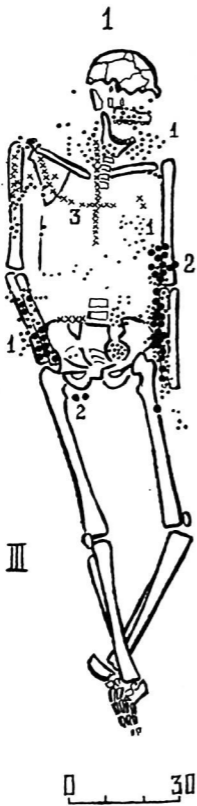

Рис. 7

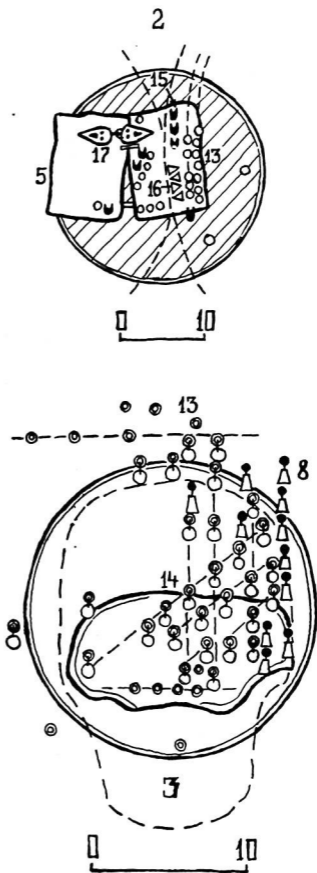
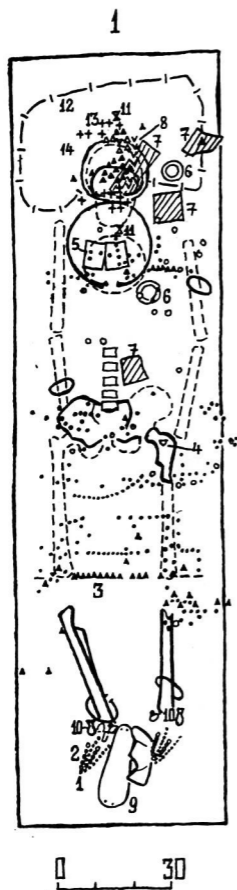

Рис. 8

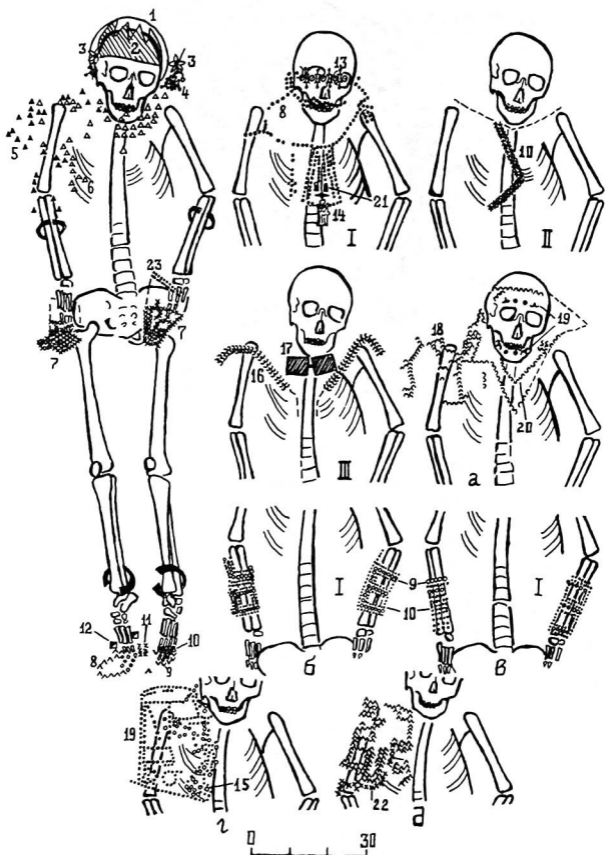
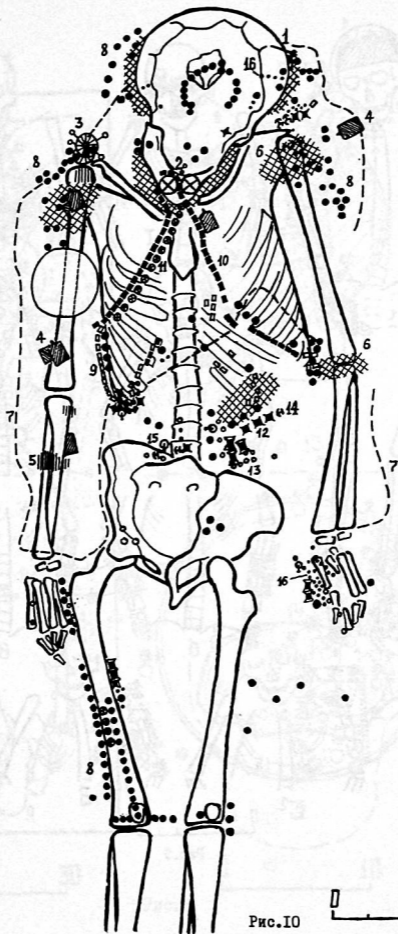

Рис.9

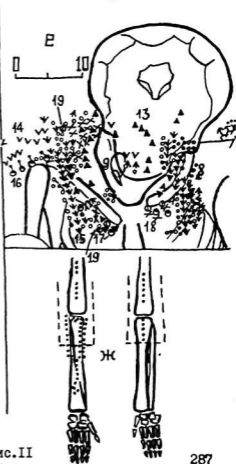
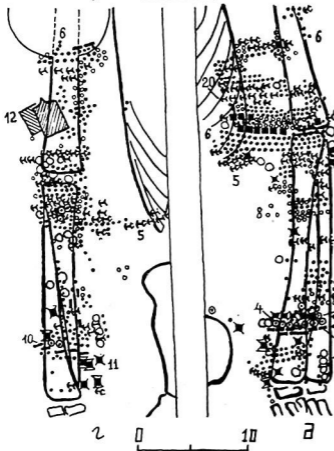
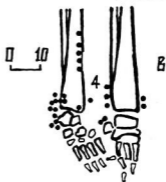
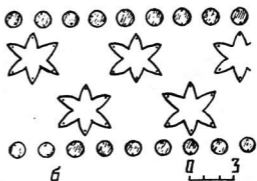
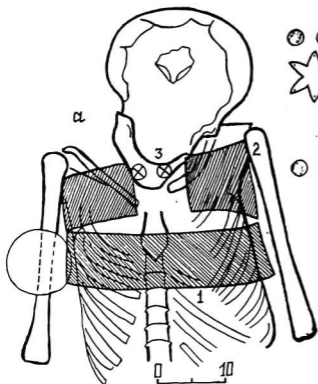

Рис. II

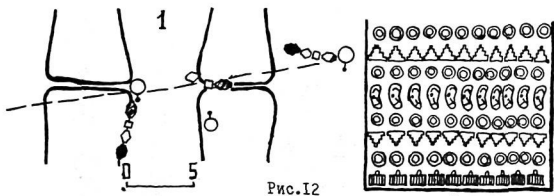
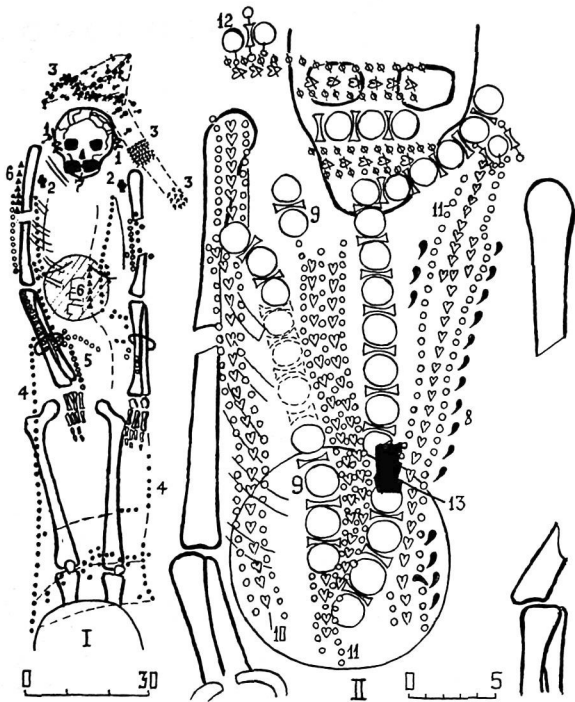

Рис. 12

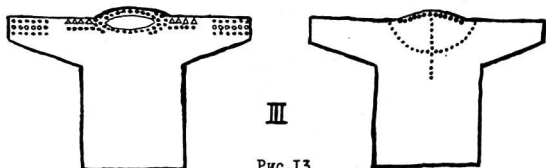
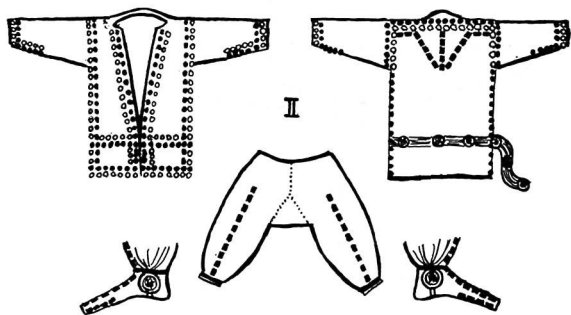
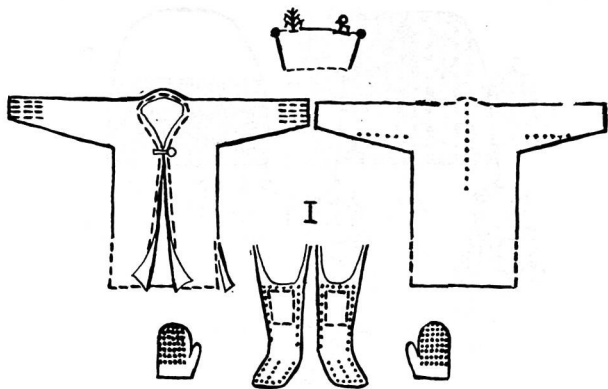
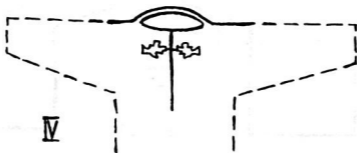
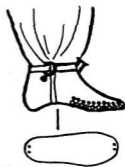
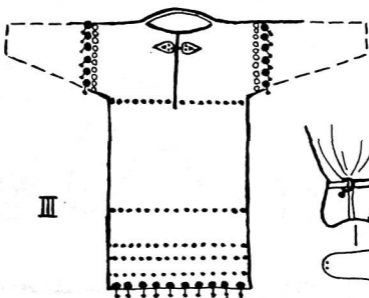
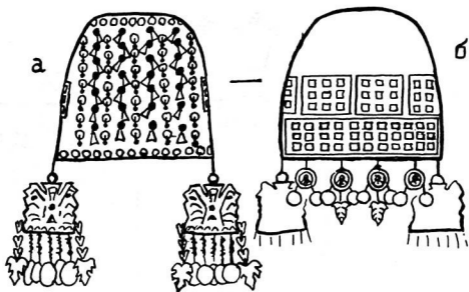

Рис. 13

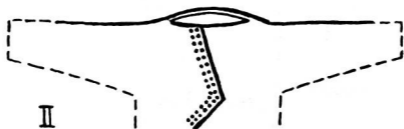
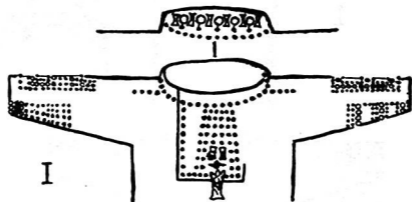
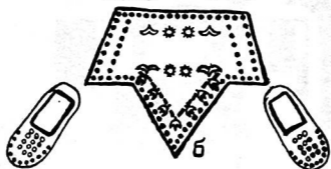
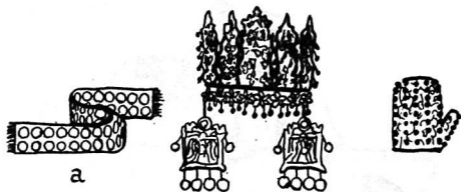
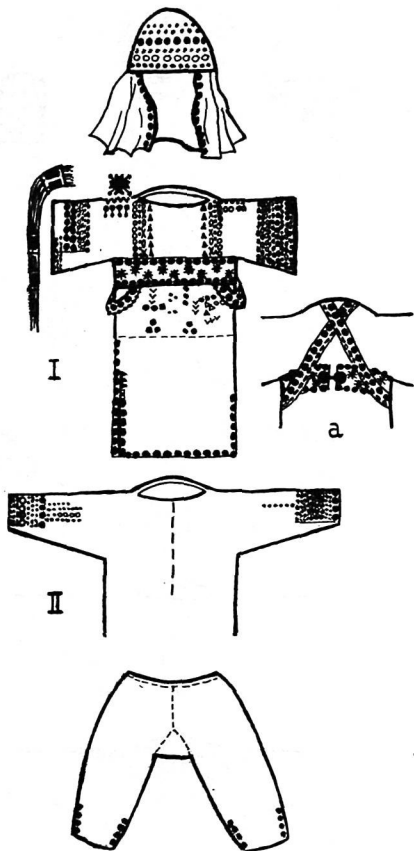

Рис. I5

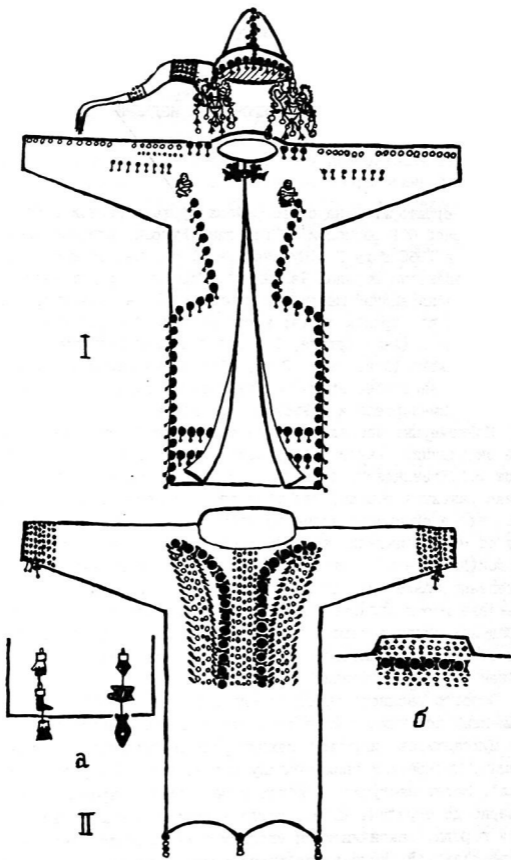

Рис. I7

БУДРАЧСКИЙ КЛАД БРОНЗОВЫХ ИЗДЕЛИЙ

На территории Денауского района Сурхандарьинской области Узбекской ССР расположено городище Будрач, впервые обследованное в 1960 году Г.А.Пугаченковой, отождествившей руины со средневековым городом Чаганиан¹. Городище представляло собой трапециевидный шахристан площадью 51 га, ориентированный углами по странам света; в юго-восточной части возвышались цитадель (Акмазартепа, 1,5 га) и административно-дворцовый комплекс (Дуньетепа, 2 га). Город был окружен обширным рабадом. В настоящее время вся территория городища, за исключением Акмазартепа и Дуньетепа, распаханна.

Планомерные исследования Узбекистанской искусствоведческой экспедиции, начатые в середине 70-х годов под руководством Э.В.Ртвеладзе², позволили получить представление о динамике развития города, его топографии и хронологии³. Выяснено, что в кушанское время на левом берегу Кызылсу, неподалеку от места впадения ее в Сурхандарью, возник небольшой городок (Дуньетепа) с отдельно стоящей цитаделью (Акмазартепа). Постепенно, обживаемая площадь расширялась, и в раннем средневековье город значительно вырос, заняв территорию примерно в пределах средневекового шахристана. В этот период Чаганиан стал столицей одноименного владения, располагавшегося в среднем и верхнем течении Сурхандарьи.

Особого расцвета город достиг в X – начале XI вв. Из письменных источников известно, что правители Чаганиана из рода Мухтаджидов, игравшие важную роль в саманидской администрации, превратили свою столицу в средоточие искусств и ремесел⁴. Затем наступило некоторое запустение, продолжавшееся примерно до середины XII в., когда наступил новый подъем в жизни города, закончившийся упадком в результате монгольского нашествия. В тимуридское время город возродился севернее, на территории рабада, где в шурфах выявлены трехметровые на-

слоения этой поры⁵.

На городище Бударч получен богатый археологический материал: керамика⁶, терракоты, несколько кладов монет⁷, множество каменных и стеклянных бус, а также некоторое количество бронзовых изделий⁸.

В марте 1987 года была сделана находка, обогащающая наши представления о материальной и художественной культуре Чаганиана, а в более широком плане — позволяющая осветить некоторые аспекты такой недостаточно разработанной темы, как проблема локализации центров художественной металлообработки Мавераннахра поры развитого средневековья.

В северо-восточной части шахристана было найдено несколько бронзовых предметов. Здесь был заложен раскоп размером 15х15 м, углубленный от дневной поверхности на 1 м. В начале 70-х годов при распашке бугров былой застройки были снивелированы находившиеся здесь строения. Наш раскоп, по-видимому, пришелся на двор, поскольку в южной его части выявлены четыре бадраба, расположенные в одном-двух метрах друг от друга. Верхние части бадрабов были также срезаны. В самом крупном бадрабе № 1, имеющем диаметр 1 м, найдены бронзовые предметы, залегающие с уровня неспаханной земли. Сохранившаяся глубина бадраба 2,2 м, последовательность залегания слоев следующая: верхний слой мощностью 0,5–0,6 м — бронзовые изделия; под ними прослойка из целого (размерами 23х23 х 4 см) и битого женого кирпича; ниже слой гумуса толщиной 1 м, содержащий множество костей птиц, мелкого и крупного рогатого скота, а также глазурованную и неглазурованную керамику (целый сфероконус; сероглиняный кувшин с реповидным туловом и прямым венчиком, на тулове отпечаток печати с арабской надписью; глазурованные белофонные ляганы с псевдоэпиграфическим орнаментом, выполненным коричневой и красной красками; ляган с пыльным растительным узором, выполненным зеленой краской по белому фону); далее слой менее гумусированной земли, также содержащий керамику (среди находок из этого слоя интересна чаша с плотной белой глазурью и надписью синей краской, явно привозная); дно бадраба покрыто слоем песка.

Общее количество бронзовых изделий пока не определено, поскольку среди них имеются как целые, так и поломанные. В составе клада более тридцати ступок, 28 из них целые и делятся по форме на четыре типа (рис.1): 1. Ступка с цилиндричес-

ким корпусом без закраин, на середине корпуса имеются 4 выступа-шишечки, высота 13,3 см, диаметр устья 13,5 см, диаметр дна 14 см. 2. Цилиндрический корпус, у некоторых ступок слегка расширяющийся к устью; на середине которого от 3 до 6 выступов-шишечек треугольной формы и различных пропорций, выше - пояс орнамента из одного ряда рельефных фигур в форме зубчатого "мерлона" с симметрично расположенными выемками. Ступок этого типа 22, две из них без орнамента, размеры от 14x14,5x18 до 20x20x24,3 см. На самой крупной ступке надпись почерком процветший куфи: "Во имя Аллаха милостивого, милосердного, благословение владельцу сего." 3. Цилиндрический корпус, дно с выступающей закраиной, венчик, отогнутый наружу, также образует выступающую закраину, выступов-шишечек - от 4 до 6, орнамент в виде узкой рельефной полоски, проходящей над шишечками. Количество этих ступок - 4, размеры от 13,3x15,2x15,2 до 15,3x17,2x18 см. 4. Один экземпляр ступки представляет собой промежуточную форму между типами 2 и 3 - цилиндрический корпус, дно с выступающей закраиной, отогнутый под прямым углом, плоско срезанный поверху венчик, 4 выступа, над ними орнаментальный пояс с "мерлонами"; размеры: 13,5x15x17 см.

Найдены 5 целых пестов и 7 поломанных, 4 чашечки полусферической формы с рельефным растительно-геометрическим орнаментом, фрагменты от 5 кольцевых подставок. Многочисленны детали и фрагменты составных светильников: около 30 фрагментов триподов различных размеров и форм (корпус, в основном, полусферический, есть корпус со спирально закрученной поверхностью); 15 катушкообразных деталей разных размеров от стволов с гладким, ажурным, спиралевидным, многоугольным исполнением центральной части; более десятка фрагментов от стволов цилиндрической, спирально закрученной, ажурной, квадратной в поперечном сечении форм. Есть целый ствол с двумя катушкообразными деталями на концах, он представляет собой трубу со спирально закрученной поверхностью, также закручены центральные части катушек; высота ствола 18,8 см, диаметр 5 см, высота катушек 6,8 и 7 см. Найдено 10 фрагментов закраин тарелочек, крепившихся к верхней части подставок под светильник. Светильники представлены 6 фрагментами: тремя целыми однорожковыми и одним трехрожковым на трех ножках, верхняя часть его ажурная, остальные украшены гравировкой. Ручки у однорож-

ковых светильников обломаны, у трехрожкового ручка в виде петельки с выступом на верху. Отдельно найдены ручки-петельки с выступами и плоскими трапециевидными пятками, украшенными небольшими выемками, одна из них увенчана изображениями птиц.

В составе клада сотни обломков от котлов полусферической формы на небольшом круглом поддоне и трех конических ножках, с отогнутой закраиной различной ширины, со сливами, расположенными под венчиками; ручки вертикальные, подковообразные, с навершиями в виде пятиугольника, треугольника вершиной вниз, двух- и трехзубчатого выступа – таких ручек более сорока. Есть котлы горшковидной формы.

Клад содержит несколько кувшинов различных типов: 1. Кувшин с восьмигранным, сужающимся к горловине туловом и резко расширяющимся устьем (нижняя часть тулова не сохранилась); грани тулова заканчиваются внизу полукругиями, на горле рельефный поясок с плетенкой из двух полос; по устью выгравирован узор в виде полосы растительного орнамента, на гранях тулова через одну выгравированы розетки с лункой в центре и лепестками, отходящими вверх и в стороны (сохранившаяся высота кувшина 12 см, ширина граней 5 см). 2. Миниатюрный кувшинчик с грушевидным туловом и широким устьем (дно не сохранилось); по нижней части тулова идет рельефный пояс с орнаментом в виде извилистой линии с завитками; на горловине три горизонтальных ребра, по устью проходит полоса меандрообразного узора (сохранившаяся высота 10 см, диаметр венчика 6,5 см, максимальный диаметр тулова 8 см). 3. Кувшин с воронкообразной горловиной, сохранившаяся верхняя часть тулова имеет рельефные выступы, на которые нанесен декор в виде лунок, между выступами узор в виде кружочков. 4. Три фрагментированных кувшина одного типа: грушевидное тулово с прямыми плечиками, восьмигранная шейка, увенчанная сферическим уширением с носиком-сливом и стойками-петлями для крепления крышки. Найдена фигурная ручка с листовидным выступом в нижней части от одного из кувшинов, к другому относится конической формы крышечка с навершием в виде пирамидки. Декор кувшинов – гравированные дужки в нижней части шейки, на середине тулова горизонтальная полоса с гравированным орнаментом в виде колец с рубчиками: в центре колец в одном случае лунки (рис.2), в другом – чередующиеся лунки и фигуры в виде двух переплетенных эллипсов; на третьем сосуде, имеющем плохую сохранность, уда-

лось различить кольца с лунками. На тулове двух кувшинов ниже носика помещен медальон в виде кольца с рубчиками, лункой внутри и трилистником, отходящим вверх. На одном из сосудов сохранилось несколько полустертых знаков куфической надписи "сделал Ахмад". Уникален колокол куполовидной формы с дужкой для подвешивания (рис.3); звук извлекался ударами по крпусу; высота его 15,5 см, диаметр устья 8,5 см, максимальный диаметр корпуса 11,5 см, высота дужки 6 см. В составе клада есть два бубенца, туалетные сосудики, мелкие пряжки, наконечники ремня, ажурные нашивки, ручка с навершием в виде петушка, фрагмент курильницы (?) в виде хищника кошачьего облика, слив сосуда, оформленный в виде головы фантастического животного с разинутой пастью и другие предметы.

Приведенное описание, при всей своей краткости, позволяет, как нам кажется, представить разнообразие и обилие найденных предметов. Несомненно, что вещи были специально спрятаны в бадрабе, будучи отделены от нижних слоев мусора кирпичной прослойкой, и мы с полным основанием можем называть всю совокупность находок кладом. Таким образом, мы имеем возможность изучения единовременного комплекса художественных изделий из бронзы.

Керамика из бадраба, относящаяся к концу X – первой половине XI вв., аналогии бронзовым изделиям, медная монета из клада, отнесенная Э.В.Ртвеладзе по типу к первой половине XI в., позволяют датировать Бударачский клад XI в. Это согласуется и с общим представлением об истории города, основанном на изучении предметов материальной культуры, а также, в особенности, монетного чекана. Э.В.Ртвеладзе выявлена следующая картина: обилие монет X – первой половины XI вв. сменяется почти полным отсутствием монет второй половины XI – первой половины XII вв., и лишь со второй половины XII в. монет вновь становится много⁹. Та же картина прослеживается по керамике. По-видимому, запустение города связано с походом сельджукского султана Алп-Арслана, который в 1063 году захватил и разграбил Чаганиан¹⁰. Тревожная обстановка накануне захвата Чаганиана, вероятно, и стала причиной сокрытия клада.

Изучение художественной бронзы домонгольского времени позволило исследователям выделить некоторые типы изделий, которые, по-видимому, были изготовлены на территории Мавераннахра¹¹. Однако, ни один город в настоящее время не может

быть с уверенностью указан в качестве места производства, так как пока не найдено предметов с указанием, где они изготовлены¹², а место находки, как известно, не обязательно является и местом производства. Поэтому при локализации предметов художественной бронзы приходится прибегать к тем или иным косвенным признакам.

На территории шахристана городища Будрач были найдены куски бронзового шлака, а также осколки тиглей с остатками медной окиси на внутренней поверхности. Многие из ступок клада имеют характерную деформацию и трещины, образование которых должно быть связано с использованием их для дробления каких-то твердых и грубых фракций, возможно, руды. В некоторых из бронзовых изделий сохранились остатки формовочной глины, скорее всего, эти предметы – производственный брак. Все эти признаки позволяют предположить существование в городе меднолитейного производства.

Среди предметов из клада многие имеют следы починки, это указывает на наличие, по крайней мере, мастерской, в которой занимались починкой медно-бронзовых изделий, поскольку трудно представить, что кто-либо мог привозить чиненные вещи, не говоря уже о бракованных.

Таким образом, мы предполагаем, что в Чаганиане существовало собственное производство бронзовых изделий. В пользу этого говорит и сам факт концентрации в одних руках такого количества разнообразных бронзовых предметов, предназначенных, скорее всего, для переплавки, среди которых следует отметить куски литья и бронзовую стружку.

Декор предметов клада выполнен простой и глубокой гравировкой и находит ряд аналогий (также как и в формах) в находках из соседних территорий Северного Тохаристана, например, владений: Термез, Вахш и Хутталь (городища Старый Термез, Лягман и Курбаншаид), относимых к XI в. Полностью отсутствует инкрустация. Имеются аналогии и с хорасанскими изделиями, в частности, котлы полусферической формы на трех ножках стандартным типом для Хорасана (а, возможно, и для Мавераннахра) называет А.С.Меликян-Ширвани¹³.

По-видимому, в составе клада имеются как местные, северо-тохаристанские, так и хорасанские изделия или предметы, изготовленные в подражание хорасанским. Вычленить собственно мавераннахрские формы и виды декора позволит дальнейший уг-

лубленный анализ. Сейчас можно предположительно выделить лишь некоторые признаки, характерные, возможно, именно для местных изделий, — это относится к своеобразной форме и декору будрачских ступок, а также к декору с включением лунок, имеющемуся на трех типах кувшинов из этого клада. Узоры из лунок на ряде хорасанских изделий упоминает Б.И.Маршак, но относит их к XII в.¹⁴ В Средней Азии подобный узор встречен на кувшинах, выделенных А.А.Ивановым¹⁵, которые можно условно обозначить как "кувшины мастера Ахмада". Исследователи датируют их, в основном, XI в.¹⁶, относительно же их точной локализации в пределах Мавераннахра нет единого мнения¹⁷. Возможно, что бронзовая ступка, найденная в 1972 году при распашке бугров в той части шахристана, где был позже обнаружен клад, и которую передали нам в 1986 году местные жители, поможет в определении места производства "кувшинов мастера Ахмада", тем более, что в составе клада найдено три таких кувшина. На плоской закраине ступки выгравировано почерком кюфи: "сделал Ахмад" (чтение Э.В.Ртвеладзе).

Детальное изучение находок еще впереди, однако уже сейчас может быть поставлен вопрос о существовании чаганианского центра художественной металлообработки домонгольского периода. В заключение следует отметить выдающееся значение клада бронзовых изделий с городища Будрач для изучения декоративно-прикладного искусства Северного Тохаристана, этого во многом своеобразного региона на стыке Мавераннахра и Хорасана.

И л л ю с т р а ц и и :

Рис.1. Типы ступок.

Рис.2. Кувшины.

Рис.3. Колокол.

Л и т е р а т у р а

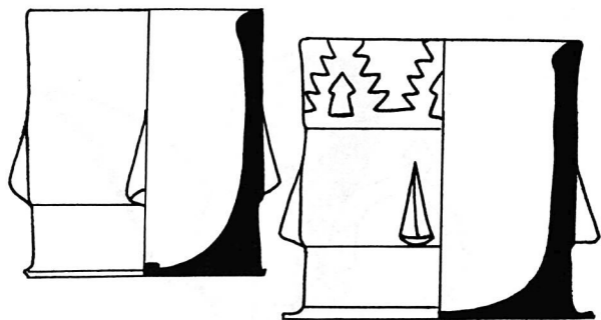
1. Пугаченкова Г.А. К исторической топографии Чаганиана. - Труды САГУ. Вып.200. Археология Средней Азии. Т.УІ, Ташкент, 1963, с.58-63; Она же. Халчаян. Ташкент, 1966, с.14-26.
2. Работы велись археологом М.Х.Исхаковым, с 1986 г. - Дж. Ильясовым при участии архитектора Д.В.Русанова.
3. Ртвеладзе Э.В. Обнаружение средневекового селения Навадак в области Чаганиан. -ИМКУ. Вып.14, Ташкент, 1976, с.114-118; Ртвеладзе Э.В., Исхаков М.Х. Два средневековых чаганианских селения. -ИМКУ. Вып.15, Ташкент, 1979, с.84-85; Ртвеладзе Э. В. Новые археологические данные к истории городища Будрач. - ИМКУ. Вып.18, Ташкент, 1983, с.173-187.
4. Ртвеладзе Э.В. К биографии Фаррухи. -Художественная культура Средней Азии. IX-XIII века. Ташкент, 1983, с.177-181.
5. Ртвеладзе Э.В. Новые данные..., с.185-186.
6. Исхаков М.Х. Средневековые керамические штампы с городища Будрач. -СА, 1984, № 2, с.244-246.
7. Пугаченкова Г.А. Уникальная группа монет чаганианского чекана VI в. -Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981, с.250-261.
8. Ильясов Дж.Я. Комплекс предметов художественной бронзы с городища Будрач (в печати).
9. Ртвеладзе Э.В. Новые нумизматические данные к истории Саганийана первой половины XI в. -Эпиграфика Востока (в печати).
10. Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т.І, М.-Л., 1938, с.374.
11. Иванов А.А. О производстве бронзовых вещей в Мавераннахре в домонгольское время. -КСИА. Вып.122, 1970, с.101-105; Маршак Б.И. Бронзовый кувшин из Самарканда. -Средняя Азия и Иран. Л.,1972, с.61-90.
12. Иванов А.А. О производстве..., с.101.
13. Melikian-Chirvani A.Z. The westward progress of Khorasanian Culture under the Seljuks. The Art of Iran and Anatolia from the 11th to the 13th Century A.D. Colloquies on Art and Archaeology in Asia. n4. London.p.118

14. Маршак Б.И. Бронзовый кувшин.., с.90, прим.74.

15. Иванов А.А. О производстве.., с.101-105.

16. Там же, с.105; Иванов А.А., Кожомбердиев И.К. Клад бронзовых вещей из Кетмень-тюбе. -Киргизия при Караханидах. Фрунзе, 1983, с.200; Маршак Б.И. Бронзовый кувшин.., с.86.

17. Негматов Н.Н., Хмельницкий С.Г. Средневековый Шахристан. Душанбе, 1966, с.180-181; Маршак Б.И. Бронзовый кувшин.., с.86; Воронина В.Л. Бронзы Ахсикета из коллекции А.И.Смирнова. -Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977, с.136; Иванов А.А., Кожомбердиев И.К. Клад бронзовых вещей.., с.199; Литвинский Б.А., Соловьев В.С. Средневековая культура Тохаристана. М.,1985, с.184.

2

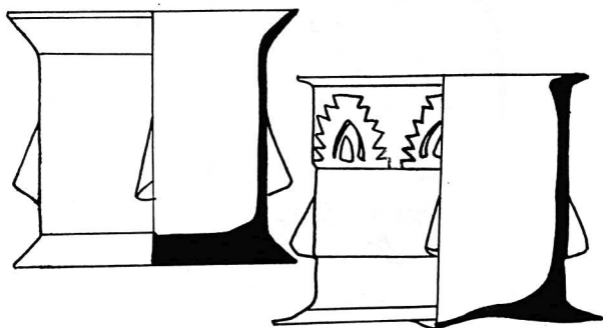

Рис. I

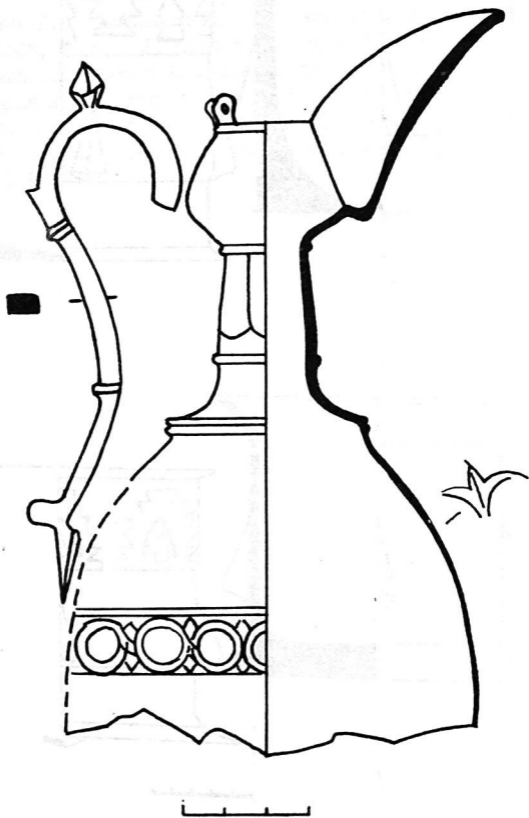

Рис.2

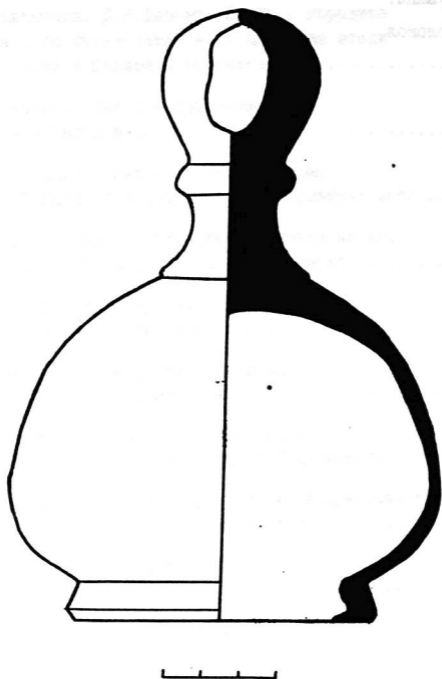

Рис. 3

СО Д Е Р Ж А Н И Е

1. Н.А.Николаева. Северная Осетия в ранне- и среднебронзовом веке.....	9
2. И.А.Аржанцева, Д.В.Деопик. Звезда - городище начала I-го тысячелетия н.э. на степи степи и предгорий в Северной Осетии.....	75
3. Б.Х.Атабиев. Скифское изваяние из Кабардино-Балкарии.....	108
4. В.С.Ольховский. Скифские антропоморфы Северо-Западного Крыма /находки последних лет/.....	114
5. Э.А.Новгородова. Кыпчакские святилища на юге Казахстана /Сандыкский перевал, г.Мерке/.....	136
6. И.Р.Пичикян, А.П.Керзум. Тахти Сангин. Алтарно-башенное помещение.....	177
7. А.П.Керзум. Тахти Сангин. Керамика алтарно-башенного помещения.....	195
8. Э.В.Ртвеладзе. Культовые и погребальные памятники кушанского времени из Кампыр-тепе.....	2
9. С.А.Яценко. Костюм и покровы кочевой аристократии из некрополя Тилля-тепе /Афганистан/.....	251
10. Дж.Я.Ильясов. Будрачский клад бронзовых изделий.....	294

Подписано к печати 05.05.89
Усл. п.л. 19,25. Усл. кр.-отт. 19,38. Уч.-изд. л. 18,17
Печать офсетная. Тираж 500 экз. Зак. 129. Цена 2 р.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство "Наука"

Главная редакция восточной литературы
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

3-я типография издательства "Наука"
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

